

ТВОРЦЫ ЯДЕРНОГО ВЕКА

ВИКТОР ШЕВЧЕНКО –
МЕТАЛЛУРГ
И
АТОМЩИК

ИздАТ

**ВИКТОР ШЕВЧЕНКО -
МЕТАЛЛУРГ
И
АТОМЩИК**

Москва

Изд. **АТ**

2007

УДК 621.039:669.824 (Шевченко)
ББК 6П2.8(09)
В 43

В 43 Виктор Шевченко — металлург и атомщик/Автор-составитель
Важнов М.Я./ Отв. редактор Ростовцев Ю.В. — М.: ИздАт,
2007 г. — стр. 232

ISBN 5-86656-194-8

В книге рассказывается о жизненном пути крупного инженера, ученого, руководителя ряда комбинатов цветной металлургии СССР и одного из видных участников реализации атомного проекта СССР, первого директора ВНИИ неорганических материалов им. А.А. Бочвара Виктора Борисовича Шевченко.

УДК 621.039:669.824 (Шевченко)

ISBN 5-86656-194-8

© Текст — М.Я. Важнов
Редактор Ю.В. Ростовцев
© Оформление ИздАт, 2007
© Всероссийский научно-исследовательский
институт неорганических материалов
имени академика А.А. Бочвара

К читателям

Всероссийский научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А.А. Бочвара (ВНИИНМ) создан по Постановлению Государственного Комитета Оборона (ГКО) от 8 декабря 1944 г. и сначала был назван Институтом специальных металлов (Инспецмет), впоследствии НИИ-9.

К этому времени Великая Отечественная война шла к завершению, но продолжались тяжелые бои в Европе и Азии. В странах, участвовавших в войне, настойчиво велись работы по созданию нового, более совершенного оружия. Ранее, до начала второй мировой войны ученые развивали идею создания атомного оружия. Весьма активно этим занимались ученые фашистской Германии. США и Великобритания в 1942–44 гг. значительно продвинулись в разработке атомной бомбы.

В Советском Союзе ученые, изучавшие проблемы ядерной физики еще до войны, в 1942 году выступили с инициативой срочно приступить к разработке ядерного оружия. Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, предложение поддержал И.В. Сталин, и работы начались с организации научного центра — лаборатории № 2 АН СССР во главе с И.В. Курчатовым (ныне это РНЦ “Курчатовский институт”).

Прежде всего требовалось создать мощную научно-исследовательскую базу и промышленность, необходимые для решения первоочередной задачи получения основного материала — металлического урана. Уран в нашей стране в то время добывался лишь как сопутствующий элемент в радиоактивных рудах редких металлов. Существовавший институт Гиредмет, занимавшийся редкими металлами, не мог обеспечить надлежащих темпов развития эффективных методов извлечения урана из руд, тем более, что намечалось существенное повышение объемов добычи самих руд. Поэтому было принято решение организовать новый специальный “научно-исследовательский институт по урану”. На институт возлагалось “изучение сырьевых ресурсов урана и разработка ме-

тодов добычи и переработки урановых руд на урановые соединения и металлический уран". Таким образом, Инспекмет (НИИ-9) — это научно-исследовательский технологический институт в атомном проекте СССР, стоявший у истоков создания атомной отрасли, науки и промышленности.

Первым директором института в январе 1945 года был назначен Виктор Борисович Шевченко, окончивший Московский институт цветных металлов и золота и имевший немалый опыт работы металлурга, специалиста по цветным и редким металлам, до этого возглавлявший ряд крупных металлургических заводов и комбинатов, в частности, он был главным инженером Норильского горно-металлургического комбината.

Практически сразу, а институт начал формироваться в конце 1944 — начале 1945 гг., стало ясно, что наиглавнейшей и наиболее трудной проблемой является подбор научных кадров и профильных специалистов и создание коллектива, способного осуществить решение поставленных задач.

Ученые и специалисты привлекались из многих институтов и промышленных предприятий, среди них немало было демобилизованных из рядов действующей армии и молодых выпускников вузов. Вскоре выяснилось, что порученные институту задачи — это только начало огромной работы. Главными вопросами становятся исследования в области создания технологии получения основных металлов атомной техники — урана и плутония. Для их решения потребовались высококвалифицированные металлурги, металловеды, теплотехники, физики, химики. В.Б. Шевченко прекрасно справился с возложенной на него обязанностью. Ему удалось, конечно, с помощью Специального Комитета подобрать специалистов и привлечь к работе виднейших ученых.

Так начиналось развитие совершенно новой области знаний. В институте в разное время работали академики, члены-корреспонденты АН СССР, профессора А.А. Бочвар, А.Н. Вольский, И.И. Черняев, В.И. Спицын, А.С. Займовский, С.Т. Конобеевский, М.М. Попов, К.А. Большаков, З.В. Ершова, В.В. Фомин, Н.А. Изгарышев, другие выдающиеся ученые.

В 1952 г. директором института становится академик Андрей Анатольевич Бочвар, крупнейший ученый-металловед. Он возглавил научное направление по материаловедению урана и плутония, от исследований до создания промышленной технологии получения металлов, сплавов и изделий на их основе.

В.Б. Шевченко, доктор технических наук, профессор, свою научную и практическую деятельность сосредоточил на совершенствовании современного отечественного радиохимического производства плутония, создании основ и промышленной технологии переработки отработавшего ядерного топлива, регенерации топлива с целью повторного использования урана и плутония. В результате этих работ был создан и в настоящее время продолжает функционировать завод РТ-1.

Ныне ВНИИНМ — это ведущее предприятие Росатома, многопрофильный материаловедческий и технологический научно-исследовательский институт, в котором успешно трудятся около двух тысяч сотрудников, члены РАН, 40 докторов наук и 190 кандидатов наук. 26 сотрудников института были удостоены Ленинской премии, и более 130 сотрудников — Государственной премии СССР и РФ, большое число сотрудников отмечено государственными наградами.

ВНИИНМ — единственный институт в отрасли, который разрабатывает конструкции и технологию промышленного изготовления тепловыделяющих элементов (ТВЭлов) для АЭС России, АЭС стран ближнего и дальнего зарубежья, для реакторов атомного надводного и подводного флотов, ледоколов, исследовательских реакторов и других аппаратов. Институт разрабатывает технологию и оборудование для переработки отработавшего ядерного топлива, добиваясь снижения количества отходов в десятки раз, и захоронения радиоактивных отходов радиохимических производств и атомных электростанций, проводит исследования по длительному и безопасному хранению ядерных материалов и изделий. В институте разрабатываются уникальные методы сварки, прогрессивные методы обработки материалов давлением, ведутся фундаментальные исследования по совершенствованию и созданию новых конструкционных и деформируемых металлов и материалов, низко- и высокотемпературных сверхпроводников, тугоплавких материалов, высокоэнергетических постоянных магнитов, фильтровального и другого оборудования для атомной, медицинской, пищевой, биологической и других отраслей промышленности. Институт разрабатывает конструкционные материалы для термоядерного реактора, участвуя в реализации проекта Международного термоядерного реактора (ИТЭР). Достигнуты определенные успехи в разработке и использовании нанотехнологии и наноматериалов, в частности создана технология первого в Рос-

сии производства нанокристаллических магнитотвердых материалов широкого профиля.

Институт поддерживает долголетнее сотрудничество с российскими и зарубежными партнерами и имеет высокий научный авторитет.

Вот таким предстает сегодня Всероссийский научно-исследовательский институт неорганических материалов, основу которого заложил его первый директор Виктор Борисович Шевченко — металлург и атомщик, выдающийся руководитель и организатор работ по атомному проекту СССР.

Что касается книги, «Шевченко — металлург и атомщик», то М.Я. Важнов выполнил большой труд по поиску, анализу и обобщению различных документов и материалов, касающихся жизни и деятельности первого директора ВНИИНМ Виктора Борисовича Шевченко. Автору-составителю удалось в скрупулезном изложении летописи и жизненного пути В.Б. Шевченко рассказать читателю об интересной, но сложной судьбе этого выдающегося человека. Книга, безусловно, привлечет внимание тех, кто интересуется историей создания отечественной цветной металлургии и реализации атомного проекта СССР.

От коллектива сотрудников

Генеральный директор ВНИИНМ
С.Н. Востриков

ГОДЫ МОЛОДЫЕ

Есть на Полтавщине небольшой город Карловка, райцентр в полусотне километрах к востоку от областной «столицы». Географический энциклопедический словарь извещает: Карловка — железнодорожная станция, здесь некогда обосновались машиностроительный, сахарный заводы, спиртовой комбинат. «Живы» ли они? — словарь издан в 1983 году, но с тех пор изменилось все. Городом Карловка стала в 1957-м, а до того — поселок, село, местечко Константиноградского уезда Полтавской губернии. Сам Константиноград уцелел, но с 1922-го — это Красноград, отнесенный уже к Харьковской области.

Вот в той, дореволюционной Карловке 24 ноября 1902 года в большой бедняцко-крестьянской семье Шевченко родился еще один мальчик, названный Виктором. Всего лишь несколькими месяцами раньше по тем краям скоротечным вихрем пронеслось полтавско-харьковское восстание крестьян против помещиков и кулаков — так сказано в Советском энциклопедическом словаре. Со всеми типичными чертами — разгромом усадеб, захватом земель, вооруженными столкновениями. В нем участвовало до 40 тысяч человек. Был ли среди них Шевченко-отец, сведений нет, но, если и бунтовал, то, возможно, не очень активно, так как последовавшие затем репрессии его и домочадцев, похоже, не коснулись.

Вскоре отец умер, и во главе «хозяйства» остались 45-летняя мать, Ксения Владимировна, и 19-летний Даниил, старший из детей.

Когда подошло время, Виктор пошел учиться: сначала сельская, потом двухлетняя школа. Ему было уже четырнадцать, когда он стал работать рассыльным в экономии герцога Мекленбург-Стрелецкого.

В 1917-м Карловке повезло: уездное начальство открыло здесь высшее (!) начальное училище. Повезло и Виктору: он мог продолжить учебу, не уезжая от семьи.

Напомню, что германские войска и войска Украинской диктатории к середине ноября 1918 года стояли севернее линии Гомель — Харьков, а это значит, что и Полтава, и Карловка оказались у них в тылу. Вплоть до первой половины декабря 1919-го. Что происходило в Карловке, кто там устанавливал порядки? Видимо, ситуация была относительно спокойная, если училище не закрыли. Да и бои при наступлении и отступлении, возможно, обошли Карловку стороной. В общем, Виктору Шевченко удалось избежать мясорубки гражданской войны — ни белые, ни красные к его семье претензий не имели, в пособничестве, сочувствии к противной стороне не обвиняли.

(Не скажу, что особенно тщательно, однако все же я познакомился с некоторыми деталями истории гражданской войны и иностранной военной интервенции в Украине. К моему разочарованию, Карловки в сводке событий 1918-1919 годов не встретилось. Ничего на этот счет не пишет в автобиографии и сам Виктор Борисович. В личном листке по учету кадров, который заполнен Шевченко 30 октября 1949 года, на вопросы: участвовал ли в революционном, партизанском движении, подпольной работе, в боях во время гражданской войны, служил ли в Красной гвардии, войсках или учреждениях белых правительств, он отвечает «нет».)

В 17 лет Виктор определился с будущей профессией: он — учащийся электротехнического отделения полтавского Индустриального техникума. Но в 1921-м третьекурснику и новоиспеченному комсомольцу Шевченко предлагают перейти на комсомольскую работу.

Он согласился. Его назначили завагитпропом Карловского райкома комсомола. Спустя год — снова за «парту»: недолгая учеба в Губсовпартшколе с последующим повышением. Теперь Виктор заведует отделом агитации и пропаганды Зеньковского уездного комитета (Зеньков — городок севернее Полтавы), а вскоре (апрель 1923-го) — уже на аналогичной должности в Полтавском окружкоме. Чем не начало карьеры политработника? Тем более что он уже полтора года кандидат в члены ВКП(б).

С апреля 1924 года Шевченко — в рядах Красной Армии... Место службы — Закавказье, 3-й Кутаисский стрелковый полк: участвовал в разгроме меньшевистских банд в городах Сванетии.

Однако армейское начальство вспомнило о политическом опыте пулеметчика. Осенью, по истечении кандидатского стажа его, уже как члена партии, назначают инструктором Политотдела 1-й Кавказской дивизии. В этом качестве он работает до июля

1930-го. Шесть лет! И одновременно исполняет обязанности завагитпропа уездного и окружного комитетов комсомола (г. Батуми).

Возможно, остаться в армии на политработе входило в планы повзрослевшего Шевченко, но... Первая пятилетка набирала темпы, запрос на кадры для тяжелой промышленности становился государственной, общепартийной задачей, и 28-летнего выдвиженца комсомола вызвали в Политуправление Кавказской армии, где вручили путевку. «Московская горная академия имени товарища Сталина набирает студентов. У тебя, Шевченко, почти законченный техникум. Иди доучивайся — теперь на инженера», — примерно так объявили явившемуся агитпроповцу. Возражать было не принято: начни отнекиваться, напомнят о партийной дисциплине. (Допустим, сказал, что не по профилю учебы в техникуме. Вряд ли озадачило: какая, мол, разница, езжай — и все.)

Но оказался Шевченко не в Горной академии, потому что 17 апреля 1930-го, за несколько месяцев до нового учебного года, приказом ВСНХ СССР № 1238 Московскую горную академию им. Сталина (МГА) расформировали и на ее базе создали шесть профильных институтов, а среди них и тот — Цветных металлов и золота (как самостоятельный вуз — с 1 мая 1930 года), куда переселили Шевченко. Хотел, не хотел — значения не имело.

А ведь с учебой (уж коли так складывалась судьба) все могло повернуться иначе, получи он, к примеру, путевку в Харьковский технологический институт, почти на родину (от Карловки до Харькова рукой подать): 17 апреля 1930 года приказом ВСНХ СССР № 1240 этот вуз тоже реорганизован, причем его электротехнический факультет — в Электротехнический институт с передачей во Всесоюзное электротехническое объединение. Уж если учиться, то лучше не придумашь. Не случилось!..

Итак, на волне кампании, связанной с реализацией правительственных директив о назревшей потребности в отраслевых вузах (специальная комиссия Совнаркома СССР по реформе высшего и среднего образования считала, что «старые вузы и техникумы представляли собой лже-политехникумы», конгломерат разнородных факультетов, изолированных «от самой жизни». В связи с чем следовало «расчленить» эти громоздкие «лже-политехникумы» на «составные части по отраслевому признаку» и прикрепить их, уже в качестве «самостоятельных учебных единиц», «к отдель-

ным, кровно заинтересованным ведомствам и хозобъединениям»). Виктор оказался среди будущих «цветников»-металлургов.

Институт Цветных металлов и золота передали в ведение Всесоюзного объединения по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины «Цветметзолото» ВСНХ СССР, которым руководил зам. председателя союзного ВСНХ А.П. Серебровский.

Хотя непосредственным прародителем нового втуза был факультет цветных металлов МГА, А.П. Серебровский заблаговременно согласовал добавку «и золота» к прежнему названию, подчеркнув тем самым не только ведомственную подчиненность учебного заведения, но и особое внимание государства к валютному металлу.

Первый директор МИЦМиЗа (до 1933 года) – Г.К. Шоханов. В октябрьские дни 1941-го, выполняя указания «компетентных органов», всю документацию втуза сожгли. Возможен, конечно, поиск в архивах, но сам институт, давно (скоро как полвека) обосновавшийся в Красноярске, таких запросов не отправлял.

Первое время давали о себе знать организационные трудности: своего здания у института не было. ВСНХ СССР предложил Цветметзолоту ускорить запроектированное строительство, а пока наладить учебный процесс в одном из помещений ведомственной исследовательской организации. Предположительно, – это был Гинцветмет. К 1930 году он имел 28-летний «стаж» работы (вел свою «родословную» от Петрографического института «Литогеа», который в 1918-м согласно Декрету СНК стал госучреждением и подчинялся Научно-техническому отделу ВСНХ) и мог оказать помощь в формировании кадрового состава нового втуза.

Сохранились, в частности, сведения о том, что в первый год своего существования МИЦМиЗ размещался на одном из этажей бывшей МГА. Но уже в следующем году институт получил новое здание, на Крымском валу (сейчас здесь находится факультет цветных металлов МИСиС). Историки отмечают: столь быстрые темпы строительства – результат активного участия преподавателей и, особенно, студентов, которые немало времени проводили на субботниках по разгрузке железнодорожных платформ, доставке леса, кирпича, цемента и других материалов.

К осени 1931-го все аудиторные и часть лабораторных занятий шли в новых помещениях. Но условия там были не ахти: отапливались «буржуйками» (все меньше тех, кто помнит, что так называли железные печки, трубы которых выводили наружу через форточки), тепла от которых явно не хватало, оборудования в лабораториях — почти никакого, даже не везде было подведено электричество...

Одновременно выстроили корпус на Шаболовке, однако значительную часть его площадей отвоевал Институт стали.

Пишу об этом для того, во-первых, чтобы лучше понималось, в каких условиях начал заниматься первый набор — 548 человек, а во-вторых, объяснить, почему сначала решено организовать только два факультета — металлургический, студентом которого зачислили В.Шевченко, и технологический (горный, инженерно-экономический появились в 1932-м и 1933-м соответственно).

Металлургический факультет (декан — профессор Г.А. Шахов) имел четыре профильные кафедры, перешедшие из МГА: пирометаллургии тяжелых цветных металлов (зав. кафедрой — профессор В.А. Ванюков), теории металлургических процессов (зав. кафедрой — А.Н. Вольский), металлургии благородных металлов (зав. кафедрой — профессор И.Н. Пласин), обогащения полезных ископаемых (зав. кафедрой — профессор С.М. Ясюкевич). Не лишне напомнить, что из МГА полностью перешла только одна специальность — «Металлургия цветных металлов», а другие отчасти.

К 1933 году на 2-м Донском проезде построили оригинальное 8-этажное студенческое общежитие, названное «Домом коммуны»: этакий «самолет» (в плане), к тому же «парящий» — так как здание опиралось на колонны. Здесь было предусмотрено практически все для жизни почти двух тысяч студентов (проект — на 880 человек, но в одноместных «номерах» селили по двое): бытовые помещения, мастерские, столовая, спортивный и танцевальный залы, библиотека, клуб с кинозалом, магазинчики и даже винтовой пандус для тех, кто поднимается с детскими колясками. Плоская крыша стала местом утренних зарядок.

В «Доме коммуны» проходили смотры художественной самодеятельности (кружками руководили известные артисты московских театров), шахматные турниры, лекции, концерты ...

Словом, Шевченко повезло: обстановка для учебы и саморазвития была более чем благоприятной.

Повезло и с преподавателями. Уже в те годы кафедрами заведовали авторитетные специалисты. А если учесть, что в лекторский «корпус» входили А.М. Бочвар, А.А. Бочвар, Ф.М. Лоскутов, О.Е. Звягинцев, Д.М. Чижиков, Г.Г. Уразов, А.А. Цейдлер и др., можно не сомневаться, что будущих металлургов готовили высокопрофессионально.

Комментарий

Для тех, кто впервые знакомится с научными кадрами «цветной» отрасли народного хозяйства, назову создателей школ и направлений: В.А. Ванюков — теория и промышленная технология получения меди, Д.М. Чижиков — металлургия свинца и цинка, В.А. Пазухин, А.И. Беляев — металлургия легких сплавов, С.И. Плаксин — металлургия благородных металлов, А.М. Бочвар — основатель московской школы металловедов, крупный специалист в области серых чугунов, антифрикционных сплавов, А.А. Бочвар — автор новаторских теорий в области кристаллизации металлов (в 1934-м он возглавил кафедру металловедения), А.Н. Вольский — известный теоретик металлургических процессов... Профессора, будущие члены академического сообщества. Впоследствии с А.А. Бочваром, А.Н. Вольским, О.Е. Звягинцевым судьба сведет Шевченко на «атомном» поприще.

Постепенно учебный процесс налаживался, обретал присущие ему черты. Этому способствовало шефство сначала со стороны Главвузза при ВСНХ СССР, а позднее — Всесоюзного комитета высшего технического образования при ЦИК СССР: профильные ведомства обеспечивали методическое руководство учебно-научной деятельностью. Так, союзный ЦИК в постановлении от 19 декабря 1932 года сформулировал основные задачи вузов (повышение уровня теоретической подготовки, всемерное укрепление связи с производством, действенное поощрение инициативы в учебной работе) и соответствующие конкретные меры — пересмотр программ и учебных планов, организация непрерывной производственной практики, совершенствование методов преподавания.

Среди новаций — отмена «бригадной», безлекционной системы обучения, при которой вместо экзаменов проводились кол-

лективные зачеты 3-5 студентов по итогам самостоятельного изучения теории и выполнения определенного количества лабораторных работ, предусмотренных учебным планом, дифференцированные оценки на экзаменах, единовременные сессии, выдача выпускникам специальных аттестатов успеваемости и, что особенно важно, обязательная защита дипломных проектов.

Факультет, куда определили Шевченко, был укомплектован кадрами настолько хорошо, что кафедры выполняли наибольший объем актуальных научно-исследовательских работ, особенно в области термической обработки сплавов, электрохимии, металлургии меди, никеля, олова, золота, серебра, платины, аффинажа благородных металлов... Преподаватели и научные сотрудники участвовали в решении оперативных задач, вызванных интенсивным развитием как самой цветной металлургии, так и отраслей-потребителей ее продукции.

Забегая вперед, скажу, что В. Шевченко в дальнейшем наверняка припомнились и отчасти пригодились сведения, которые сообщали лекторы о плавке джезказганских руд на Карсакпайском медеплавильном заводе, о способах эффективного обеднения отвальных шлаков, в частности, Карабашского медеплавильного завода...

Первую практику Шевченко проходил как раз на Карабаше. И под впечатлением увиденного написал товарищу. Доверительно. Однако предназначенное лично адресату каким-то образом стало известно «компетентным органам». Расследование завершилось строгим выговором, который сняли через пять лет, когда В. Шевченко работал начальником цеха на том же заводе, где некогда он сделал «ошибочные» выводы.

Много позднее в автобиографии В.Б. Шевченко так изложил случившееся: «... допустил политически неправильную формулировку: написал, что на заводе имеются элементы принудительного труда». Больше с ним «оплошностей» не случалось. И в служебной анкете, заполненной 30 октября 1949 года, он так ответил на вопрос о колебаниях в проведении линии ВКП(б) и т.п.: «Колебаний не было. В оппозиции и антипартийных группировках не участвовал». В автобиографии подчеркивал: «...все время проводил пропагандистскую работу. Неоднократно был секретарем ячеек, парторганизаций, ... членом парткома и контрольной комиссии Райкома. Неоднократно участвовал в партконференциях». На Балхаше — внештатный лектор ГК КП(б) Казахстана. А в НИИ-9 восемь лет — член парткома ... Какие колебания?!

Учился Виктор Шевченко, похоже, с удовольствием. По крайней мере, в его дипломе инженера-металлурга по специальности «Металлургия тяжелых цветных металлов» — отметок ниже «хорошо», за исключением физкультуры, нет. На «отлично» сданы высшая математика, теоретическая механика, физическая химия, сопромат, электротехника, горное искусство, химическая технология, общий курс металлургии и металлургия свинца, цинка, меди, гидроэлектрометаллургия, рудные месторождения, контроль металлургических процессов, организация предприятий, пробирное искусство, теория советского хозяйства, конкретная экономика, английский язык ... Производственную практику (на уральских предприятиях) завершил в Гипроцветмете. Отлично оценены его курсовой проект печи и дипломный — на тему переработки рудной мелочи одного из месторождений. В тот год столь успешно защитили диплом только четверо из каждых десяти выпускников МИЦМиЗ.

Да, чуть не забыл. Пятерки и по общественным дисциплинам — политэкономии, диалектическому материализму, ленинизму, марксистской истории техники.

А с физкультурой произошло необъяснимое. В чем и как надо было провиниться, чтобы получить «неуд»? Тем более удивительно, поскольку все, кто впоследствии знал Шевченко, подчеркивали его внимательное отношение к своему физическому здоровью.

Конечно, поздновато он окончил вуз. В тридцать три года те, у кого был диплом, успевали, как правило, достигнуть многого: специалистов-то — дефицит, а темп индустриализации нарастал год от года. Наступало время, когда, по утверждению Сталина, кадры, то есть люди, овладевшие техникой, решали все.

Штрихи к биографии

Из рассказов Виктора Борисовича (записано сыновьями Владимиром и Валерием):

«Мальчишкой мне довелось петь в церковном хоре, вместе с Ваней Козловским, будущим прославленным тенором.

(И. С. Козловский родился двумя годами раньше Шевченко в с. Марьяновка Полтавской губернии, километрах в десяти, если по прямой, от Карловки. Некоторые источники «приписывают» Ивана Семеновича к Марьяновке, которая расположена в Киевской области, между Васильковым и Белой Церковью. Но это досадная ошибка. Еще и потому, что Виктор

Шевченко уж точно не ездил петь за четыреста, а то и более километров. Окончив Киевское музыкально-драматическое училище, Козловский дебютировал в начале 1920 года на сцене Полтавского театра. И приятельские отношения между ним и Шевченко, который тогда учился в Индустриальном техникуме, окрепли и постепенно переросли в дружбу. Она продолжалась много лет — народный артист СССР и директор закрытого НИИ время от времени созванивались, и в семье В.Б. сохранилась память об этих теплых отношениях. — Сост.).

(Валерий Шевченко вспоминает:

«Когда мне было десять лет, отец взял меня с собой, отправляясь на отдых в Сухуми. Мы летели самолетом и расположились в салоне на передних местах. Рядом с нами оказался хорошо знакомый отцу человек, с которым они оживленно беседовали. В Харькове, где была промежуточная посадка, сосед сошел. У трапа его встречала большая и шумная толпа поклонников, в основном поклонниц, с цветами. Отец рассказал мне, что это был его земляк по Полтавщине, Иван Семенович Козловский».)

Характер у меня складывался своевольный, задиристый. Часто участвовал в мальчишеских драках. Любимый прием — пускать в ход ногти, то есть царапаться, за что прозвали «ряба кышка» (рябая кошка).

Однажды школьный дьячок-учитель обратился ко мне со словами: «Витька, выходи, пороть буду!» — «За что? Я ведь ничего плохого не сделал?» — «Все равно — завтра что-нибудь натворишь!»

Я был активным комсомольцем. Мы — главная власть в селе!.. Нам разрешалось иметь оружие.

Не могу забыть, как однажды проиграл публичный диспут местному попу на тему: «Есть ли Бог?». Сказался недостаток образования. Но все равно было очень обидно и досадно.

Помнится и такой эпизод. Шел губернский комсомольский съезд. А только-только ввели НЭП. Мы, делегаты, посчитали НЭП предательством дела Революции и вышли на улицу громить буржуев. Вызванные войска оттеснили нас обратно, в здание. Предложили разоружиться, но революционно настроенные комсомолы ответили: «Погибнем, но дело Революции не предадим». В конце концов нам разрешили разойтись.

Считая, что с введением НЭПа революционные идеалы по-
праны, я с группой товарищей направился в одну из южных стран
организовывать революцию там. Однако вскоре одумавшись, ре-
шили вернуться в родные места ...

Проходя военную службу в Закавказье, близ Батуми, познако-
мился со своей будущей женой — Татьяной Николаевной, урож-
денной Бобровой.

Сначала у меня был соперник, из местных. Как я его отшил?
Да просто: стукнул револьвером по голове — и он больше не появ-
лялся...»

ПРИТЯЖЕНИЕ МЕТАЛЛА

Уроки Карабаша

Не знаю, как тогда, в середине 30-х, определялось место работы выпускника института. В мое время — конец 50-х, эта процедура была достаточно демократичной: выбор — большой, иногда по несколько «путевок» в одно место, никого, помнится, не принуждали. Некоторый прессинг испытывали только москвичи (в самом деле, геологоразведочный вуз предполагал в основном, не столичную работу), но и с ними конфликтов, как правило, не случалось.

Думаю, кадровики второй сталинской пятилетки жестче решали проблему трудоустройства специалистов. Предложение не обсуждалось, его воспринимали как должное. Как почетное задание...

Другое дело, Шевченко могли рекомендовать на Красноуральский завод — первое отечественное предприятие цветной металлургии: он побывал здесь дважды, и, возможно, рвался туда снова — душой и сердцем. Как же! — подшефный объект самого наркома Г.К. Орджоникидзе. Построенный на новой технической основе. Сюда приезжали повышать квалификацию инженерно-технические работники всей отрасли, да и студенты-практиканты старались попасть в новые цеха.

Но «командиры» распорядились иначе — на Карабашский завод, старейшее медеплавильное предприятие, которое так же (если не в большей степени), как Красноуральский комбинат, с 1929 года служил базой производственного обучения студентов, изучавших металлургию цветных металлов.

Комментарий

Карабашское предприятие еще в 1915 году стало крупнейшим в России медным «цехом», поскольку выплавляло

примерно каждую третью тонну этого металла. Годом позже на Карабаше была пущена первая в России отражательная печь, затем впервые в медной промышленности освоены технологии отражательной плавки и бессемерования медных штейнов, опробованы горизонтальные конвертеры... Неплохим был и уровень внутризаводской механизации.

Но все это — до Октябрьской революции, Гражданской войны. Предвоенный уровень производства удалось восстановить только в 1926-1927 годах. Однако вскоре он уже не удовлетворял запросы поднимающейся промышленности.

В 1934-м здесь побывал нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе. Как вспоминал А.Б. Логинов, один из участников совещания, которое тогда собрал нарком, Серго «приехал разбираться, почему на Карабаше «козлят» ватержакеты, черновая медь плохо поступает на «Красный выборжец», в цех электролиза». Выступая на собрании коллектива, он сказал: «Карабашский завод является в данный момент одним из крупнейших в стране, основным, можно сказать, поставщиком меди. А без меди, как известно, не построить даже самую простейшую машину. Мы вынуждены пока обращаться за помощью к иностранным державам и платить им золотом за все то, что от них получаем. Средства нам нужны самим, потому что надо много строить».

Оценивая в целом возможности цветной металлургии, Г.К. Орджоникидзе утверждал: «Цветных металлов у нас страшно мало, не хватает их. Возможности здесь не меньшие, чем в других отраслях». А вслед за тем появилось правительственное решение о развитии рудничного хозяйства, обеспечивающего Карабаш сырьем, и металлургических мощностей. Под эту программу обещал свою помощь и Серго. Словом, Шевченко застал Карабашский завод на пороге большой реконструкции.

Как многие молодые специалисты, Виктор Шевченко начал мастером, однако уже вскоре он — начальник цеха. Наверное, сыграли роль не только профессиональные знания и проявившиеся организаторские способности, но и солидный, одиннадцатилетний опыт партийной работы. Даже возраст — 33 года — уже не для первой ИТРовской должности.

1935-й стал для завода очень удачным. Он лидировал среди медеплавильных предприятий Урала с наибольшим перевыполне-

нием годового плана. Да и по абсолютным показателям дела обстояли неплохо: Карабаш это около трети чернового уральского металла. Во главе плавильной цепочки — ватержакетчики: именно от них зависели конечные результаты конвертерного цеха. Так вот, начальник этого цеха Попов говорил, что досрочно выполнить повышенную годовую программу ему помог, в частности, ватержакетный передел, возглавляемый Шевченко. По итогам года КМЗ назван лучшим заводом цветной металлургии СССР и удостоен переходящего Красного знамени ЦК профсоюза.

Однако 1936-й сулил заводу немалые испытания. И не только потому, что в действующее производство вторглись строители, монтажники. 4 января Сталин, руководители партии и правительства приняли в Кремле работников цветной металлургии, и там директор КМЗ Д.Ф. Ковалев пообещал дать 23 тыс. тонн черновой меди. Задача очень сложная, особенно если учесть, что «накануне» заводчане выплавляли 15,5 тыс. тонн. То есть предполагался полутонный рост!

Нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе ставит перед карабашцами конкретную цель — добиться ежесуточной выплавки 65 тонн меди. И завод начинает «тренировки» — одна за другой следуют стахановские декады. Руководство КМЗ призывает начальника ватержакетного цеха Шевченко, всех плавильщиков: докажите работой, что способны не быть, как раньше, узким местом.

Наконец, в марте за очередную стахановскую десятидневку завод выдал 655 тонн меди, причем среднесуточный проплав почти на 10% превысил плановый показатель. В передовице газеты «Борьба за медь» в адрес ватержакетчиков было сказано: «Цех имеет таких хороших, знающих дело руководителей, как тт. Шевченко и Беневоленский (помощник В.Б. — *Сост.*). В цехе выросли стахановцы, мастера высокой производительности труда (из 425 человек 118 стахановцев и ударников. — *Сост.*)... Цех в стахановскую декаду и в первые дни апреля показал, что он может работать хорошо».

Выступая на отраслевой конференции медной и меднорудной промышленности (Свердловск, 16-17 апреля 1936г.), В.Б. Шевченко говорил о резервах, которые можно мобилизовать, если преодолеть помехи в работе. Благодаря освоению передовых методов труда, грамотному ведению технологического процесса, росту числа стахановцев, цех перевыполнил программу мая и вышел на первое место по заводу. «Блестящая работа сменных мас-

теров и оперативное, четкое руководство Шевченко и Беневоленского» — таковой была оценка достигнутых результатов. Правда, отдельных срывов избежать не удалось, Виктору Борисовичу и его помощнику высказан упрек в самоуспокоенности и даже беспечности.

Комментарий

На заседании Совета при наркоме тяжелой промышленности по ходу выступления Д.Ф. Ковалева состоялся такой диалог:

Ковалев: ...Второй основной цех, который решает выплавку меди (первый — обогатительный. — *Сост.*), — это ватержакетный, здесь за последние месяцы добились прекрасных результатов.

Пятаков: (Пятаков Г.Л., зам. наркома. — *Сост.*): А сколько меди в шлаках?

Ковалев: 0,32 процента. Это очень хороший показатель в сравнении с прошлым годом — 0,38... За май мы дали на один квадратный метр сечения ватержакетов 53 тонны в сутки.

Орджоникидзе: А в Америке сколько дают?

Ковалев: Примерно около этого... (Ну, Даниил Федорович немного слукавил: заокеанские металлурги плавил 70-110 тонн. — *Сост.*)

Подписанный вскоре приказ «О медной и свинцово-цинковой промышленности» определил для карабашцев новый рубеж проплава на ватержакетах — 60 тонн как «исходную позицию для дальнейшей борьбы за высокие коэффициенты использования агрегатов».

Тем временем Шевченко перемещают в конвертерный, отражательный цех. Руководство завода надеялось, что успешный начальник сумеет и там создать перелом в работе: ведь по итогам 8 месяцев годовой план выполнен лишь на 55,2% (!).

Следуют обвинения в самоуспокоенности, халатности. В августе положение на заводе изучала бригада во главе с представителями обкома партии. Методы исправления недостатков соответствовали духу времени. Рабочих, которые не выполняли норм, после смены встречали партийные и хозяйственные руководители. Тут же — разбор и срочные меры. Кроме того, отобрали для реализации наиболее потенциально эффективные предложения работников, утвердили сроки внедрения. Свою лепту в копилку нова-

торства внесли творческие группы ИТР; они же обобщали и распространяли опыт стахановцев.

Но в целом ситуация не улучшилась. Нервозность в коллективе легко объяснима, если вспомнить, что производственные срывы идут на фоне троцкистско-зиновьевского судилища. Отчасти решение проблем связывают с кадровыми заменами, и эта «волна» уже в ноябре 1936 года «выносит» Шевченко наверх — он становится главным металлургом завода.

Попытки руководства КМЗ переломить негативную тенденцию результата не дали. Точнее сказать так: по сравнению с 1935-м выплавка меди возросла на 30%, причем достигнутые объемы почти втрое превышали показатели начала пятилетки (1933 год); план переработки руды и шихты выполнен. Но 23 тыс. тонн меди — нет! Только 20 тысяч с «хвостиком». К слову, ватержакетный цех, откуда «родом» Шевченко, не подвел своего бывшего начальника: проплав составил-таки 60 тонн на квадратный метр сечения печи в области фурм.

За 1937-й предстояло реализовать обширную программу развития производства, и в ней Шевченко отводилась персональная роль: добиться у обогатителей извлечения меди не менее 97% («планка» Орджоникидзе), поднять производительность конвертеров, увеличить на 10 тонн проплав на ватержакетах. На В.Б. надеются, ему доверяют — он избран делегатом на районную партконференцию. В газете «Борьба за медь» его инициативу называют блестящим почином — «примером того, как инженеры могут помочь стахановцам». Речь шла о том, что Шевченко предложил простой и надежный способ агломерации руды, содержащей избыточную серу и большое количество мелочи. Статья заканчивалась призывом ко всем инженерам и техникам КМЗ «подхватить почин т. Шевченко, внести свое предложение, помогающее стахановцам двинуться вперед к новым производственным победам и рекордам».

В январе-феврале 1937-го уже несколько смен добились очень высоких показателей. Всесоюзные достижения! Отличаются смены С.Е. Вяткина, А. Щербакова... Но март... Март «отметился» крупными авариями на втором ватержакете, взрывом на отражательной печи (пострадало больше 20 человек).

Виновных нашли быстро. Обвиненный во вредительстве, начальник ватержакетного цеха, преемник Шевченко, А.Н. Беневоленский объявлен троцкистом... Заводской партком, усвоив «рецепт» первого секретаря обкома ВКП(б) К.В. Рындина: «Нужна

работа НКВД на месте. Некоторые лица должны быть изъяты, как главари саботажа...», насчитал среди работников КМЗ 150 белогвардейцев, кулаков и других «чуждых элементов». Кроме того, скрытыми врагами назвали исключенных из ВКП(б), многие попали в число сомнительных по соображениям политической благонадежности. И только за январь-март 1937 года 12 работников были арестованы, а 30 уволены.

В апреле партком подытожил: «Действия врагов на заводе давали неоднократно себя знать в виде крупных и мелких аварий, но они... рассматривались как обычные технические неполадки... Ни одной аварии не было придано политического значения, и в большинстве случаев враги оставались безнаказанными». Нависли тучи и над директором завода: его обвиняют в попустительстве вредителям, мягкотелости, называют «узколобым делягой — недальновидным и идиотски беспечным хозяйственником», который не реагирует на недостатки, не вскрывает и не устраняет причины срывов, аварий.

Но В.Б. пока вне разгромной критики. Его даже избирают в члены заводского парткома. Правда, сам Шевченко не «засветился» как разоблачитель. По крайней мере, на трибуну не лез, громких заявлений не делал. Хотя, конечно, голосовал вместе со всеми...

К июню «медный» долг вырос. Д.Ф. Ковалева арестовали, сняли с работы главного инженера. Д.Ф. Ковалева сменил, если не ошибаются источники, правда ненадолго, А.А. Алифбаев. До этого он возглавлял Чимкентский свинцовый завод, а после КМЗ, в 1937-м, стал директором медеэлектролитного завода в г. Пышма Свердловской области. Тогда же арестован по статье 58-1 и отбывал срок в Норильске, где Шевченко встретил его вновь.

И В.Б. стал вторым лицом КМЗ, а вскоре — директором (возможно, и.о.директора, так как в автобиографии, служебных документах эта должность не значится; вместе с тем, некоторые архивные источники свидетельствуют в пользу директорства без приставки и.о.).

Любопытно, что В.Б. «обошел» главного инженера Х.К. Аветисяна, которого знал, будучи студентом МИЦМиЗ: его «Теорию бессемерования медных штейнов» (1935г.) относят, по тому времени, к фундаментальным учебно-научным трудам института.

Аварии чередуются с отдельными рекордами (начальник смены С.Е. Вяткин добился удельного проплава на ватержакетах, превысившего 80 тонн). Стахановское движение в целом хромает,

хотя есть и очевидные «местные» успехи. Например, в механическом цехе, начальником которого и одновременно главным механиком завода был М.С. Пойдо. Жизненные дороги М.С. Пойдо и В.Б. Шевченко пересекались и в дальнейшем — на Балхашском медеплавильном заводе, где Михаил Степанович работал главным механиком. Возможно, рекомендация Шевченко сыграла свою роль в переходе М.С. Пойдо в НИИ-9; там и на ПО «Маяк» он стал одним из участников производства первой плутониевой бомбы.

Раз нет стабильности плана — вредительство не изжито. И на совещании в обкоме партии (сентябрь 1937 года) открыто говорилось о «происках». Не знаю, был ли там В.Б., но в любом случае сказанное первым секретарем К.В. Рындиным ему наверняка стало известно. А Рындин не скупился на обещания: «Мы решили вызвать вас и предупредить. Мы посадили бывшего директора завода Ковалева. Это враг. Все прежнее руководство завода — враги. Часть инженерно-технических работников ждет: арестуют нас или не арестуют, поэтому и не работают». А потом подсластил пиллюлю: «Нам нужны не выговоры, а план...».

Как Шевченко не попал в эту мясорубку? Что его спасло? — Происхождение? Отсутствие прямой вины в заводских ЧП?...

Из публикаций в газете «Борьба за металл»

А. Сахаров: Вместо того, чтобы... подхватить сигнал (о неблагополучии у железнодорожников. — *Сост.*) и до конца размотать запутавшийся клубок..., Шевченко занял явно либеральную позицию. Добродушный (!) директор завода со всем согласен, что писалось в этой статье, он согласен говорить, что на железной дороге еще продолжают орудовать неразоблаченные остатки враждебного охвостья, но тем не менее тов. Шевченко считает несвоевременной постановку вопроса об оздоровлении железной дороги. Он это объясняет тем, что некому работать...

Ж. Кац: Позорную работу ватержакетов (а проплав действительно снизился до 200-250 тонн при плане 650 тонн. — *Сост.*) руководители завода, и, в первую очередь, директор Шевченко, пытаются оправдать нехваткой руды. На самом деле это ширма, за которой скрывается неумение руководить. На заводе царит кустарщина. Цеха и переделы работают друг от друга разрозненно.

Г. Портнов: Новое руководство завода, и в первую очередь, директор т. Шевченко, не извлекли должных уроков из подлой деятельности врагов. Ковалевщина на заводе еще дает себя знать. <...> На заводе много раз выносились приказы по ликвидации последствий вредительства, но что толку, если ни один из этих приказов не выполняется?

К ноябрю долг по меди приблизился к 9 тыс. тонн. Завод попал в число самых отстающих предприятий области: он не давал и половины того, что мог. Словом, «вредительство проглядели...»

Тем временем цеха постепенно преображались. Если говорить о металлургических мощностях, то к началу 1938 года закончили реконструкцию отражательной печи, установили два новых горизонтальных конвертера, модернизировали воздушное хозяйство.

На Карабаше В.Б. Шевченко приобщился к исследовательской работе. Ее вели специалисты Уралгинцветмета и сами заводчане. Будучи главным металлургом, а позднее главным инженером КМЗ, В.Б. занимался решением таких актуальных проблем, как обеднение отвальных шлаков и штейна ватержакетных и отражательной печей, совершенствование конструкции плавильных агрегатов, пылеулавливание на конвертерном переделе. При Шевченко активно внедрялись мероприятия по сокращению потерь металла на всех стадиях его производства, улучшению условий труда.

К чести инженерной службы завода, стахановцев качественные показатели работы улучшались, заметно выросла производительность ватержакетных печей, вдвое сократилась запыленность газов, частично очистилась воздушная среда в плавильном цехе и над городом.

«Челябинский рабочий» с гордостью сообщал: «На Карабашском медеплавильном заводе полностью закончено строительство гигантской вытяжной трубы для выброса вредных сернистых газов из ватержакетного цеха. Эта труба, как известно, сооружена по указанию Серго Орджоникидзе. Сейчас через трубу из ватержакетного цеха выбрасывается пока часть сернистых газов, что уже значительно улучшило условия труда ватержакетчиков. Гигантская труба будет отбрасывать ватержакетные сернистые газы за пределы Карабаша. Раньше значительная часть этих газов осаждалась в пределах города».

Словом, было о чем докладывать на совещании стахановцев медной промышленности СССР в ноябре 1937 года...

Как знать, чем бы закончилось директорство Шевченко — ведь 1937-й вошел в историю страны разгулом репрессий. И, в частности, сталинским «вкладом» в теорию управления: «великое дело — руководить», «нигде в мире не может быть таких руководителей, как у нас» и тостом «за здоровье тех хозяйственников, которые осознали свое великое положение, которые поняли, на какую вышку (!) подняла их история, за таких руководителей, которые выполняют волю народа...», произнесенным 29 октября 1937 года на приеме в Кремле работников и руководителей металлургической и угольной промышленности. (Не все, правда, по оценке вождя, это поняли и «стали» врагами народа.)

Мог бы и В.Б. попасть в жернова режима. Но на исходе года Шевченко вызвал новый нарком тяжелой промышленности Л.М. Каганович...

Страсти у Балхаша

Разговор с наркомом был короткий — В.Б. предложили поехать на Балхаш главным инженером медеплавильного комбината — «на монтаж, пуск, наладку», как пишет В.Б. в автобиографии, и он согласился (не исключено, — с учетом последних событий на Карабаше, грозивших лично ему весьма тяжелыми последствиями).

Незадолго до того ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение разделить трест Прибалхашстрой на две организации: собственно строительную, Прибалхашстрой, и Прибалхашский медеплавильный комбинат, в состав которого включили медеплавильный завод, обогатительный цех, РМЗ, ТЭЦ, Коунрадский и Успенский рудники, а также другие подразделения. НКТП и управление Главмеди направили на комбинат около двухсот ИТР. Этим-то и объясняется вызов Шевченко в Москву.

Вслед за тем, 5 декабря 1937 года, Л.М. Каганович подписал приказ, в котором говорится не только о структурной перестройке управления строительством комбината, но и о конкретных задачах БМК: дать в 1938-м 7 тыс. тонн черновой меди, обеспечить с 1 января 1939-го годовой выпуск металла в объеме 50 тыс. тонн.

Проектирование мощностей предприятия следовало вести так, чтобы иметь возможность впоследствии увеличить производство до 100 тыс. тонн.

Предстояло ввести и освоить шесть секций обогащательной фабрики (ОФ), три отражательные печи, два конвертера, корпус крупного дробления руды с одной дробилкой Мак-Кули, ряд обеспечивающих объектов, включая два котлоагрегата ТЭЦ.

Сроки пуска: первой секции ОФ — 1 января 1938 года (!), второй секции ОФ и отражательной печи — 1 марта; не позднее 1 июня сдать корпус крупного дробления, конвертер, фабрику дробления флюсов.

Объем капиталовложений — 185 млн рублей, или вдвое больше, чем в 1937 году, и примерно треть от суммы, выделенной за весь предшествующий период строительства.

Поскольку организационная перестройка должна была занять несколько месяцев — до 1 мая, Шевченко на первых порах стал заместителем начальника Прибалхашстроя М.А. Радищева. Вернувшийся (середина декабря 1937-го) с общесоюзного совещания металлургов Радищев, излагая суть приказа наркома, не преминул напомнить, что недавно разоблаченные и обезвреженные враги народа — руководители стройки «всячески пытались создать диспропорцию между рудником и строительством», что они «и прочая сволочь затягивали строительство комбината».

Однако и новые «кадры» стройки сразу же попали в тиски наркомовского графика. Январь 1938-го оказался провальным: секцию ОФ не запустили, да и на других объектах дела шли плохо.

В.Б. использовал любую возможность, чтобы своевременно подготовить будущих эксплуатационников. 3 февраля он докладывал на общем собрании секции инженерно-технических работников профсоюза цветников об ее очередных задачах. И, в частности, сказал: «Наша партия доверила нам одну из крупнейших новостроек страны. <...> Мы с вами должны оправдать это доверие и дать уже в этом году производственный эффект.

Есть такое мнение, что важно построить, а там пойдет! Это большая ошибка, товарищи. Пускать медеплавильный комбинат — задача трудная и не менее сложная, чем строить. Мы имеем опыт пуска медеплавильных комбинатов, но нам усложняет задачу то, что наше строительство было поражено

почти на всех участках вредительством. (Попробуй об этом не сказать! — донесут и загребут мигом. — *Сост.*) <...>

Задача состоит в том, чтобы выкорчевать корни вредительского охвостья, оставшиеся на Балхаше. Вместе с этим, мы должны сплотить честный коллектив инженеров и техников. Нельзя огульно всех обвинять во вредительстве. Надо уметь отличать врагов от честных людей. Не каждая ошибка есть вредительство. Ошибки надо исправлять путем жесткой критики и самокритики».

Потом В.Б. привел примеры «злопыхательской писанины», «беспринципных склок» и призвал: «Кончать надо с этим!»

А продолжил так:

«У нас есть среди отдельных работников боязнь производственного риска. Пытаются схорониться за докладные записки. Это неправильно, нужно дерзать, ибо без производственного риска не может быть социалистической работы инженера. Нам нужно также поднимать изобретательскую работу...

Комбинат входит в пусковой период, а задача эксплуатационников заключается в том, чтобы крепче, придиричливее принимать пусковые агрегаты, ибо мы этим сократим пусковой период. Никаких временок быть не должно.

Пора поставить во всю ширь вопрос о культуре в работе. Надо ... не отставать от технической мысли, которая с каждым днем идет вперед».

Вскоре стало ясно, что будут сорваны и очередные, оговоренные приказом наркома, сроки ввода объектов пускового комплекса. Руководство нервничает, со стройплощадок поступают тревожные сигналы: «Товарищ Шевченко обещал помочь, но не выполнил обещание...» В.Б., в свою очередь, объявляет бой обсчетам рабочих и припискам («один из приемов вредителей — врагов народа»), вводит систему оформления нарядов, категорически запрещает переброски рабочих, выполняющих работу по нарядам, на другие объекты, обязывает применять прогрессивно-премиальную или аккордно-сдельную оплату — в целях повышения производительности труда и стимулирования стахановского движения.

Газета «Казахстанская правда» напоминает причины прежних срывов: «В приказе наркома вскрыты крупнейшие прорывы и уз-

кие места в строительстве комбината, явившиеся результатом вредительской деятельности троцкистско-бухаринских и национал-фашистских предателей, японо-германских шпионов, стоявших во главе Прибалхашстройа». А многое ли изменилось? Ни один строительный участок своих планов не выполняет, строительство Коунрадского рудника по-прежнему самое узкое место комбината, на секциях ОФ, отражательной печи, в цехе крупного дробления о наркомовских сроках стараются не вспоминать — поезд давно ушел. И газета делает вывод: провалы объясняются «прежде всего тем, что руководство строительства, коллектив инженерно-технических работников и партийные руководители до сих пор не развернули настоящей борьбы за ликвидацию последствий вредительства, особенно в вопросах организации труда».

В середине апреля центральная республиканская газета вновь критикует руководителей стройки: они «... склонны оправдывать свою плохую работу всякого рода объективными причинами. Они не проявили чувства внутренней большевистской тревоги за строительство комбината. Столкнувшись с некоторыми трудностями, они спасовали. Мало этого, ... начальник строительства тов. Радищев, главный инженер тов. В. Шевченко взяли под сомнение выполнение приказа наркома».

Это как же так? Что они себе позволяют? И на стройку зачастили проверяющие — из обкома, ЦК КП(б) Казахстана, наркомата. Их оценки созвучны духу времени: Шевченко оттягивает решение оперативных вопросов в преддверии передачи строительства подрядной организации, либеральничает... Вот, в конце марта случилась крупная авария на Пирострое — разрушилось основание несущей колонны цеха, а Шевченко, хотя и усмотрел в действиях инженера Бурлака преступную безответственность, но ограничился строгим выговором и денежным начетом. В общем, В.Б. рискует сильно...

Тем временем пусковые объекты металлургического комплекса все же подошли к сдаче. Вновь созданная строительная организация «развязала» руки эксплуатационникам, и те целиком и полностью переключились на пуск первоочередной цепочки.

17 мая 1938 года на собрании стахановцев, рабочих и ИТР основных объектов главный инженер комбината В.Б. Шевченко остановился на проблемах, тормозящих пуск: плохое качество монтажа, аварии агрегатов, отсутствие хорошего стахановского движения у эксплуатационников. Решено дать первый штейн отражательной печи не позднее 24 июня — к дню выборов в Верхов-

ный Совет Казахской ССР, задействовать на нужные объемы первую секцию ОФ, а к середине июня подготовить к вводу вторую секцию.

Тогда было так принято — к дате, торжеству. Этим «стимулом» пытались подогнать дела, ускорить их. Хотя зачастую знали — не справятся. И шли на обман сознательно: без обязательств никак нельзя. Сорвут, скорее всего, но — отставание сократят...

Чем ближе «день», тем очевиднее неудача. Выясняется, что Коунрадский рудник не сможет полностью снабдить комбинат рудой, поэтому надо ускорить решение вопроса о транспортировке сырья из Джезказгана и Успенского рудника. М.А. Радищев на Карагандинской областной партконференции разъясняет: «Заводские корпуса заложены на оползнях. Грунтовые воды разрушают фундаменты. Оборудование фабрики изготовлено по вредительским чертежам. Пущенную нами первую секцию обогажительной фабрики целый квартал пришлось ремонтировать и перестраивать, а 20 мая — остановить совсем».

Строителям достается и от Шевченко. Но он критикует и состав райкома — старый и новый. Выступая на собрании Балхашского горпартактива, В.Б. упрекает партийное руководство в том, что оно не подошло «вплотную к ликвидации последствий вредительства».

Слова — словами, а пускать комбинат надо. Стало ясно, что есть только одна возможность — загрузить отражательную печь богатой рудой напрямую. И 24 июня памятное событие случилось. Нет, не первый штейн, а лишь начало разогрева печи. Но и это — несомненно событие. 11 июля приступили к загрузке печи. Вся полнота ответственности за первую плавку легла на В.Б. Шевченко, который в эти напряженные дни исполнял и обязанности директора комбината.

Но судьба не была милостива к балхашцам. Как раз в эти дни случилась крупная авария на строительстве корпуса крупного дробления. И заместитель наркома тяжелой промышленности Кузьмин призвал главного инженера БМК Шевченко и заместителя начальника Главмеди Силуянова вложить «всю свою энергию в борьбу с саботажем и за упорядочение работ на стройке». Этот разговор по прямому проводу состоялся 14 июля, 15-го должен был пойти штейн. Не пошел! Ну, надо же так! Ждали еще сутки, до часу дня 16-го. И дождались! Первый металл Балхаша — есть!

А 17-го «пускачей» догнали оргвыводы наркома Л.М. Кагановича. За срыв сроков строительства основных объектов («негодное руководство» со стороны М.А. Радищева и начальника Прибалхашстроя Ф.И. Исаева, непресеченная деятельность «остатков неразоблаченных до конца вредителей») первые лица сняты с работы и получили по выговору. Начальником стройки назначен А.В. Курганов, а В.Б. Шевченко — временно исполняющим обязанности директора комбината. Тем же приказом установлены новые сроки ввода мощностей по дроблению, обогащению руды, плавке, энергообеспечению...

Шевченко буквально разрывается: надо везде успеть, ничего важного не упустить. Да разве управишься?! А партийные органы начеку: «Нельзя сказать, что после снятия Радищева со стороны и.о. начальника комбината Шевченко была проявлена активность в деле обеспечения нормальной работы обогатительной фабрики и медеплавильного завода». Товарищ Шевченко, «надеясь на кого-то, не занял твердой большевистской линии в деле выполнения приказа наркома».

Кстати подоспело назначение И.И. Перцева директором комбината. И В.Б., не мешкая, занялся прямым делом — освоением введенных мощностей: ведь план (7 тыс. тонн черновой меди) никто не отменял. В его рабочем календаре — проплав, содержание меди в концентрате, переработка руды на ОФ, учеба кадров (спасибо Л.М. Кагановичу — прислал 50 опытных металлургов), соревнование... Как ни вспомнить, применить опыт Карабаша.

Трудности, вопросы — на каждом шагу. Не мудрено: «Проекты в основном делает Гипроцветмет, а он за проектирование, — напоминает И.И. Перцев, — вообще, и особенно на Балхашстрое, получил три выговора».

Наконец, в строю конвертер № 1 и 24 ноября 1938 года сварены первые 45 тонн промышленной черновой меди. А 26-го об этом событии сообщила главная газета страны «Правда».

Но потерянного времени не наверстать, и когда кончился год на счету комбината оказалось всего 2 тыс. тонн металла. Не семь! А суммарно, по всем видам продукции, план выполнен только на... несколько процентов.

Справедливости ради надо сказать: отработка технологии получения штейна и черновой меди шла медленно, поскольку большинство плавильщиков были малоопытны. Директор комбината, признавая (в официальной характеристике), что В.Б. Шевченко «проявил себя как знающий дело, технически грамотный главный

инженер», поставил и ему в вину невыполнение производственной программы.

* * *

Оставалось надеяться на 1939 год, когда руководство БМК предполагало ликвидировать все «разрывы» технологической цепочки и, заверял И.И. Перцев, не только освоить новые мощности, но и «добиться проектных качественных показателей по выплавке меди».

Состоявшийся в марте 1939-го XVIII съезд ВКП(б) дал установку добиться еще более мощного подъема цветной металлургии (вслед за черной: она, конечно, первенствует) — список важнейших приоритетов возглавляет медь. Причем в республиканском разрезе подчеркнута необходимость «сосредоточить внимание» на завершении строительства Прибалхашского комбината. По третьему пятилетнему плану выпуск меди на БМК должен был возрасти более чем втрое. Отчасти предпосылки для такого скачка уже имелись: после ввода на ОФ секции № 2 комбинат мог перерабатывать столько руды, сколько прежде перерабатывали все медеплавильные предприятия Урала.

А после съезда балхашцы узнали, что их упорство все же вознаграждено: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля большая группа строителей, эксплуатационников была отмечена орденами и медалями. В том числе и В.Б. Шевченко — орденом Трудового Красного Знамени. (Правительство Казахской ССР «приложило» к ордену подарок — очень дорогое по тем временам кожаное пальто.)

Примерно в те же дни И.И. Перцев докладывал в наркомате о том, как будет работать БМК в 1939 году. Потом вместе с наркомом цветной металлургии А.И. Самохваловым и начальником Главмеди П.А. Захаровым он побывал у заместителя председателя СНК СССР А.И. Микояна, после чего состоялась встреча с И.В. Сталиным (в присутствии В.М. Молотова). Вот как о ней рассказывал Перцев хозяйственному активу комбината: «...товарищ Сталин стал развивать мысль о том, что же, собственно, требуется от нас.

- Сколько меди дадите в этом году? — спросил он меня.
- 16 тысяч тонн.
- Это в плане записано. А сколько на деле дадите?
- 16 тысяч тонн, — повторил я.
- А сколько на 1 января будущего года мощность будет?

— 30 тысяч тонн, — говорю.

— А когда думаете закончить на 50 тысяч тонн?

— Во всяком случае, — отвечаю, — в течение полутора лет, то есть в 1941 году.

— Ну, хорошо. Если это выполните, будет замечательное дело. СССР резко уменьшит импорт, и наш баланс по меди значительно улучшится.

Затем Сталин спросил, какая нужна помощь. И все, что я назвал, удовлетворили».

Оправдать заверения, данные в Кремле, было не просто: второй конвертер вступил в строй не 1 января 1939 года, а не ранее августа. Вторая отражательная печь — лишь 24 июня 1939 года, тогда как планировалось сдать ее 1 декабря 1938-го. Обогащители могли перерабатывать только руду среднего дробления, так как цех крупного дробления еще строился, и в этой ситуации вынужденно применялся ручной труд, что, разумеется, тормозило технологический процесс на ОФ. Нередко вину возлагают непосредственно на Перцева и Шевченко.

Именно в это время появляется написанная В.Б. статья «План выплавки меди будет перевыполнен!»: «Вождь народов товарищ Сталин, принимая директора комбината тов. Перцева, обещал нам большую помощь.

Уже первые дни после приема показывают, как быстро осуществляется это обещание. Мы уже имеем извещение об усилении снабжения Балхаша как по линии строительства, так и по линии продовольствия.

На приеме товарищ Сталин просил балхашцев дать больше меди. Наш комбинат идет по выполнению плана с низкими показателями, и сейчас перед нами стоит задача в ближайшие дни резко увеличить выдачу меди до уровня ежесуточного плана, а с пуском корпуса крупного дробления добиться перевыполнения плана и покрытия задолженности первого квартала.

Имеем ли мы возможности в ближайшие дни поднять выпуск меди до уровня плана? Несомненно, имеем. Нам остается только провести организационные мероприятия».

Подытоживая, Шевченко заверяет: «Коллектив комбината способен в самое ближайшее время решить все задачи, связанные с выполнением программы и даже ее перевыполнением. Для этого необходима боевая сплоченность коллектива, его целеустремленность в борьбе за то, чтобы ответить вождю народов товарищу Сталину увеличением количества выпускаемой меди и перевы-

полнением программы». И обещает: «... с мая комбинат будет программу выполнять».

Учитывая, что план по меди первого квартала невыполнен на треть, поставленная задача очень сложна. Но если увеличатся поставки руды из Коунрада, строители ликвидируют недоделки по ОФ, удастся приблизить пуск второй отражательной печи, второго конвертера и воздухоудовки, сократить потери металла у плавильщиков положительная тенденция уже наметилась... Тогда можно, как считали не только руководители комбината, но, что особенно важно, и цеховые специалисты, «заранее уверить в положительном исходе мероприятий, которые сейчас находятся в стадии экспериментов, организованных лучшими металлургами Балхаша...» (местная печать называет среди них и Шевченко).

А резервы соревнования? Вот начальник РМЗ М.С. Пойдо: энергично взялся за развертывание стахановского движения, укрепление трудовой дисциплины — и завод стал уверенно справляться с заданиями.

В общем, и Перцев, и Шевченко пытались предусмотреть все. Однако реальность «подправляла» расчеты. Не помог даже пуск второй отражательной печи, потому что рудник держал на голодном пайке обогатителей и сырья плавильщикам не хватало.

Последовала жесткая реакция наркомата. Заместитель наркома П.Я. Антропов телеграфировал: «Несмотря на оказанную помощь и наличие возможностей перевыполнения плановых заданий, завод в июне работает совершенно неудовлетворительно. <...> Предлагаю совместно со стахановцами обсудить положение. Сообщите, какие приняты конкретные меры, обеспечивающие улучшение работы завода. Результаты июльской работы завода будут обсуждены коллегией».

Стахановцев, конечно, собрали. Те — с упреками: в том, что плохо работаем, большая вина Перцева и Шевченко; а могли бы и посоветоваться с нами...

На комбинат зачастили комиссии. Две из них прислал ЦК КП(б) Казахстана. Позднее в Отчете ЦК КП(б) Казахстана III съезду Республиканской Компартии содержались такие оценки соотношения объективных и субъективных причин: «Диспропорции между крупным и средним дроблением, между флотационным цехом и цехом сгущения несомненно играют свою роль. Но в устранении этих диспропорций не последнюю роль играют руководители Балхашского завода и партийной организации. Они не сумели по-большевистски использовать огромную помощь

партии и правительства. <...> Вместо того, чтобы мобилизовать весь коллектив на выполнение производственной программы, руководители завода самоустранились от этого дела.

Во время проверки отмечалась низкая производственная дисциплина среди инженерно-технических работников. Некоторые из них мирились с недостатками и тем самым задолго до окончания года предрешили, по-существу, провал производственной программы».

Фамилий в докладе нет, но очевидно, кто прежде всего имеется в виду. В.Б. Шевченко тяжело переживал упреки, в справедливости которых, наверное, сильно сомневался.

А тут еще...

Вот что рассказывал В.Б. по прошествии многих лет:

«Во время строительства вдруг обвалилась крыша одного здания. Что это — диверсия, вредительство, откровенное головоутиение или пьяное разгильдяйство? В Москве спецслужбы проверяли документы всех, кого можно было считать причастным к этому событию. Даже тяга к спиртному имела значение. На меня эта тень не легла, так как всем было известно, что я спиртного не употреблял и на все торжественные сборы, вечеринки по поводу и без повода неизменно приходил с бутылкой молока. Заподозрить меня в таких эпизодах было невозможно.

Другой случай связан с моим письмом жене. Как-то я ей написал, что-де присылают нам казахов (чуть ли не ловят их по степи), а они через неделю-другую удирают с работы с сернистым газом... Это письмо перехватило НКВД, и уполномоченный посадил меня во временную кутузку на заводе. Но быстро выпустил. Оказалось (как я потом узнал), в то самое время — звонок из Москвы: «Как с планом по меди?» — «Да вот у нас вышел из строя один из агрегатов.» — «А что же там делает Шевченко?» — «А мы его посадили за антисоветскую пропаганду...» В ответ — отборный наркоматовский мат. И я на свободе...»

...Когда подошел июль, выяснилось: план полугодия выполнен только на 62,5 процента. Спустя два месяца надежды растаяли окончательно: обогатители перерабатывают лишь половину того, что потенциально могли бы, потери меди, особенно в металлургических шлаках, огромны, освоение мощности печей, конвертера

идет медленно. Простой, текучка кадров, низкая дисциплина... В цехах грязь, захламенность. Передовой опыт не распространяется, обязательства не проверяют... 25 августа по этому поводу критически высказалась главная партийная газета страны — «Правда». А в начале сентября бюро ЦК КП(б) Казахстана, обсудив отчет Балхашского горкома партии и руководителей медеплавильного завода, рудника и треста Прибалхашстрой, признала работу комбината строителей и горняков совершенно неудовлетворительной.

Не потому ли именно в августе 1939-го Шевченко обратился к наркому цветной металлургии А.И. Самохвалову (копия — начальнику Главмеди П.А. Захарову) с просьбой, достаточно необычной, но хорошо, трезво обдуманной и лишь отчасти вызванной не лучшим настроением: «В течение моего пребывания здесь я был поставлен в тяжелые семейные и бытовые условия. Пытался два раза перевезти семью на Балхаш и оба раза принужден был отправить обратно в Москву. Прошу поэтому освободить меня от работы на Балхашском медеплавильном заводе и предоставить работу там, где я могу жить вместе с семьей».

Сказано, видимо, главное. Но были и другие мотивы: «По окончании института вот уже пятый год я работаю непосредственно в цехе, на заводе. Работать над собой почти не приходилось. Чувствую, что через некоторое время буду отставать. Поэтому прошу предоставить мне на два года возможность поучиться в аспирантуре. Если это почему-либо невозможно, то перевести на проектную работу, где я могу также поработать над собою. В отпуске последний раз я был в апреле 1937 года. Третий год работаю без отпуска. Прошу предоставить мне в октябре этого года отпуск с последующим переходом на другую работу».

... Год закончился для балхашцев провально: план по меди выполнен на 68,4 процента, по переработке руды и того меньше — на 51,8 процента; сверхплановые потери металла — больше тысячи тонн; себестоимость превысила плановую, убытки составили 6 млн. рублей. При этом БМК дал 51% меди, выплавленной на всех заводах Казахстана.

А в середине декабря 1939-го приказом по Главмеди Шевченко освобожден («согласно личной просьбе») и направлен в распоряжение отдела кадров НКЦМ.

Сожалел ли Виктор Борисович о случившемся? Наверное... Не любил отступать, тем более на полпути. Впрочем, могу ошибиться.

Испытание Большим Джезказганом

Просьбу В.Б. сочли убедительной. И откомандировали в институт. Какой?

Составители ряда официальных изданий и кадровики НИИ-9 в справке, выданной не ранее 1955 года, указывают: Московский институт цветных металлов и золота, заместитель директора по научной части. Сам В.Б. Шевченко, заполняя 30 октября 1949 года личный листок по учету кадров, указал: «I-V. 1940. Зам. директора по научной части Гинцветмета». То же — в собственноручно написанной автобиографии. В сохранившейся служебной карточке (отдел кадров Норильского комбината) вообще ни о каком институте не сказано.

Начал проверять версии.

МИЦМиЗ. Может быть направили сюда? Все-таки родные, привычные стены... Нет, учебный институт я «отсек» почти сразу. Не потому, что *учебный*. Так-то оно так, но — какой! Постановлением СНК СССР от 26 апреля 1938 года ему, единственному в системе НКЦМ СССР, было предоставлено право принимать к защите докторские и кандидатские диссертации по 12 (!) специальностям. С 1931-го здесь функционировала аспирантура, а затем созданы советы по защите диссертаций — кандидатских, с 1931-го, и докторских, с 1934 года. За 1930 — 1940 годы аспирантуру закончили 123 человека, из них 86 остались в родных стенах. К 1940 году преподавательский состав — это 17 профессоров-докторов и 9 профессоров, 37 доцентов-кандидатов и 34 доцента. Здесь успешно защитили докторские диссертации А.А. Бочвар, С.И. Губкин, Д.М. Чижилов, Н.В. Гевелинг, П.С. Титов, И.Н. Плаксин, Н.Н. Мурач, Г.О. Ерчиковский, С.М. Ясюкевич, А.Н. Вольский. Что ни имя, то — школа, новое научное направление... За 10 лет в МИЦМиЗ подготовлено и издано более 50 фундаментальных трудов, большинство из которых «столбили» мировые приоритеты по различным направлениям отраслевой науки. Поздравляя институт с 10-летием, нарком цветной металлургии П.Ф. Ломако, выпускник-32 МИЦМиЗ, отметил, что втуз «с каждым годом все больше и больше развивает научно-исследовательскую работу, помогая наркомату в разрешении актуальных задач

дальнейшего развития промышленности». И была должность зама по науке...

Но в юбилейном сборнике научных трудов МИЦМиЗ, который подписан к печати 26 августа 1940 года, а сдан в набор — подчеркну особо — 15 апреля, то есть когда В.Б. Шевченко мог работать в институте, его фамилии нигде (!) нет, включая выпускников, ставших крупными руководителями (Карабаш и Балхаш Виктору Борисовичу не зачли). Да и статья о научной работе в институте принадлежит... И.Н. Плаксину.

На всякий случай навел справки в Красноярском государственном университете цветных металлов и золота (так с 18 июня 2004 года стала именоваться Красноярская государственная академия ЦМиЗ, а прежде того Красноярский институт цветных металлов, основанный в 1958 году в качестве преемника Московского института ЦМиЗ). Никаких следов Шевченко! К тому же в октябре 1941 года, после того как Москва оказалась на осадном положении, поступил приказ полностью уничтожить архивы. Всю письменную документацию сожгли...

Гинцветмет. Наиболее вероятный вариант. Потому что к исходу 30-х годов этот Государственный институт (цветных металлов) занял ведущее положение в отрасли, был хорошо оснащен оборудованием и приборами; здесь разработаны проекты ряда крупных предприятий, в том числе Балхашского медеплавильного завода и обогатительной фабрики. Институт участвовал в создании первых цехов по производству кобальта на комбинатах Южуралникель и Уфалейском... Он, в частности, обслуживал и потребности Всесоюзного объединения по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины ВСНХ СССР. (Может, поэтому кадровики наименовали институт, где недолго работал В.Б. Шевченко, московским — располагался-то он в столице. Но почему в его названии появилось «и золота»?)

К сожалению, проверка в Гинцветмете тоже ничего не дала: документы того времени по разным причинам не сохранились.

На всякий случай запрос пошел и в *Гипроцветмет* — а вдруг? Ведь этот институт был основным проектировщиком «медных» предприятий. И не оказался ли Виктор Борисович там? Увы, официальный ответ был отрицательным: какими-либо сведениями о Шевченко не располагаем.

Наконец, решил удостовериться, имел ли В.Б. отношение к Институту цветных металлов и золота (Ленинград), упомянутому

в энциклопедии «Инженеры Санкт-Петербурга» А.И. Мелуа. Однако проверка по другому официальному изданию, на мой взгляд, обладающему более солидной информационной базой (Органы управления отраслью «Геология и разведка недр». От Геолкома до Министерства геологии СССР. 1882-1985. — Л.: «Недра», Ленинградск. отд., 1990), показала, что действительно в 1929 году при реорганизации Геологического комитета были созданы новые структуры, в том числе Геолого-разведочный институт по цветным металлам (и никакой золотой «приставки»).

Как самостоятельный этот Институт существовал год: в 1930-м его и аналогичный Институт по черным металлам объединили в Научно-исследовательский институт месторождений металлов (Ленинград), а в 1931-м недавно созданный Институт включили в состав организованного в Ленинграде единого института — Центрального научно-исследовательского геолого-разведочного института (ЦНИГРИ). Спустя семь лет началась эволюция ЦНИГРИ, которая вскоре завершилась появлением «на свет» Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ, Ленинград).

Я, наверное, утомил читателей. Но ведь надо было доказать, что научно-исследовательского или проектного Института цветных металлов и золота не существовало, что сходный по названию Институт «растворился» в других структурах задолго до 1940 года и что, наконец, все названные организации были *геолого-разведочными* и В.Б. Шевченко туда, разумеется, не стремился.

Если подытожить, с высокой степенью вероятности В.Б. Шевченко откомандировали в *Гинцветмет* (ныне это ФГУП РФ «Гинцветмет»).

Почему В.Б. не задержался в Гинцветмете, а уже в мае-июне выехал в Джезказган, к новому месту работы?

Прежде чем ответить, дадим небольшую историческую справку.

Запросы бурно развивающейся промышленности страны ставили в повестку дня вопрос о резком увеличении выпуска меди. Одним из перспективных районов ее производства мог стать Джезказганский.

Что он давал к исходу 30-х годов? На базе его медных руд работал сравнительно небольшой Карсакпайский медеплавильный завод. Но, как полагали ученые Казахстанской базы АН СССР, это «ни в коей мере не разрешает вопроса

использования громадных запасов Джекказгана и, добывая наиболее богатые руды, в дальнейшем может даже затруднить правильное использование всех запасов Джекказганского района». Поэтому сессия Ученого совета Казбазы считала «необходимым для ликвидации общей дефицитности меди в стране и использования громадных запасов построить в течение третьей пятилетки (1938-1942гг. — *Сост.*) на Джекказгане медеплавильный комбинат».

Доводы научной общественности были восприняты, и в 1936-м площадка будущего комбината начала осваиваться (приказ подписан наркомом тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе). Затем, 11 февраля 1938 года уже СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление относительно объемов строительства комбината и сроков освоения месторождения. А в 1939-м XVIII съезд ВКП(б) отнес немедленное строительство Джекказганского комбината к числу неотложных задач в области создания отечественной цветной металлургии и наметил к 1940 году сдать в эксплуатацию первую очередь.

После съезда СНК СССР и ЦК партии приняли еще два постановления: «О состоянии и ходе реконструкции Карсакпайского медеплавильного комбината» (имелся в виду комплекс, представленный Карсакпайским медеплавильным заводом — по существу, опытным производством для нужд будущего Джекказганского комбината, обогатительным переделом и Джекказганским рудником) и «О работе и ходе строительства Джекказганского рудника». К тому времени Гипроцветмет уже разработал проект крупного промышленного комплекса, предусматривающий строительство и реконструкцию рудников, сооружение обогатительной фабрики, нового медеплавильного завода и других объектов.

Однако начатое дело лишь ненадолго оказалось в руках НКЦМ. 28 февраля 1940 года нарком Л.П. Берия направил Предсовнаркома В.М. Молотову письмо, в котором говорилось:

«Увеличение выплавки меди в Союзе в ближайшие годы может быть в значительной степени достигнуто форсированным разворотом строительства Джекказганского медеплавильного комбината на мощность 50 000 тонн меди в год.

Этот комбинат строится на базе наиболее подготовленных к освоению и богатых медью руд Джекказганского месторождения, насчитывающего 4,5 млн тонн меди по всем категориям запасов. <...> Добыча и переработка этих руд в течение ряда лет осуществляется на действующем Карсакпайском медеплавильном заводе.

До сих пор к строительству комбината и подсобного хозяйства практически не приступили, и Наркомцветмет намечает срок ввода в действие первой очереди комбината в конце 1943 — начале 1944 гг.

В результате обсуждения совместно с работниками Наркомцветмета вопроса о форсировании строительства Джекказганского комбината считаем необходимым передать Наркомвнуделу строительство, эксплуатацию этого комбината, с окончанием строительства первой очереди его на 25 000 тонн меди в конце 1942 года с выдачей в том же году 5000 тонн».

СНК согласился с мнением Л.П. Берия, и 19 марта 1940 года было принято постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 371-147с «О строительстве Джекказганского медеплавильного комбината и передаче его в ведение НКВД СССР», согласно которому предстояло выполнить программу, предложенную Наркомвнудел. Утвержден и объем капиталовложений на 1941 год — 130 млн рублей.

Потребовался человек, уже знающий казахскую специфику. Вспомнили и о Шевченко. Решили — подходит! Может быть, и спросили «согласен ли?». Для формы. Но В.Б. воспринял поручение всерьез, да и не было принято отказываться, тем более от предложения ведомства Берия. Хотя хорошо помнил, чем конкретно мотивировал свою просьбу о переводе с Балхаша.

Да, «практика» Шевченко в научно-исследовательском и проектно-институте закончилась внезапно и быстро. И вскоре он оказался «по соседству» со своим бывшим подопечным комбинатом. Ему, наверное, вспомнилось, что, работая на Балхаше, все надежды связывал (как и все руководство) с рудой Джекказганского рудника — своей-то не хватало, требовал быстрее наладить доставку оттуда сырья. Призывая в союзники даже партийный актив. А когда пустили вторую отражательную печь, привозная руда

стала «пищей» именно для нее — иначе плавильные мощности БМК были бы незагружены.

Кем определили Шевченко? Заполняя (1949 год) личный листок по учету кадров, В.Б. пишет: «работал главным инженером, начальником Джезказганского комбината НКВД СССР». Однако в автобиографии — она датирована тем же числом, что и личный листок — несколько отличная формулировка: «решением ЦК ВКП(б) был назначен главным инженером *строительства* (курсив наш. — *Сост.*) Большого Джезказганского комбината НКВД СССР».

И то и другое правильно. Потому что созданная организация — Джезказганский комбинат — занималась и строительством, и эксплуатацией. Другое дело, сам Карсакпайский завод с небольшим обогатительным переделом, то есть медеплавильная «единица», а также местная электростанция, Байконурские угольные копи (технологические нужды металлургов), ранее введенные шахты Джезказганского рудника остались под началом НКЦМ. Сочли, видимо, целесообразным сконцентрировать силы НКВД на расширении и реконструкции всего комплекса рудодобычи только на вводимых шахтах, полагая, что «цветники» смогут дать нужные объемы меди, если получат соответствующие мощности.

16 апреля 1940 года создается Джезказганский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ).

Справка. Численность Джезказганлага на 1 января 1941 г. — свыше 13,7 тыс. заключенных. В феврале 1941-го для руководства «Североникелем», Норильским и Джезказганским комбинатами создано Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий НКВД СССР.

Начальником Управления Джезказганского ИТЛ и комбината назначен Б.Н. Чирков, впоследствии известный руководитель уранодобывающих предприятий СССР.

В целом, передача строительства и эксплуатации комбината (будем именовать так, как трактуют официальные документы Наркомата внутренних дел) бериевскому ведомству соответствовала поставленной задаче — других методов предложить никто не мог, да и накопленный НКВД «опыт» практически исключал иное решение проблемы.

...На основании различных источников можно представить, что делал, о чем думал и размышлял В.Б., работая в Джекказгане...

1940 г. Июнь. Строительство Большого Джекказгана разворачивается медленно. Предстоят крупные работы по вводу металлургических и обогатительных мощностей, новых шахт Джекказганского рудника, объектов обеспечения. Уже ясно, что директиву Экономсовета при Совнаркоме СССР, обязывающую до начала июля подготовить к эксплуатации шахту 31/32 не выполнить. А она нужна Карсакпайскому заводу позарез, так как вот-вот начнут выбывать другие мощности.

Июль-август. Медленно, ох как медленно разворачивается стройка. А руду ждут: на действующих шахтах план добычи срывается...

Душа болит за медеплавильщиков. Они — не «наши», но, как металлург, конечно, переживаю за них. Работают очень нестабильно. В марте и мае — план вытаскивали. Но какой ценой! График планомерно-предусмотрительных ремонтов — побоку, штурмовщина вела к авариям, большим потерям меди...

Октябрь. Готовим двухдекадник соревнования, посвященного юбилею Казахской ССР и 23-й годовщине Октября.

Слышал, дробильщики ОФ обратились к джекказганским рударям — прекратите отгрузку крупнокусковой руды. И к руководству железной дороги — возить не менее 800 тонн руды в сутки, чтобы не лимитировать работу в праздничные дни. Прислушаются ли?..

Соседи выполнили план по меди. Надо съездить, поздравить. Но год не спасти — поздно...

Радуют наши горнопроходчики — от плана не отстают...

Декабрь. Итоги не ахти. Экономсовет требовал окончить реконструкцию Карсакпайского завода в 1940-м. А дел еще — непочатый край.

Механизмов у нас вроде бы хватает, но простои таковы, что убытки года до 10% от объема выполненных работ.

Директору завода Ефанову попало за недозволенные «операции»: он продал нам оборудования и материалов на сумму более миллиона рублей, включая и то, в чем нуждались, к примеру, шахтеры Байконурских копей.

Год кончается для нас плохо. Я, главный инженер, отвечаю за многое. Но стройка — дело для меня новое, малознакомое. Да и горные работы — не моя профессия. Вот ведь как складывается! Но в положение входить никто не станет. Скидок не сделают. Учись, учись, Виктор Борисович, товарищ Шевченко, на своих и чужих ошибках. Побystрее учись...

Не новогоднее настроение у заводчан. Качество работы — хуже некуда: в отвальных шлаках, хвостах, да и по другим причинам потеряли столько металла, сколько планировалось выдать в качестве готовой продукции за месяц. Себестоимость меди на 27% выше плановой и намного уступает показателю 1939 года.

Ссылаются на дефицит электроэнергии, однако расчеты говорят: ее перерасход такой, что обогатителям хватило бы отработать 12 дней.

А какая грязь в цехах! Не мудрено, что пропадают не только запчасти — целые агрегаты.

Нет плана и у джезказганских рударей. Как скоро мы сможем им помочь?!

К началу 1941 года капитальное строительство Джезказганского комбината вели следующие подразделения: Кенгирский строительный район (плотина на р. Кенгир и другие сооружения), четыре участка строительства шахт Рудника — так в документах именуется Джезказганский рудник (проходка подготовительных горных выработок), контора строительных работ на Руднике (наземные объекты шахт, жилье, желдорпути, водопровод...), монтажная контора (включая строительство линий связи), Карсакпайский строительный район (объекты завода, насосная для подачи воды к будущему котлотурбинному агрегату Карсакпайской электростанции, водовод...)

К стройкомплексу отнесена организация отделов главных специалистов — энергетика, механика, отдела подсобных предприятий (карьер, кирпичный, деревообделочный, известковый заводы, гужевой транспорт), автотракторной базы и отдела железнодорожного транспорта.

Основная деятельность, эксплуатационная, пока в зачаточном состоянии: незначительная добыча при горно-проходческих работах, связанных со строительством новых шахт.

Обстоятельства складывались не в пользу новой стройки НКВД: Госплан предложил ассигновать на 1941 год не 130 млн рублей, как определяло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 марта 1940 года, а только 90 — так предписывала общегосударственная конъюнктура. И это, конечно, не могло не сказаться на темпе работ по строительству комбината.

1941 г. Январь-февраль. К нам поступает новая техника — экскаваторы, растворо- и бетономешалки, камнедробилки, гравемойки, транспортеры, компрессоры. Автопарк — свыше 140 машин. Можно сказать, стройка достаточно оснащена. Но сохраняется дефицит электроэнергии, да и дизели станций сильно изношены, то и дело требуют ремонта. Пока не введем новые мощности в Кенгире, Карсакпае и связующую ЛЭП, «энергоголод» будет чувствителен.

По этой главной причине нет плана у горнопроходчиков, а многие работы приходится выполнять вручную.

У соседей, на Карсакпае, тоже плохо — только половина от запланированного. Главный инженер завода опасается, что реконструкция не завершится даже к новому году(!). Обвиняет Главмедь: до сих пор нет важнейших проектов, смет и титульных списков.

Март. Слушал доклад секретаря Карагандинского обкома партии на собрании актива Джезказганского рудника. Пригласили и нас — чтобы мы были в курсе и сделали выводы относительно своих работ. Пазиков говорил о XVIII партконференции ВКП(б): партийной работе в области промышленности и транспорта, хозяйственных итогах 1940 года и плане на 1941-й. А затем... Первыми раскритиковал металлургов, особенно директора завода Ефанова — за невыполненные обещания: вместо плана двух месяцев к середине февраля, дал немногим более половины — и не к 15 числу, а к 1 марта. Досталось на орехи и начальнику ОФ Головашкину — его знаю еще по Карабашу — и начальнику металлургического цеха. Ну, а потом — всем остальным. В меньшей степени нам, строителям. Мы на Карсакпае, к примеру, кое-что успели сделать...

Прочел, что о нас написала 26 марта газета «За медь». Винят в отставании строительства рудной и энергетической базы: темпы добычи и энергообеспечения не соответствуют действующим и

строящимся мощностям (первоочередная шахта № 31/32 вряд ли войдет в строй к концу года).

А вот что о Чиркове и обо мне: это не вызывает у нас, руководителей Джезказганстроя, тревоги. Мы якобы рассуждаем так: какое нам дело до опытного производства (а таким и был Карсакпайский завод. — *Сост.*), когда мы строим новый металлургический комплекс и шахту № 31/32 — для него, и забываем, что Карсакпай уже сейчас дает медь, у него есть план и он под угрозой.

Апрель. Все основные объекты обеспечены проектно-сметной документацией. Но мы на каждом шагу сталкиваемся с недоработками Гипроцветмета (помните, его «добрым» словом поминали балхашцы. — *Сост.*), ни одна деталь, изготовленная по их чертежам, не подошла ни к бункеру пылеугольной фабрики, ни к форсункам отражательной печи.

Все чаще нас критикуют за низкие темпы строительства пылеугольной фабрики... Стало известно, что Правительству пришлось обязать Главуглесбыт с этого месяца полностью снабжать отражательную печь Карсакпайского завода карагандинским углем пласта «Новый» и угольным концентратом. Это высококалорийное и малозольное топливо позволит значительно увеличить проплав шихты и выпуск меди.

Май. В который раз анализируем состояние дел на стройке. И техника, и люди есть, в том числе много заключенных. Но не хватает опытных каменщиков, штукатуров, плотников, слесарей. Вольнонаемных — недобор, особенно нужны бригадиры, старшие рабочие, в том числе как инструкторы. Пока учим прямо на рабочем месте (производственное ученичество) и лишь частично решаем проблему повышения квалификации. Специально оборудованной базы техникумы у нас все еще нет.

Организовали карьеры камня и песка вблизи основных строительных площадок, есть свой известковый завод, собственные ремонтно-механические и авторемонтные мастерские. В строймонтаже — кирпичный, алебастровый заводы, РМЗ.

Наши главные объекты — строительство шести шахт для добычи руды, обогатительной и пылеугольной фабрик, плотины на р. Кенгир, Карсакпайской центральной электростанции (ЦЭС) и ряда вспомогательных объектов...

Темпы работ, конечно, недостаточные. Отчасти — из-за снижения объемов финансирования.

Сетования на эту тему прервал трагический июнь. Теперь уже сам Л.П. Берия ставит вопрос (письмо И.В. Сталину, пятый день войны) о пересмотре плана капитальных работ. В частности, на Дзержинском комбинате «ввиду недостатка оборудования и большого объема работ по металлургическому заводу, находящемуся в начальной стадии строительства», предлагалось «ограничиться строительством рудников», руда которых «пойдет на медеплавильные предприятия Наркомцветмета, имеющие свободную заводскую мощность».

Конец июня. Перестраиваемся на военный лад. Во всех подразделениях составляют уплотненные графики... Дыхание войны чувствуется уже хотя бы по тому, что лучшую часть автопарка мобилизовали...

Июль. Плановые капиталовложения сократили до 50 млн рублей! Появились проблемы с проектной документацией: ее пересмотр «под» наличное оборудование. Зато сразу исчезли все вопросы с материально-техническим снабжением: если раньше выделенные фонды были меньше потребности, то теперь вроде бы укладываемся. А вот использование строймеханизмов резко ухудшилось: ориентировались-то на вдвое большие объемы...

Меняется стратегия строительства. Проектом было предусмотрено, что руда из карьеров пойдет лишь после того, как задействуют новые шахты, так как открытым способом предполагалось добывать низкопроцентную (по содержанию меди) окисленную руду с последующей переработкой на Гидрометаллургическом заводе. Но этот завод только начали строить, а спрос на медь резко увеличился. (Впоследствии гидрометаллургическое производство организовано в одном из цехов построенного после войны Дзержинского медеплавильного завода. — *Сост.*). Поэтому решено приступить к эксплуатации тех блоков месторождения, где содержание металла в окисленных рудах достаточно высокое. И отправлять ее в Балхаш и Карсакпай.

Установлены жесткие сроки: подготовку к открытой выемке завершить не позднее августа, добычу начать с 1 сентября. На вскрышу бросаем основные силы — экскаваторы, автотранспорт... Укрепляем буро-взрывной цех. Максимально обеспечиваем рабочей силой (в объяснительной записке к годовому отчету по основной деятельности за 1941 год напишут — «мускульный труд»).

Август. Основной метод организации труда — бригадная неограниченная сделщина. Наибольший эффект — у комплексных бригад, но их немного, с десятков (человек триста) — только там, где полная обеспеченность стройматериалами.

Стало напряженнее с цементом, пиленным лесом, рельсами, стеклом, мягкой кровлей. Недопоставки объяснимы, но от этого не легче.

Улучшилось наше складское хозяйство. Остается наладить механизированный слив и подогрев нефтепродуктов. Иначе, особенно зимой, — большие потери и простои прибывающих цистерн.

А что у карсакпайских медеплавильщиков? Новая схема управления заводом должна дать эффект. Исполнительность и гибкость — главные критерии. Промежуточные звенья — вон. Здесь уже добились прироста выплавки меди, но останавливаться нельзя: по плану должны дать дополнительно 11%. Это серьезное задание.

Был на собрании коллектива завода. Правильно ставили вопрос: без инициативы, находчивости, самоотверженного труда не будет работы по-военному.

Молодец директор завода, Шиленков. Сразу предупредил: забудьте о «карсакпайских особенностях» и «цеховых неувязках». Теперь другое мерило — организованность, дисциплина.

Сентябрь. Восстанавливаем четыре старые шахты — это нужно и для выполнения плана по добыче руды, и для ускоренной подготовки к вводу новых капитальных шахт.

Нас критиковали и критикуют за неудовлетворительную организацию строительства и монтажа, низкую производительность труда заключенных, отсутствие соревнования и стахановского движения, неэффективное расходование материалов...

Остается пока только завидовать карсакпайцам. У них развернулось движение за скоростные тяжеловесные плавки на отражательной печи. Результаты — замечательные: некоторые смены передают конвертерщикам по 150 тонн и больше. Настоящие рекорды!

Конвертерщики тоже молодцы. Вот Сейтенов — первым повысил проектную мощность конвертера на 15, а затем на 40%. У него есть последователи, и они уже обогнали его.

За месяц завод дал рекордное количество меди.

А наше достижение — начало добычи на открытом карьере, попутная сульфидная руда из горно-проходческих выработок строящихся шахт.

Октябрь. Конфликты с Балхашским заводом — покупателем руды комбината. Ее качество определяют в лаборатории завода (у нас таковой нет), и создается впечатление, что содержание меди занижается — ведь мы располагаем геологическими данными. Споры идут и о количестве руды. Весы — на Балхаше, а мы рассчитываем отгрузку прямым обмером.

В итоге — рекламации, протесты, неотрегулированные расчеты за сырье...

Среди эксплуатационников и на нашей «территории» распространили открытое письмо металлургов добычникам Джезказгана:

«Товарищи горняки! Родина ждет от нас еще больше оборонной продукции — меди. Наш святой долг — быть в первых рядах стахановцев военного времени. Мы взяли на себя очень ответственные обязательства: каждый день, в каждой смене, на каждом агрегате выполнять план. У нас для этого есть все. Наш завод может переработать в полтора-два раза больше руды, чем даете вы ее нам сейчас.

Мы настаиваем, чтобы вы взвесили все свои ресурсы и взяли на себя повышенные обязательства. Мы заявляем, что нам вашей руды не хватает. Уже сегодня вы нас держите на голодном пайке...

Дорог каждый час. Нам нужна руда, руда и руда. И если мы общими усилиями сейчас же не примем самых срочных и исчерпывающих мер для увеличения добычи руды, то завтра это будет поздно. Как наш, так и Балхашский завод окажутся в прорыве. Допустить это — значит впасть не только в грубую ошибку, но и совершить самое тяжелое преступление перед государством.

Давайте развернем оперативное соревнование на смену, на агрегат, на день за добычу руды».

Отчасти это обращение касается и нас...

Ноябрь. 23-го ввели ЛЭП, Рудник-Карсакпай. С учетом ввода энергомощностей в Кенгире и Карсакпае главные строительные

объекты получили солидную подпитку. Но — поздновато. Год на исходе, и упущенные возможности не вернуть...

Декабрь. Скорректированный до 50 млн рублей план капиталовложений мы перевыполнили, но только на 19 процентов. А по вводу — лишь 56,7 процента. Однако мы уже даем продукцию: два карьера поставляют окисленную руду плюс попутная сульфидная руда из горно-проходческих выработок — 46,8 тысячи тонн и 7 тысяч тонн соответственно. И по добыче, и по отгрузке план перевыполнен. Содержание меди в руде тоже сверхплановое. Если строительство принесло нам убытки, то основная деятельность — прибыль. Качество работ в основном удовлетворительное, а по ряду объектов — хорошее.

Хотя комбинат в условиях военного времени обеспечил ввод мощностей, гарантирующих выполнение плана 1942 года по добыче руды, решил вопросы энергоснабжения Карсакпайского завода и Рудника, закончил создание подсобной базы для строительства будущего завода, совещание хозяйственного актива Джекказганского ИТЛ и комбината НКВД дало неудовлетворительную оценку деятельности в 1941 году.

Недостатки, выходит, перекрыли достижения.

Позднее, в мае 1942-го, когда годовой отчет утверждался в Главном управлении лагерей горно-металлургических предприятий НКВД СССР, оценку изменили на удовлетворительную с учетом достигнутого перелома в работе со второго полугодия и решения ряда целевых задач.

Действительно, сделано немало: ввод турбины с котлом на Карсакпайской ЦЭС, увеличение суммарной энергомощности в Кенгире, ЛЭП Карсакпай–Рудник, ввод шахт и карьеров, рассчитанных на добычу, как минимум, 400 тыс. тонн руды, крупных объектов вспомогательного назначения (компрессорная на Руднике, механосборочный цех РМЗ, кирпичный завод производительностью 8 млн штук кирпича в год), восстановленные шахты...

Среди наиболее серьезных упреков — срыв плана по горно-капитальным работам (всего 40 процентов), неудовлетворительный ход строительства плотины на р. Кенгир, насосной в Карсакпае, недостаточный разворот строительства жилья на Руднике (48 процентов плана), что создало трудности в комплектовании кадров...

1942 г. Январь. Наши основные задачи: нарастить мощность шахт до 2,2 млн тонн руды в год, добыть 650 тыс. тонн руды, ввести новые энергомощности на Кенгирской станции и Карсакпайской ЦЭС, насосную в Карсакпае, окончить бетонирование зуба плотины на р. Кенгир, освоить технологию производства и выполнить производственную программу РМЗ... Если суммировать, предстоит сдача первой очереди комбината. Останется ли он в ведении НКВД или перейдет в Наркомат цветной металлургии — покажет будущее.

Конечно, интересовался, как закончили год на Дзержинском руднике и Карсакпайском заводе. Горняки выполнили годовой план по добыче руды 5 декабря. Ну, молодцы! Из 682 соревнующихся 138 — стахановцы, 133 — ударники, 25 — двухсотники.

У металлургов дела хуже. Но и здесь производительность труда за последние пять месяцев возросла на 18 процентов. Нормы в среднем перевыполнены на 3 процента, а примерно треть работников имели значительно более высокие показатели.

Новые формы соревнования — за звание лучшего по профессии, за овладение второй и третьей профессией, работа на нескольких станках.

Надо подумать, нет ли у нас возможностей увеличить число фронтовых, комсомольско-молодежных бригад, ввести лицевые счета сверхплановой выработки, чаще проводить фронтовые вахты...

Февраль. Главные строительные структуры нашего комбината — три строительного-монтажного района (Кенгирский, Карсакпайский, а также Рудник). Кроме того, отделы технического и общего снабжения.

Лагерников — порядка 11 тысяч. Соотношение с вольнонаемными — пять к одному. Основной контингент заключенных — в строительстве: там и объемы больше, и труд зачастую менее квалифицированный.

В общем, рабочей силой мы обеспечены, потому что план капиталовложений — всего 53 млн рублей, то есть меньше, чем наш отчетный показатель прошлого года. Хотя готовились к 70 миллионам.

А вот соседям приходится туго. Фронт забрал многих мужчин и надежда — только на женщин: они повсеместно осваивают мужские профессии. В Дзержинском рудоуправлении уже почти треть рабочих — женщины. Примерно столько же на Карсакпае.

Комбинат все более становится эксплуатационным предприятием. На балансе основной деятельности три шахтоуправления (это 11 шахт, из них 4 новые и 7 старых, восстановленных). Строители передали эксплуатационникам все горно-капитальные и подготовительные работы, участок открытой добычи руды (теперь уже четыре карьера). Переданы ремонтно-механический завод, отдел главного механика, объединявший всё энерго- и насосное хозяйство, компрессорную и телефонные станции, весь автотранспорт, включая трактора, экскаваторы, передвижные компрессоры, а также железнодорожное хозяйство (службы движения и пути, паровозное депо), мы почти исключительно своими силами вывозим каменный уголь из Караганды. Кроме того, переданы жилищно-коммунальный отдел, динамоная мастерская (динамоны — вторичные взрывчатые вещества. — *Сост.*) и кирпичный завод.

Установленный комбинату план по руде — 600 тыс. тонн. Надо внедрить опыт джезказганца Сафина. Работая одним перфоратором, он, применив способ глубокого бурения скважин, обеспечил отбойку 1400 тонн руды. 3800 процентов нормы! Если перейти от скважин глубиной 1,4—1,5 м к 3—5-метровым, производительность труда бурильщиков возрастет почти вдвое.

Порадовался за металлургов Карсакпая. Во время капитального ремонта отражательной печи инженер Бредихин и мастер Гетман нашли способ увеличить площадь пода на 20 квадратных метров. Это позволит дополнительно получить сотни тонн металла.

Март. Объем финансирования строительных работ сокращается до 35 млн рублей. Придется консервировать объекты. А как тогда выходить на план по руде?

Вновь стали ощущать дефицит электроэнергии: с одной стороны, недополучаем от Карсакпайской ЦЭС (там командует медьзавод), а с другой — подводят свои дизельные станции: не хватает топлива, запчастей.

Новости от соседей. В некоторых забоях Джезказганского рудника успевают сделать по два цикла за смену. Впору подтягиваться и нам. Металлурги ежедневно перевыполняют план по проплаву шихты. Лучшие результаты у сменных мастеров Казьмина и Манукяна...

Апрель. Даже при сокращенных объемах капиталовложений мы не располагаем должным запасом стройматериалов. Совсем нет сортового железа, цемента, оконного стекла: реализация фондов сорвана из-за того, что поставщикам не выделен железнодорожный транспорт. Приходится выпрашивать или выменивать на месте.

Плохо со взрывчатыми материалами, коксом, дизтопливом, моторной нефтью...

Понимаю — война. Но как строить?!

Встречался с железнодорожниками: они проложили пути к новым и восстановленным шахтам, что позволило грузить руду для Балхаша непосредственно из шахтных бункеров, отвалов.

Май. Нам поручено срочно начать строительство марганцевого рудника в Джезды. Организуем здесь 4-е лагерное отделение — на тысячи две заключенных.

Из-за потери Никополя, а также упреждающего подрыва основных объектов Тырныаузского комбината в связи с угрозой захвата немецкими войсками в ходе наступления на Северном Кавказе образовался острейший дефицит в марганце, вольфраме, молибдене, необходимых для выплавки легированной стали.

Срочно были организованы поисково-разведочные работы, в том числе в районе урочища Джезды — это 45 км от Джезказгана. Здешние марганцевые руды оказались не только перспективными по содержанию крайне нужного металла, но и наиболее выгодными для разработки: рудное тело — вблизи поверхности, и поэтому возможна открытая добыча, причем недалеко от железной дороги; процент примесей — незначительный.

Строительные и подготовительно-эксплуатационные работы на Джездинском руднике ведем параллельно. Кадры — и наши, из Джезказгана и Байконура, и эвакуированные из Кривого Рога, Липецка.

Начинаем без проектов и смет: запасы руды оцениваются пока лишь по весьма низким категориям и не утверждены.

Июнь. 12 числа выдали первую марганцевую руду. Потребовалось всего 38 дней, чтобы выполнить директиву Совнаркома СССР.

Пока руду возим на автомашинах, но силами заключенных 2-го лаготделения уже строим железную дорогу Джезказган — Джезды.

Начата разработка и соседнего, Найзатасского месторождения. До него всего 6 километров.

Июль. Выполнили план по марганцевой руде.

Бесценный опыт производства из местного сырья различных материалов — стекла, взрывчатки, светочувствительной бумаги, заменителей реактивов, вспенивателей для процесса обогащения... Взять на заметку.

Опять сюрприз: объем капиталовложений снизили до 27 млн рублей. Придется вновь пересматривать титульный список, менять расстановку рабочих.

...А на Карсакпае решили собственными силами построить вторую отражательную печь. На призыв оказать помощь откликнулись поселковые жители. Раз взялись — обязательно сделают.

Пришел приказ от 6 июля о моем назначении начальником Джезказганского ИТЛ и комбината НКВД. Меняю Чиркова: Борис Николаевич ушел на фронт... Давно добивался.

Август. Очередной «подарок» — письмо зам. наркома А.П. Заверьягина, где предлагается законсервировать строительство одной шахты, плотины, постоянного РМЗ, временной ТЭЦ и ряда других объектов. То есть практически оставить Кенгирскую площадку. Названа и новая цифра капиталовложений — 23,2 млн рублей! Мы просили хотя бы на 700 тыс. больше, но наш промфинплан завис и, кажется, надолго.

Был на встрече с бригадой комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Комиссия тщательно обследовала все участки прибалхашско-джезказганского комплекса и уточнила характеристику месторождений, дала комплексную оценку горнорудному хозяйству, обогатительным фабрикам, металлургическим предприятиям и транспорту. Получили от нее предложения по конкретным мероприятиям, которые позволят существенно увеличить выплавку меди в Карсакпае и Балхаше. Особенно интересны выводы относительно рационального сочетания при шихтовке руд Джезказгана и Коунрада, селективной добычи богатых Джезказганских руд (меди там в 3,5 раза больше, чем в коунрадском сырье).

(В отчете Комиссии говорилось: «Состояние горнорудного хозяйства Джезказгана позволяет в короткий срок при сравнительно небольших капиталовложениях значительно увеличить добычу богатых руд». — *Сост.*)

Сентябрь. В связи с сокращением финансирования ликвидировали 3-й строительный район. Доделки — не в счет. Все подразделения сводим в одно хозяйство, надо экономить...

Октябрь-ноябрь. Год на исходе. План скорее всего выполним. Но объемы небольшие. А вот шахты, похоже, выдадут руды в соответствии с первоначальным планом, хотя по горно-капитальным и подготовительным выработкам будет, скорее всего, отставание.

Из-за нехватки электроэнергии, топлива остановили кирпичный завод. Уже не лето — когда, пытаясь как-то решить проблему, переходили на ручную формовку и естественную сушку.

«Очистили» РМЗ от электроремонтного и авторемонтного цехов (их передали по принадлежности). Закрыли кузнечно-котельный цех. Другие производства почти полностью реконструировали, и теперь завод стал предприятием массового производства с весьма совершенным техническим уровнем.

Декабрь. Подводим итоги. Строительный план перевыполнили на 20 с лишним процентов. Особо отмечаем монтажников — у них 287 процентов! Показатель, характеризующий оборудование, сданное в монтаж, — 170,6 процента. Это объясняется тем, что первоначальные затраты, связанные с использованием оборудования, эвакуированного из Мончегорска (комбинат «Североникель»), в план не закладывались.

Чуть ли не вдвое перевыполнен план по жилью и коммунальному строительству.

Руды выдали почти на 5 тыс. тонн больше, чем запланировано. Отставание по сульфидной руде перекрыла окисленная, из карьеров. Экономические показатели: содержание меди — 3,3 процента при плане 2,75 процента.

Сформирован коллектив строителей и эксплуатационников Джездинского марганцевого рудника, но жилье там временное, бараки. Без элементарного бытового обустройства. Паяк скудный...

Программа добычи марганцевой руды выполнена на 118,7%. Введена железнодорожная ветка Новорудная — Джезды. Таким образом, транспортная проблема решена.

Но ввод основных фондов — только на 84 процента, недоволен план по горно-капитальным и подготовительным выработкам.

И все же в наркомате оценили сделанное за год лично В.Б. Шевченко. 5 декабря приказом наркома внутренних дел СССР № 800 ему объявлена благодарность (а вместе с ней выдана премия в размере месячного оклада) за хорошую постановку работы и правильную организацию социальное соревнование внутри подразделений.

Отчитываясь за 1942 год, НКВД сообщал в СНК СССР и союзный Госплан: есть сверхплановая медная руда, проведены необходимые работы, обеспечивающие передачу Джезказганского рудника Наркомцветмету к началу 1943 года; прирост мощности шахт и карьеров — 700 тыс. тонн против 500 тыс. тонн по плану; обеспечена возможность добычи порядка 1 млн тонн руды в год.

Шевченко уже не застал передачу объектов комбината Наркомцветмету. Это произошло в апреле 1943-го. Тогда и появился, уже в документах НКЦМ, Джезказганский медеплавильный комбинат — несколько карьеров, 17 шахт Джезказганского рудоуправления, медеплавильный завод и весь обслуживающий комплекс.

А Виктор Борисович, дополнив свои знания как металлурга «курсом» строительных и горных дел, получив «зачет» по вопросам снабжения, энерго-, механо- и транспортного обеспечения, то есть в целом успешно защитив «дипломную работу» в качестве руководителя комбината, где совмещалось, причем в экстремальных условиях самого тяжелого периода Великой Отечественной войны, строительство с эксплуатацией, получил назначение в Заполярье — заместителем начальника и главным инженером Норильского комбината НКВД, характер развития которого чем-то напоминал комбинат-предшественник...

Когда в апреле 1943 года Джезказганлаг передавали на правах отделения в Карагандинский ИТЛ, к акту было приложено объяснение подполковника госбезопасности А.П. Петрова (с 29 сентября 1942 года — зам. начальника Управления ДжИТЛ, а с 1 марта 1943-го — начальник этого

ИТЛ), в котором говорилось: «Так как лагерь был производственный и руководство лагеря считало, что в основном оно отвечает за выполнение плана, соответствующего внимания лагерю не уделялось, а отсюда и частичные промахи и не-правильности в работе».

Об этих «промахах и неправильностях» подробно рассказано в заключении по акту приема ДжИТЛ в состав Карлага (оно подписано майором госбезопасности Митюшиным, зам. начальника УИТК ГУЛАГа НКВД). Речь идет о плохих условиях размещения заключенных, неполноценном питании, отсутствии самых необходимых объектов бытового обслуживания, необеспеченности медикаментами, высокой смертности, заболеваемости, недопустимом уровне травматизма...

Что и говорить: часть вины — и на Шевченко. Однако начальником ИТЛ он стал только с августа 1942-го, после отъезда Чиркова, и за несколько месяцев, тем более в преддверии ввода мощностей первой очереди комбината, что-либо всерьез изменить не мог.

Но попытки делал. По крайней мере, будучи в начале 1943 года в Москве, еще в ранге начальника комбината и ДжИТЛ, он ставит вопрос об увеличении норм питания для заключенных, работающих на добыче медной и марганцевой руды, о сохранении за лагерем подсобного хозяйства (а это — зерновые, овощи, картофель, 176 голов крупного рогатого скота, почти 2500 овец, 570 свиней...) и обеспечении семенами под весенний сев...

Из воспоминаний Владимира Шевченко

Летом 1940-го года мы с мамой и сестрой отправились поездом Москва — Алма-Ата к отцу. Он встретил нас на станции Джусалы, куда приехал за 300 км на автомашине с шофером. Помню, в машине оказался «трофей» — случайно сбита я ими по дороге ди-кая коза.

Жили мы сначала в Кенгире, а потом в Джезказгане. Там был коттеджный поселок, как теперь понимаю, для руководящего состава. Дома одноэтажные, со всеми удобствами.

Главная часть города Джезказган расположена среди сухих казахстанских степей с весьма скудной растительностью (в основном ковыль и полынь). На поверхности земли много «проплешин», голых мест глинистого вида. В летнюю пору эта земля вы-

сыхала и даже растрескивалась. По степи вне дорог можно было свободно ездить на автомашине.

Весной вся степь приобретала красноватый оттенок — это цвели тюльпаны. Жарким летом к зною добавлялось обилие пыли. От проехавшей по дороге машины пыль надолго повисала в воздухе. Часто можно было наблюдать медленно перемещающиеся вихревые воронки, засасывающие и поднимающие пыль высоко вверх. Осенью степь «оживляли» катящиеся шарообразные сухие растения, гонимые ветром, — «перекати-поле».

Иногда в выходные дни отец выезжал поохотиться в степи. Либо на рыбалку. Меня часто брал с собой.

И охота, и рыбалка в те времена были очень добычливыми. Птицы — дрофы (крупные птицы размером с гуся), куропатки, их водилось в изобилии — подпускали близко.

Река Кенгир летом почти пересыхала, образуя ряд «плесов». Отец любил ловить щук на «живца». Поймать на простую удочку десятков одно-, двухкилограммовых сазанов не представляло особого труда. После каждой поездки «трофеи», как правило, раздавались знакомым.

Отец подолгу плавал, он был физически крепким человеком. Однажды, пытаясь пересечь речку вброд на автомашине, мы застряли. Автомашину пришлось оставить, километрах в тридцати от жилья. Пошли пешком. Я быстро выбился из сил. Тогда отец посадил меня на плечи и нес до дома большую часть пути.

За полярным кругом

Официально Наркомат внутренних дел СССР назначил В.Б. Шевченко заместителем начальника и главным инженером Норильского комбината 28 января 1943 года. Какое-то время А.А. Панюков, начальник «хозяйства», был, наверное, в растерянности (почему освобожден от должности главного инженера В.С. Зверев, видимых причин вроде нет) и ждал наркомовской директивы, скорее всего, от А.П. Завенягина, куда переместить Владимира Степановича.

Не думаю, что замнаркома раскрыл перед А.А. Панюковым истинную причину отставки Зверева. Возможно, таким стал очередной ход НКВД в «шахматной партии», которая только намеча-

лась и позднее обрела контуры «атомного проекта»... В самом деле, не отсидеться же прислали В.Б. Шевченко в Норильск. Да еще во время войны. И тогда, когда Норильский комбинат только-только приступил к реализации программы выпуска «большого металла».

Может быть, зная, что А.А. Панюков болен, ему нужно длительное лечение, решили «подкрепить» его бывшим начальником Джезказганского комбината (Джезказганстроя), то есть руководителем широкого, так сказать, профиля, а В.С. Зверева целевым порядком «бросить» непосредственно на производство — в металлургию. И оставить заместителем начальника комбината. Не исключено, такой расклад предложил и сам Панюков.

В любом случае, «вторых лиц» развели. Причем так, что оба, с одной стороны, — заместители А.А. Панюкова, а с другой некое подчинение, в случае, когда Шевченко оставался «за» начальника комбината, — сохранялось. Если вспомнить биографии В.Б. и Зверева, то и прежде на Балхаше и Джезказгане, Шевченко занимал более высокое служебное положение. (А инженер-полковником он стал уже в Норильске, 31 июля 1943 года.)

Надо сказать, его появление вызвало скорее негативные толки среди многих управленцев, производственников. Например, А.Б. Логинов, впоследствии (1954-1957 гг.) директор Норильского комбината, в своих воспоминаниях, записанных более полувека спустя, довольно резок в оценке ситуации:

«Был момент, когда Владимира Степановича Зверева внезапно отстранили от работы и перевели в заместители (?) главного инженера. На его место был назначен из Москвы (?) доктор технических наук(?), человек необычайно высокого о себе мнения. Быстро ознакомившись с делами, он пришел к выводу и стал декларировать идею о невозможности увеличения производства никеля на комбинате свыше 15-16 тысяч тонн в год. Успехи, достигнутые на Малом металлургическом (ММЗ. — *Сост.*), считал частным случаем.

Это входило в резкое противоречие со стратегическими идеями Завенягина, который даже 40 тысяч тонн никеля в год считал этапом промежуточным, рассчитывая на расширение геологоразведочных работ в районе. Как известно, такой прогноз оправдался, и даже в лучшем варианте, чем планировал Завенягин.

Мне до сих пор непонятно, почему Авраамий Павлович допустил назначение этого скептика на должность главного инже-

нера комбината. К счастью, он быстро исправил свою ошибку, и снова главным инженером стал Зверев».*

Чувствуется почти не скрываемая неприязнь: бог весть откуда сведения о докторской степени; и не потому ли Алексей Борисович сгущает краски относительно самомнения Шевченко («необычайно высокого»)? И зачем понадобилось «перемещать» Зверева на должность, меньшую, чем он занимал?.. Что касается «стратегических идей», мы к ним еще вернемся.

Кадровая утриска заняла немало времени. И только 12 апреля появился приказ по Норильскому комбинату, подтвердивший статус Шевченко и Зверева. Правда, конкретные обязанности последнего этим приказом не обозначены. Лишь позднее его роль определена окончательно — начальник Управления заводами.

Это организационные факторы, оказавшие влияние на процесс адаптации В.Б. в новом качестве. Но были и другие.

Для не знакомых с историей Норильского комбината, скажу, что к весне 1943 года заполярный производственный комплекс получил мощный импульс к развитию: вошли в строй Большой металлургический завод (БМЗ), пусковой комплекс Большого электролитного завода (БЭЗ). Первый катодный никель получен 7 апреля 1943 года, за несколько дней до упомянутого выше приказа А.А. Панюкова о назначении Шевченко. 16 марта последовало очередное Постановление ГКО об увеличении комбинатом выпуска никеля.

Что ждали от норильчан? Выступая 8 октября 1942 года на совещании хозяйственного актива комбината, А.П. Завенягин говорит о необходимости выдать в 1943 году 6 тыс. тонн никеля, из них 4,5 тыс. тонн электролитного. Задача достаточно сложная, поскольку отстает добыча руды, замечен дефицит обогатительных мощностей.

Но была еще одна беда, особенно ошутимая для «островного» Норильска, — сложная и неудачная навигация 1942 года. Многие грузы вовремя не поступили в Красноярск, их отправка пришлось на поздние сроки. И почти три десятка барж, не успев в Дудинку до ледостава, вынужденно зазимовали в промежуточных пунктах. Сводка очевидных и возможных потерь включала металл и рельсы, бисульфат и химикаты, огнеупорный кирпич и стройматериалы, горючее, смазочные материалы и продовольствие...

А в апреле 1943-го на Енисее разыгралась трагедия. Небывалое потепление вызвало мощный паводок, и вал воды, льда, обру-

* **Логинов А.Б.** Норильск — мой звездный час. — М.: ООО «Поли МЕдиа», 2000.

шившийся на недостроенную ледяную дамбу, практически уничтожил суда, вмерзшие у Сухой Тунгуски — как раз там, в 70 км выше Туруханска, где была большая часть отстоя!

Поэтому весной комбинат оказался на голодном пайке: уже в марте исчерпали запасы многих материалов, продовольствия...

Вот какой узел проблем пришлось распутывать «новичку»!

Будучи главным инженером, а нередко и длительное время исполняя обязанности начальника комбината, В.Б. Шевченко, умудренный предшествующим опытом, в целом представляет, каким должен быть наиболее короткий путь к выполнению плана и заданий ГКО.

Если по порядку...

Развивается добыча угля. Параллельно дано задание изучить вопрос о том, как получать малозольные концентраты. Шевченко требует улучшить качество угля, поставляемого на коксовый завод, срочно запроектировать передел углеобогащения, организовать отбор малозольного кокса для цеха разделительных плавок БМЗ. Ставит вопрос о коксортировке, распоряжается начать не позднее января 1944 года кладку коксовых печей.

Среди четырех подземных рудников В.Б. особо выделяет рудник 3/6 — «Таймырский», который выходит в разряд основных поставщиков богатой руды. Другим предприятием, определяющим рост объемов добычи, становится рудник открытых работ (РОР) — та часть поля «Угольного ручья», где объем вскрыши минимальный. Шевченко подчеркивает чрезвычайную важность своевременной реализации комплекса мер, обеспечивающих успешность молодого предприятия. В этой связи форсируется строительство завода динамонов (простейших патронированных ВВ), ускоренно идут испытания нового типа взрывчатки — оксидликвита (июнь: проведены опытные взрывы, в повестке дня — оксидликвитный завод)...

Летом принимается решение строить Большую обогатительную фабрику (БОФ). Но это — долгосрочный проект, а пока, с места в карьер, надо расширять Опытную ОФ, предстоит перерабатывать в полтора раза больше руды. Однако возможности проектировщиков, строителей таковы, что донельзя нужный объект «уходит» в 1944 год. И образовавшуюся «дыру» залатать нечем...

В июне начали строить Большую аглофабрику. Как сами понимаете, готовая продукция будет очень не скоро. (Чтобы форси-

ровать строительные работы — добиться «концентрации всех сил на решающих программу комбината объектах», введен порядок проектирования, утверждения и передачи чертежей от проектного отдела; созданы новые производственные структуры...)

Шевченко настойчиво подгоняет строителей и монтажников, которые заняты на объектах второй очереди ТЭЦ: после ввода Большого электролитного цеха нужда в электроэнергии резко возросла, прибавилось и потребителей тепла. ТЭЦ работала очень хорошо — надежно, экономично, успешно освоены проектные мощности по котлу и турбине. Четко действовала организованная в энергосистеме диспетчерская служба. Коллектив ТЭЦ заслужил первого на комбинате «юбилейного» приказа — в декабре ему исполнился год. Эту дату по-своему отметили строители второго энергоблока: 25 декабря им вручено переходящее Красное знамя ГКО — первая такая награда с норильским адресом. А спустя два месяца В.Б. подписал приказ о том, что новый энергокомплекс принят в эксплуатацию.

Но как бы ни складывалась обстановка на промежуточных этапах, последнее слово — за металлургами.

А что же происходило в цехах Большого и Малого металлургических заводов?

Чтобы обеспечить плановым «сырьем» электролизный цех, надо было увеличивать проплавы руды в ватержакетах, повысить производительность конвертеров. Как? — «... Дать решительный отпор всем нытикам и паникерам, деморализующим коллектив перед лицом трудностей», «добиться такого положения, чтобы приказы выполнялись беспрекословно»... Разумеется, не только это. Но общий дух директив руководства — именно такой: «наступить вместе с Красной Армией».

Шевченко беспокоит, что освоение мощностей БМЗ идет недостаточными темпами. Поддерживая и поощряя отдельные рекордные достижения по проплаву шихты и конвертированию, он требует от руководства завода стабильности показателей.

В начале июля, подводя итоги полугодия, он выставляет БМЗ неудовлетворительную оценку, потому что «завод имел возможность добиться гораздо лучших результатов <...> при условии полной мобилизации собственных ресурсов». Хотя признает: были и объективные причины, в частности, простой агрегатов из-за перебоев в снабжении необходимыми материалами.

Не в полной мере реализовали свои возможности электролизники БЭЗ. Но и здесь невыполнение плана отчасти имело оправдание: хроническая нехватка серной кислоты («эхо» предыдущей навигации, да и последствия текущей), а также другие факторы — вот что породило критическую ситуацию, поставило под угрозу срыва план по катодному, «чистому» никелю.

Выручил ММЗ. Его электролизный цех настолько перевыполнил июньскую программу по катодному никелю, что обеспечил выполнение плана всего комбината. За что отличившиеся удостоены переходящего Красного знамени комбината.

В целом «металлургический» план полугодия перевыполнен: прирост выпуска фанштейна составил 3%, катодного никеля — 2%, черновой меди — 1%. Не подкачали горняки, шахтеры и строители. И комбинат назван среди лучших предприятий НКВД.

Что характерно, анализируя производственную деятельность, Шевченко неустанно повторяет: чистота и порядок на производстве — одно из важных условий выполнения плана, «захламенность, грязь <...> влекут за собой значительные потери». ММЗ, например, в частности, по этой причине в июне лишился переходящего Красного знамени комбината. Не додал чернового металла! И сей факт не перекрыл даже успех катодчиков.

В.Б. возвращается к наболевшему вопросу неоднократно. В одном из мартовских, 1944 года, приказов читаем: на БМЗ и БЭЗ цеха «захламенны мусором, шлаком до такой степени, что это отражается на работе агрегатов, а также нет необходимых условий для создания нормального рабочего места». Руководители заводов, начальники цехов, «которые допустили некультурную работу на своих предприятиях, особенно на Большом металлургическом заводе, смирились с распушенностью в этом вопросе со стороны мастеров и рабочих».

Понимая, что закрепить положительные итоги полугодия может только ускоренное решение проблемы серной кислоты, Шевченко стимулирует поиск новых способов получения нужного «продукта», а когда таковой предложен (использовать газ, образующийся при обжиге смеси медного концентрата и богатой медной руды), руководит реализацией удачной технической идеи, контролируя буквально каждый шаг проектировщиков, строителей, монтажников. Предупреждает: за срыв установленных сроков меры взыскания будут соответствовать виновности за провал программы выдачи металла. С другой стороны, каждый успешный «маневр» отмечается благодарностями, премированием особо от-

личившихся. Но тут же напоминает: промедление в работах, хотя бы на час (!), совершенно недопустимо.

Наконец в декабре серноокислотный комплекс (обжиговая печь, газоходы, собственно установка по производству кислоты) введен в строй. Тем самым предотвращен технологический простой электролитного завода и обеспечена подготовка к выполнению плана 1944 года.

Отмечены все, кто помог ускоренно решить задачу «исключительной важности». Но — надо знать Шевченко! — из списка руководителей, которые были названы в проекте приказа («объявить благодарность...») он жирно вычеркивает тех, кто подвел на промежуточных этапах.

Что и говорить, пуск серноокислотного комплекса — событие долгожданное. Однако спасти план не удалось. И виновниками стали не только электролитчики БЭЗ, но и плавильщики Большого металлургического завода. Ни В.Б. Шевченко как главному инженеру и и.о. начальника комбината, ни его подчиненным не удалось преодолеть негативную тенденцию, которая проявилась еще осенью.

Так, в октябре, по сравнению с сентябрем, выпуск основной продукции снижен, план не выполнен (по руде и углю — тоже; поздно пошла электролитная медь — первая опытная партия получена металлургами ММЗ только в конце года; лишь у строителей 0,4% сверхплановых объемов). Причины очевидны: низкий проплав руды и шихты на ватержакетах, повышенный расход топлива при ватержакетной плавке, сверхнормативный расход химикатов при разделительных плавках, аварии, нарушения производственной дисциплины...

В ноябре ситуация еще более осложнилась. Особенно на БМЗ, где резко сократился проплав на ватержакетном и конвертерном переделах. Но плохо шли дела и в других цехах — обжиговом, электропечном. Шевченко охарактеризовал работу завода как безобразную. Негативная оценка коснулась всех причастных: коксохимиков, ремонтников, строителей (которые еще не устранили недоделки, выявленные при пуске завода), обслуживающих подразделений комбината.

Но досталось также руководящему персоналу БМЗ и цехов за низкую технологическую, производственную и трудовую дисциплину, «огромное количество простоев и аварий» как результат «безобразного технического надзора, особенно по всему крановому хозяйству», большую текучесть кадров и в связи с этим их низ-

кую квалификацию. Отмечена чрезвычайно слабая помощь со стороны аппарата управления заводами. Однако прибегать к жестким административным мерам не стал (выговор объявлен только начальнику конвертерного передела), поскольку были и серьезные объективные причины срыва.

Заметно не добрали до плана рудари и угольщики. Кроме объективных обстоятельств, выполнить задание помешала производственная расхлябанность: руководители игнорировали утвержденные графики, горный надзор ослабил работу в сменах.

Провал оказался столь глубоким, что в своем приказе от 3 февраля 1944 года В.Б. Шевченко назвал случившееся «позорным явлением». Справедливости ради отметим: к уровню 1941-го добыча богатой руды возросла в 5 раз, объем валовой продукции составил 330%; по сравнению с 1942 годом, выпуск товарной меди увеличился в 4,6 раза, электролитного никеля — в 4,2 раза; угля выдано «на гора» в 2,7 раза больше, чем в 1940-м; за три года достигнут полуторный рост объема капиталовложений.

Хочу, как предупредил выше, вернуться к противопоставлению А.Б. Логиновым позиций А.П. Завенягина и В.Б. Шевченко в вопросе о производстве никеля. Помните? — Логинов упоминает, со ссылкой на Авраамия Павловича, цифру, притом как промежуточную, 40 тыс. тонн.

Конечно, это именно *стратегическая* идея, идея смелая, рассчитанная на перспективу. Шевченко же говорит о *ближайших* задачах, возможностях, исходя из реальных обстоятельств. Рассматривая, например, вопрос о расширении Опытной ОФ (4 сентября 1943 года), техсовет при начальнике комбината обсуждал проект переработки такого объема жильной руды в сутки, чтобы получить 7400 тонн никеля в год. А практически в 1944-м выпуск никеля не превысил 6 тыс. тонн. Кто спорит, скачок, конечно, огромный, если сравнивать с 1942 годом, когда отчетная цифра — всего 514 (!) тонн.

Вот вам и «скепсис»! Говорить надо не о нем, а о трезвом расчете. Может, как раз холодную голову, умение здраво, без эмоций судить о деле, неприятие прожектерства ценил А.П. Завенягин в Шевченко.

* * *

Наступил 1944-й. Залогом ликвидации долгов и перевыполнения текущих заданий Шевченко считал железную трудовую и производственную дисциплину, высокую производительность

труда, извлечение максимальной выгоды от применения новых методов производства, умелое, повсеместное внедрение испытанных на деле новшеств, энергичный поиск и реализацию выявленных резервов использования имеющихся мощностей, борьбу с простоями оборудования, оперативность в решении производственных вопросов...

Казалось, продумали и подготовили все. Но...

Январь начался с крупных неприятностей — аварий на первом ватержакете БМЗ. Особенно той, что случилась 15 числа из-за пренебрежения техническим регламентом. Виновным указано «на совершенно недопустимые нарушения правил эксплуатации ватержакета и горна».

Проблемы с электролитом (плохая работа системы его подогрева), которые не давали покоя в 1943 году, не позволили выполнить и план января 1944-го по катодному никелю.

Шевченко — комок нервов. Напряжен. Однако сдержан, волю чувствам не дает. И целеустремленно выводит комбинат из временного прорыва.

В январе В.Б. утверждает акт приемки-сдачи во временную эксплуатацию первой очереди Большого электролитного цеха. Раз за разом рассматривает вопросы работы сернокислотчиков: задействованы строители, проектировщики, монтажники, термоизоляционники, ремонтники, снабженцы... И, конечно, исследователи. Вступил в строй завод динамонов, а в апреле — оксиликвитный завод, и горняки стали получать должное количество взрывчатки... Проводятся конкурсы за звание лучшего по профессии, всемерно поощряются скоростные и рекордные плавки... Вводятся повышенные ежемесячные нормы снабжения продуктами питания рабочих ведущих профессий вольнонаемного состава (горячие и вредные цеха, подземные работы).

Вопросы управления производством, его организации (практически во всех подразделениях комбината, особенно в горно-металлургическом комплексе, строительстве, энергохозяйстве, обеспечивающих службах) становятся приоритетными.

Если требовала обстановка прорыв ликвидировали, направляя лучшие кадры. Иногда это сопровождалось формальным понижением в должности, но каждый, кому довелось побывать в такой ситуации, понимал необходимость столь категоричных мер.

Так, 8 февраля 1944 года в связи со значительным ухудшением работы обжигового цеха Большого металлургического завода (снизилось качество закиси никеля и в еще большей степени —

никелевого порошка, что негативно сказалось на выполнении плана в цехе электролиза никеля) Шевченко снял с работы повинного руководителя, а на его место назначил опытного В.А. Дарьяльского, освободив от должности начальника Малого металлургического завода. Сохранив, правда, за ним прежний оклад, а также первую категорию снабжения.

Долгое время лихорадило рудную плавку — важнейший передел, определяющий ход всех остальных процессов, вплоть до конечной продукции.

Чтобы создать перелом в работе Большого металлургического завода, В.Б. не только заменяет главного инженера БМЗ, начальника плавильного цеха, но и производит нестандартную перестановку в обслуживающем персонале ватержакетов. «Начальнику БМЗ т. Кужель, — говорится в приказе от 26 января 1944 года, — оставить на ватержакетных печах одного старшего мастера и по одному сменному мастеру, освободив пять сменных мастеров. Назначить освободившихся сменных мастеров старшими горновыми на ватержакете №1, тем самым укрепить обслуживание ватержакета высококвалифицированными горновыми».

И вот — досрочно выполнен февральский план по катодному никелю, черновой и электролитной меди (а также вскрыше на РОР, добыче угля, капитальному строительству). Хотя БМЗ все еще работает неудовлетворительно (последствия аварии на ватержакете № 1), а на Малом заводе не додали файнштейн.

На исходе февраля значительно улучшили работу сернокислотчики. План пока «не поддался», но выпуск кислоты достиг 3-3,5 тонн в сутки. А это — то, что надо. Объявлена благодарность и выдана премия инициативной группе цеха спецработ, которая предложила оригинальную конструкцию охладителя серной кислоты, изготовила и смонтировала его: новый агрегат менее металлоемкий, имеет хорошие теплотехнические показатели, прост в изготовлении, надежен, компактен, удобен в эксплуатации.

Наконец, — долгожданные успехи плавильщиков, в первых числах марта: некоторые смены добились сверхплановых показателей. Чтобы закрепить достигнутые успехи, развернуть на их основе соревнование плавильщиков, «создать общий подъем производительности на печах», В.Б. Шевченко устанавливает премии за рекордные показатели по проплаву шихты — начальнику смены, мастеру, загрузчикам, горновым, троллейкарщикам. И к маю ситуация в значительной мере нормализовалась...

Специальное решение Шевченко связано с производством огнеупорного кирпича из местных аргиллитов: главный инженер требует ускорить проектирование горных работ в районе месторождения с целью организации добычи сырья, провести необходимые поиски, разведку для определения его запасов, а также керамические испытания.

По мере наращивания металлургических мощностей стали накапливаться шламы с повышенным содержанием благородных металлов, образующиеся на переделе электролиза никеля. В.Б. требует неукоснительно выполнять график работ по монтажу и пуску шламового отделения БЭЗ. Предупреждает: всякое уклонение от реализации утвержденной программы будет рассматриваться как срыв соответствующих решений ГКО и обеспечения сырьем Красноярского аффинажного завода.

Поскольку содержание благородных металлов в шламах было недостаточным для аффинажа, встал вопрос о разработке технологии, которая позволила бы довести его до необходимых показателей. Шевченко принимает меры, чтобы ускорить решение этой задачи. Еще при нем успевают спроектировать и ввести промышленную установку, на которой начались интенсивные исследования процесса обогащения шламов...

Карал ли В.Б. за упущения? Да, решительно, строго и не редко. Но никогда понапрасну. Случалось, передавал материалы по отдельным происшествиям (авариям) следственным органам. Однажды мне на глаза попался приказ, где объявлено пусть не самое строгое порицание — выговор, но достаточно примечательное — за ложную информацию лично ему, главному инженеру. А вот другого работника, повинного в том же, снял с работы. Был нетерпим к припискам, причем виновным грозило привлечение к судебной ответственности. Но и снимал ранее наложенное взыскание — как в случае с начальником штольни № 13 Н.И. Галкиным, когда его подопечные досрочно выполнили годовой план добычи угля...

* * *

Шевченко координирует научно-исследовательские работы во всех подразделениях комбината, а также берет на контроль договора с ведущими институтами.

Создается Центральная энерголаборатория (ее начальником утвержден В.Н. Глазанов, которого В.Б. много позднее вновь

встретит в «атомном» Обнинске), при Центральной лаборатории комбината организована секция металловедения (для проведения исследований по обработке металлов и сплавов), научный совет. Регулярно поощряются рационализаторы, новаторы: В.Б. призывал весь коллектив ИТР и рабочих к «смелому и решительному поиску заменителей на базе местных сырьевых ресурсов», и многие предложения касались именно производства дефицитных, не поступивших в навигацию материалов.

В бытность Шевченко на комбинате проводятся крупные исследовательско-производственные эксперименты, затрагивающие все основные отрасли хозяйства: электропрогрев грунта током высокого напряжения (эффективный способ размораживания, ранее не известный ни в литературе, ни в практике); получение и опробование новых взрывчатых материалов для открытых и подземных горных работ; брикетирование рудной мелочи, пыли и концентратов с целью подготовки «отходов» и полупродуктов для ватержетной плавки (впредь — до пуска аглофабрики); определение спекаемости никелевых концентратов, получаемых на ОФ; селективная флотация нормально-вкрапленных руд; отливка деталей из сплава «Силекс» и последующая механообработка (для насосов, перекачивающих кислоту)...

Нередко успех дела обеспечивало опробование «заказанных» технологий (получение никелевого порошка, дефицитного реагента для обогащительного передела, спекание никелевых концентратов, каменное диабазовое литье...) на опытно-промышленных установках.

При В.Б. Шевченко разворачиваются исследования по кобальтовой проблеме. Опытно-промышленную установку «НК» («Норильский кобальт») вывели на технологический режим в марте 1943-го, а к концу года можно было констатировать: предложенная схема позволяет добиться высокого извлечения кобальта из конвертерных шлаков.

Не переоценить успешного запуска крекинг-установки для получения бензина из дизельного топлива, благодаря чему отчасти удалось ликвидировать дефицит, ощущавшийся в течение всего 1943 года. Ввод в эксплуатацию ее первой очереди (февраль 1944 года) завершился премированием большой группы работников, благодарностями особо отличившимся заключенным (поручено представить список заслуживающих возбуждения ходатайства о досрочном освобождении и снижении сроков наказания). За успешное оперативное руководство монтажными работами с на-

чальника монтажного отдела УКСа снят ранее объявленный ему выговор.

Отмечая важность для комбината другой большой работы — перевод части автотранспорта на дизельное топливо (успешные испытания, переоборудование автомашин, обеспечение нормальной эксплуатации), Шевченко поручил возбудить ходатайства о досрочном освобождении и сокращении сроков группе заключенных, выполнивших задание, премировать их за счет средств БРИЗа.

Под контролем В.Б. как главного инженера — запуск станции регенерации смазочных масел.

В числе подопечных «позиций» — разработка методики уточненного, технически совершенного способа опробования норильских руд, проблема сохранности эксплуатируемых сооружений (мерзлота не терпит горячей воды).

Шевченко инициирует проведение целевых творческих конкурсов. Так, конкурс на проект подогревателя растворов — составная часть экспериментальной проверки способов подогрева электролита (процесс производства катодного никеля); конкурс на устройство калорифера сопутствовал проектированию и строительству серноокислотной установки. Объявляя конкурс на лучший способ дробления и измельчения анодного никеля до фракций, соответствующих никелевому порошку, В.Б. призывает всех инженеров, техников, мастеров и рационализаторов «принять активнейшее участие в разрешении этой насущной задачи для комбината, что позволит в самое короткое время увеличить выпуск никеля».

Его, как главного инженера, беспокоит плохо поставленная техническая отчетность по многим предприятиям основной деятельности, главным образом рудникам и штольням: возмущает неполнота сведений, отсутствие всестороннего анализа показателей, нормативов, несвоевременность представления отчетных материалов. Даже техническая неграмотность... Шевченко вменяет главным инженерам подразделений ответственность за качество отчетов, обязывает прикладывать к ним заключительные пояснительные записки с кратким анализом работы и мерах по ее улучшению, ужесточает сроки отчетности.

Любопытно, что сугубо производственные дела, связанные с выполнением плана и ликвидацией задолженности по металлам, не помешали ему внимательно отнестись к «инициативе и желанию группы инженеров комбината» заняться подготовкой диссертаций. Уважал, видно, стремление вести научный поиск не только

с сугубо производственным уклоном, но и с целью обрести некий дополнительный статус интеллектуального свойства.

16 марта 1944 года В.Б. подписал приказ № 215 «Об организации группы инженеров-производственников-диссертантов», согласно которому предстояло собрать при отделе подготовки кадров «желающих защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук». Общее руководство этой группой возложено на заместителя главного инженера комбината И.С. Береснева.

Начальнику ОПК поручено организовать преподавание иностранных языков (английского, немецкого) и провести необходимый цикл лекций по общественно-социальным наукам.

Шевченко, видимо, намеревался лично следить за успехами соискателей: он затребовал окончательный список желающих, а также тематику исследований.

Полагая, что творческий почин может заинтересовать и других, В.Б. распорядился широко оповестить о том инженерно-технических работников комбината.

К слову, с 19 января 1944 года Дом инженерно-технических работников стал подразделением комбината. Свое решение Шевченко мотивировал так: «Учитывая исключительное значение дома ИТР в деле повышения квалификации, а также в деле организации обмена опытом инженеров и лучших стахановцев комбината и ознакомления последних с новейшими достижениями науки и техники...»

* * *

У В.Б. Шевченко была и «своя» навигация. К ней готовились с учетом печального опыта предшествующего года. Следуя, в частности, совету, а затем директиве замнаркома внутренних дел А.П. Завенягина, комбинат намечает программу строительства грузовых несамоходных судов. Задача — в ближайшие два года построить баржи и паузки (плоскодонная баржа. — *Сост.*) общей грузоподъемностью порядка 92 тыс. тонн, в том числе к навигации 1944 года грузоподъемностью 20,5 тыс. тонн. Рабочие чертежи готовил Проектный отдел комбината, а исполнителей нашли среди специалистов приенисейских верфей. Часть судов должен был дать свой порт, Дудинский. Спуск первых барж на воду — уже в 1943 году (в распоряжениях Шевченко можно встретить поручения, касающиеся их строительства в Дудинке)...

Но и на сей раз летняя «страда» сложилась не лучшим образом. Чем ближе к ее концу, тем становилось очевиднее: зимовки судов опять-таки не избежать. Были и прямые потери: затонул один из пароходов, погиб зимовавший в Фомках караван с продукцией комбината.

В перечне материалов, которые вызволяли уже после закрытия навигации, — огнеупорный кирпич, цемент, дизельное топливо, серная кислота...

О непростых проблемах, которые возникали в ходе навигации-43 свидетельствует вполне корректная полемика, имевшая место на собрании хозяйственного, партийного и профсоюзного актива (13-14 января 1944 года). Так сказать, *post-factum*.

Из стенограммы

В.И. Козловский, нач. Политотдела: Еще к нам не предъявили требований и еще не сказали о результатах 1943 года, а будет сказано, и прощения нам не будет за то, что мы провалили план, утвержденный Государственным Комитетом Обороны. Много можно искать причин, но пусть ответят все металлурги, что если бы мы пошли по другой линии перевозки грузов, то комбинат бы на сегодня не работал. Это нужно твердо помнить, и никто не скажет обратного. Такое положение было в 1942 году, такое и в 1943 году. Я этого боюсь, и нужно крепче заняться составлением плана навигации. Вот приехал Зверев, рассказал нам хорошо об обстановке, но он ориентирует нас на 110 тысяч тонн завоза ЕНУРПа (Енисейское управление речного пароходства. — *Сост.*), но доставку такого объема грузов речники явно не обеспечат.

В.С. Зверев (зам. начальника комбината. — *Сост.*): Не 110, а 100 тысяч.

В.И. Козловский: Сейчас же прежде всего нужно везти «живущим» предприятиям, иначе будет план-фантазия.

(Итак, по мнению Вацлава Игнатьевича, никто не скажет обратного...)

Но вот на трибуне и.о. начальника комбината **В.Б. Шевченко**. Обращаясь к активу с заключительным словом, он говорит:

— ...Я с ним (Козловским. — *Сост.*) не совсем согласен. Мысль тов. Козловского сводится к тому, чтобы взять и составить план навигации такой, который бы обеспечивал все

действующие предприятия. Казалось бы, такая постановка совершенно правильна на первый взгляд, но если ее проанализировать, она будет не совсем правильна.

Можно подойти к составлению плана завоза таким образом, чтобы обеспечить БМЗ всеми необходимыми ему материалами... Тогда материалов у нас хватит на то, чтобы обеспечить программу никеля, но мы можем остаться без оборудования, цемента и т.д.

Ну, хорошо, ведь так мы можем рассуждать год-два, но затем ни страна, ни история нам не простят, если мы не завезем материалов и оборудования, необходимых для того, чтобы построить рудники, или не завезем материалов для строительства Большой обогатительной фабрики.

Так что ставить вопрос о том, что лучше в первую очередь завести материалы только для действующих предприятий, — это будет неправильно. Мы должны завести минимум того, что мы у себя на месте не можем произвести, и затем завозить необходимое для сернокислотной установки или БОФ...

В очередной межнавигационный период В.Б. Шевченко по уже сложившейся до него традиции рассматривает и утверждает программу строительства объектов Дудинского порта, а на исходе марта 1944-го — мероприятия, непосредственно связанные с предстоящей навигацией. И.о. начальника комбината, зная, что предстоит переработать почти вдвое больше грузов при дефиците рабочей силы, констатирует: «...представленный план правильно намечает наряду с максимальным использованием имеющихся в порту причалов и механизмов, строительство новых, которые необходимы для обеспечения суточных норм и дальнейшего повышения производительности труда». Особо выделены задания по строительству барж, пропуску паводка и ледохода (в частности, подрыв ледяного поля в районе морпричала). Отдельным приказом Шевченко регламентирует приемку продовольственных грузов.

Детально рассматриваются вопросы работы железнодорожного транспорта: ремонт паровозов и подвижного состава, оборот вагонов, борьба с простоями, бережное отношение к грузам... Введено положение о званиях — лучший машинист, лучший помощник машиниста.

Шевченко, как начальник комбината, оказывает помощь комплексной экспедиции при Проектном отделе, которая была соз-

дана с целью получить данные для проектных решений относительно судоходства по водным системам р. Пясины — оз. Пясино — р. Дудыпта — р. Авам — верховья р. Хета, включая Тагенарский волок и организации самого судоходства, обустройство мест отстоя и ремонта судов в районе мыса Входной, у впадения р. Норилки в оз. Пясино...

* * *

Исполняя обязанности руководителя комбината, В.Б. Шевченко одновременно становился и начальником Норильского ИТЛ, который к 1 января 1944 года насчитывал почти 34,6 тыс. заключенных.

Чем же приходилось заниматься Шевченко? И можно ли по архивным документам судить об отношении В.Б. к лагерникам, среди которых было немало политзаключенных?

Легче, конечно, ответить на первый вопрос. А на второй...

Впрочем, попытаемся представить, читая подписанное Шевченко.

В приказах, определяющих решение долговременных задач, В.Б. не устает повторять: наряду с организационно-техническими нужны меры, улучшающие бытовые условия не только вольнонаемных, но и лагерного контингента.

За досрочное выполнение плана, обязательств, ввод промышленных установок, комплексов, примерное поведение в быту и соблюдение лагерного режима Шевченко возбуждает ходатайства о досрочном освобождении и снижении сроков наказания, объявляет благодарности с занесением в личное дело. И просто отмечает хорошую работу зеков. Не забывает премировать рационализаторов. В целом лагерь работал так, что с лета 1943 года заключенным давали три выходных дня в месяц, вместо традиционного одного.

Вводит новые дифференцированные нормы котлового довольствия для заключенных. В частности, тем, кто непосредственно обслуживает агрегаты на горячих переделах металлургических заводов и в электролизных цехах, при выполнении норм от 105% и выше выдавалось «премблюд», полагающееся бурильщикам, и 100 граммов хлеба в день дополнительно.

Учитывая особо тяжелые условия труда на Руднике открытых работ и в одной из рудничных штолен, выделяет в распоряжение начальников подразделений дополнительные пайки — ежедневные премии: хлеб — 100 (здесь и далее в граммах), мясо — 25, ры-

ба — 25, жиры — 25, крупа — 40. А двухсотникам и трехсотникам (так называли перевыполняющих нормы в 2-3 раза) разрешил выдавать сверх положенного в день: муки — 50 (здесь и далее в граммах), крупы — 40, рыбы — 50, жиров — 8, сахара — 10, сухофруктов — 10.

И обязал весь лагерный состав пить перед обедом, зимой и весной, хвойный квас, «не допуская случаев уклонения». (Установку для получения кваса смонтировали летом 1943-го недалеко от дома отдыха на оз. Лама.) В противном случае — жесткие административные меры. Иначе нельзя: грозит цинга, смерть...

15 марта 1944 года он издает распоряжение создать нормальные жилищные условия для заключенных горных предприятий и вновь прибывшего контингента на штольни № 12, 13, рудник № 3/6. Речь идет о строительстве типовых бараков, кухни...

При комбинате существовала и детская трудовая колония.

Первые сведения о малолетних (14-16 лет) заключенных Норильска относятся к 1936 году. Долгое время они находились в составе одного из лаготделений, правда, жили в особом бараке (порядка ста человек).

Собственно Норильская трудколония при комбинате организована приказом НКВД СССР от 13 сентября 1943 года и подчинена непосредственно отделу УНКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Ее «проектная» численность — до 1000 человек, но уже при организации она насчитывала порядка 800 воспитанников.

С октября 1943 года Норильская детская трудовая колония — структурная «единица» комбината.

Летом 1944-го колонию вывезли на юг Красноярского края...

Для малолетних заключенных устанавливались щадящие нормы по выработке, пребыванию на открытом воздухе, обогреву. Шевченко утверждает порядок расчетов — в случаях, когда они работали в производственных подразделениях, вводит новые нормы питания.

Трудно сказать, какие чувства испытывал В.Б., подписывая такие приказы. Но, кажется, хотел по возможности облегчить участь малолеток, для которых не нашлось другого места поселения, кроме как на Крайнем Севере.

Частично процитирую:

«Наряды на сдельную работу выписываются по расценкам, установленным *для взрослых рабочих в/н персонала* (курсив мой. — *Сост.*). Наряды на повременную работу, не поддающуюся нормированию, в зависимости от ее полноценности и количества лиц, занятых на ее выполнении, выписываются или *по сетке взрослых рабочих в/н* (курсив мой. — *Сост.*) или по сетке учеников <...>

Установить для несовершеннолетних заключенных следующую норму питания для одного человека в день в граммах: хлеб ржаной — 600, крупа, макароны — 75, картофель, овощи — 250, сахар — 15, рыба, рыбопродукты — 70, мясо, мясопродукты — 25, жиры — 25, чай суррогатный — 2, соль — 15.»

Несовершеннолетние заключенные, работающие стахановскими методами труда, вырабатывающие производственные нормы на 110% и выше, соблюдающие режим и имеющие хорошие и отличные отметки по школьной и производственной учебе, получают следующую норму (в граммах): хлеб — 700, мука подболточная — 20, крупа, макароны — 75, мясо, мясопродукты — 35, рыба, рыбопродукты — 90, жиры — 30, сахар — 15, овощи — 300, сухофрукты — 15, мука картофельная — 5, соль — 15, чай суррогатный — 2, молоко(!) — 100, кофе(!) суррогатное — 5.

Несовершеннолетним заключенным при выполнении ими производственных норм на 150% и выше выдавать 100 граммов хлеба в день дополнительно».

(Наверное, надо быть незаурядным мастером, чтобы не ошибиться, взвешивая порции в 2 или 5 граммов...)

Конечно, на предприятиях и стройках комбината работали не только заключенные. Даже в военное время оргнабор поставлял «новобранцев»: норильское «хозяйство» росло так быстро, что только за счет «з/к» проблема не решалась. Те, кто не имел специальности, проходил первоначальное обучение без отрыва от производства.

Но качество... Располагая данными о том, что в цехах УКСа обучение без отрыва от производства поставлено не лучшим образом (в большинстве цехов нет опытных преподавателей, инструкторов; занятия нередко срываются), В.Б. Шевченко поручает отделу подготовки кадров, руководству УКС устранить эти недостатки, причем поставить преподавателей, инструкторов в условия, «не худшие, чем при работе на производстве».

Вместе с тем распоряжается улучшить и обучение будущих строителей с отрывом от производства, для чего: пересмотреть

имеющиеся программы, составить недостающие — с упором на практическую сторону учебы, скомплектовать постоянный штат преподавателей, инструкторов; построить и оборудовать при Учебном комбинате профильные мастерские.

Шевченко требует, чтобы отдел подготовки кадров существенно обновил учебно-методическую базу обучения: «рост курсовой сети, подготовка кадров темпами военного времени, увеличение числа профессий, охватываемых технической учебой, выявило необходимость создания единого методического центра по программным вопросам». Он приказывает создать методическое бюро, задачи которого — разработка и утверждение учебных планов, программ по всем видам обучения, планов организации учебных кабинетов. Берет на себя утверждение всей (!) учебно-методической документации.

Будучи и.о. начальника комбината, Шевченко подчеркивает: первоначальное обучение — лишь ступенька профессиональной подготовки, которая не дает такого уровня квалификации, которая позволяет работать «с высокой производительностью, без брака и аварий». Отсюда его установка начальникам управлений, цехов и лаготделений совместно с отделом подготовки кадров «развернуть широкую сеть обязательного обучения рабочих на курсах техминимума, повышения квалификации и в стахановских школах», причем на техучебу следовало отводить, правда, без отрыва от производства, не менее трех дней в неделю.

О масштабах «похода за знаниями» можно судить по утвержденному Шевченко плану техучебы и подготовки кадров на 1944 год — 9600 человек, из них 1200 — для горняков, 1700 — занятых в металлургии, 2000 — у строителей...

Для В.Б. характерно бережное отношение к профессионально подготовленным и проверенным на производстве работникам. Например, после сдачи в эксплуатацию объектов второй очереди ТЭЦ Шевченко распорядился с целью «сохранения монтажных кадров» передать этот коллектив, а вместе с ним оборудование, инструмент и приспособления Теплоэлектроцентрали, укомплектовав таким образом ее ремонтно-механический цех.

При В.Б. система профучебы пополнилась школой фабрично-заводского обучения (ФЗО). Ее организовали в соответствии с постановлением СНК СССР от 12 июня 1943 года. Предполагалось, что в производственных помещениях и цехах будут учиться 1000 юношей и девушек 15-18 лет. Их набрали по городам и рай-

онам Красноярского края, и 1 сентября они сели «за парты». Расклад по специальностям таков: 200 металлургов, 150 горняков, 100 химиков и столько же энергетиков, слесарей, машинистов подземных транспортных средств, строителей, а кроме того — металлостроителей, железнодорожников...

Шевченко распорядился обеспечить ФЗО квалифицированным преподавательским составом, а учащихся — всем необходимым для быта. Любопытно, что под личную ответственность главного инженера УКС Л.Б. Арсеньева поручалось изготовление двухъярусных вагонок (спальных мест), тумбочек, табуреток, стульев, столов, скамеек, кадок для кипяченой воды... Вплоть до вешалок, урн и стружки (набивать матрацы). В списке поручений — постельные принадлежности, спецодежда, обмундирование, столовая посуда... Продумано все до мелочей.

Прошло полгода, и после государственных квалификационных экзаменов (они закончились 20 февраля 1944-го) 620 выпускников по 70 (!) профессиям были распределены на предприятия комбината. А прежде того учебу закончили 199 человек — они освоили профессию досрочно. Уровень подготовки — достаточно высокий: из 819 «школьников» 125 аттестованы на 7-й и 6-й разряды, 178-ми присвоен 5-й.

Отмечая большую учебно-производственную и культурно-воспитательную работу коллектива ФЗО № 5, Шевченко не поскупился на благодарности, премии, особо подчеркивая чуткость, заботу, внимательность, повседневную помощь ряда учителей-мастеров.

В связи с завершением учебы и переходом бывших учащихся на самостоятельную работу, а также с целью создать для молодежи надлежащие культурно-бытовые условия В.Б. Шевченко 25 февраля 1944 года издает приказ «Об организации молодежного городка Норильского Комбината».

Такой городок в системе Отдела коммунального хозяйства наследовал все жилые, бытовые и подсобные помещения (до 10 барачных), которые функционировали в период работы школы ФЗО. Здесь уже как работники комбината, продолжали жить выпускники; сюда же предстояло селить «лучшую часть молодежи Комбината». Ставилась задача сделать общежития городка образцовыми, примером для других общежитий.

Шевченко распорядился срочно укомплектовать штаты молодежного городка, ликвидировать все недоделки по водопроводу, жилью, организовать молодежную столовую на базе существую-

щей школьной столовой, открыть пошивочную, сапожную мастерские, промтоварный ларек, сохранить медстационар.

И.о. начальника комбината предупредил всех начальников цехов, что они «наравне с Отделом коммунального хозяйства и комсомольскими организациями несут полную ответственность за благоустройство и порядок общежитий молодежи своего цеха».

* * *

А теперь — конспективно, из норильского калейдоскопа.

Исполняя обязанности начальника комбината, В.Б. Шевченко принимает меры к реализации планов поиска и геологоразведки на площадях за пределами «базовой» территории.

Резкой критике подвергнуто руководство Туруханской экспедиции (дислоцировалась в районе бассейна р. Нижняя Тунгуска), обследовавшей перспективное железорудное поле: план не выполнялся, начальник экспедиции пренебрегал личным контролем за ходом работ, трудовая дисциплина оставляла желать лучшего...

В.Б. Шевченко требует от начальника Геологического отдела срочно выправить ситуацию, разработать и представить на утверждение график строительства Туруханской базы и соответствующих мероприятий.

В начале декабря 1943 года подписан приказ об организации в районе с. Мотыгино (нижнее течение р. Ангары) геологоразведочной экспедиции с целью изучения перспективных проявлений алюминиевых, магниевых и марганцевых руд, а также других полезных ископаемых.

Предусмотрены меры, обеспечивающие выполнение программы геолого-съёмочных и разведочных работ на 1944 год. В числе главных — переброска грузов самолетами, изготовление лодок, реализация заявок полевиков на моторы, горюче-смазочные материалы. Профильным службам комбината поручено выделить лошадей с вычными седлами, предоставить оленей с пастухами, передать Геологическому отделу всех бурмастеров, работающих не по специальности, укомплектовать партии другими работниками из числа заключенных, обеспечить перевозки для периферийных экспедиций пароходом, катером...

Результаты геологоразведки непосредственно в Норильском районе легли в копилку данных, на основе которых

осенью 1944 года началась подготовка технического проекта, предполагавшего удвоение, по сравнению с проектом-1940, выпуска металлов.

Определяя задачи, которые предстоит решать на относительную перспективу, В.Б. Шевченко приказывал: не допускайте «бездушного отношения к удовлетворению нужд трудящихся масс».

Рассматривая программу работ цеха Горстрой на 1944 год, он утверждает сроки сдачи не только жилья, но и объектов социального, культурно-бытового назначения — хлебозавода, бани, двух клубов, детсада и детяслей. В объемы по благоустройству территорий входит и озеленение. Горстрою передана группа архитекторов, и таким образом проектирование будущего города непосредственно увязывается со строительством.

Отметим поручение Политотделу комбината — «прикрепить к цеху Горстрой на весь 1944 год одного своего работника для ежедневной помощи и организации необходимых мероприятий в разрезе поставленных задач» и начальнику Культурно-воспитательного отдела лагеря — «обеспечить выпуск с 1 апреля еженедельно листовок специально для цеха Горстрой».

И.о. начальника комбината подчеркивает «особо важное значение проведения в текущем году перечисленных работ по городскому строительству и специальное указание [замнаркома] товарища Завенягина» на этот счет.

Особенно он подгоняет (начало 1944 года) строителей жилья: темпы явно недостаточны, дефицит жилплощади очевиден, коммунально-бытовые условия ухудшаются... Приказом устанавливается жилищно-санитарная норма в домах комбината (4 кв. м на человека).

Дорожно-эксплуатационный участок преобразован в цех, все дороги стали подшефными отдельных участков. Заместителю начальника комбината по лагерю поручено выделить в распоряжение Автодорцеха дополнительно «300 человек полноценной рабочей силы, обеспечив весь личный состав заключенных хорошим зимним обмундированием».

К Новому году, 1944-му, организована служба радиосвязи. В.Б. поощряет работников цеха связи, освоивших изготовление репродукторов из местных ресурсов.

Через Шевченко проходят документы о работе совхозов комбината и подготовке их к весеннему севу (из констатирующей части приказа от 1 марта 1944 года: «В 1943 году совхозы Комбината, увеличив посевную площадь по сравнению с 1942 годом на 1113 га, или 32%, полностью выполнили план сева, перевыполнили план урожайности по картофелю и овощам, также выполнен <...> план выходного поголовья по крупному рогатому скоту на 102% и свинопоголовью на 123%. <...> За успешную работу <...> Наркоматом нашему коллективу присуждено переходящее Красное Знамя НКВД СССР и вторая премия»), об изготовлении сельхозинвентаря, сохранности поголовья в Норильском совхозе, ветеринарном обслуживании животных, сбыте сельхозпродукции... Создан ветеринарный отдел.

В.Б. наверняка интересовался 503-й стройкой: ведь в 1943–1945 годах Норильская экспедиция Желдорпроекта Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР намеревалась провести изыскания железнодорожной линии Салехард — Норильск, геологическую съемку для поисковых целей в районе Норильского комбината.

13 июля 1943 года между комбинатом и БАМ-проектом подписан договор, предусматривающий продовольственное снабжение экспедиции Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД СССР. 6 августа последовала местная директива, где говорилось: «Учитывая особое значение работ, выполняемых для комбината БАМ-проектом, и сокращенные сроки этих работ, в целях максимального обеспечения нормального хода работ БАМ-проекта приказываю...» и далее шли поручения отделам, касающиеся спецодежды, горючего на Вальке и Игарке...

В.Б. Шевченко утверждает план мероприятий по обеспечению проведения общекомбинатовского субботника в честь 25-летия ВЛКСМ.

29 октября 1943 года он поздравил комсомольцев с юбилеем. В приказе по комбинату отмечены их вклад в производство (бригаде В.В. Михайличенко присвоено звание фронтовой, 6 человек премированы, сорока молодым но-

рильчанам объявлена благодарность), помощь фронту в виде добровольных денежных взносов...

Май 1944-го. Незадолго до перехода Виктора Борисовича на другую работу Комбинату присуждено переходящее Красное Знамя ГКО, только что учрежденное для горно-металлургических предприятий НКВД СССР. Если учесть, что в 1944 году комбинат получал Знамя ГКО шесть раз, можно, пожалуй, без натяжки сказать, что основу успеха заложил коллектив, которым руководил Шевченко. Не случайно один из видных строителей комбината Л.И. Анисимов называл В.Б. личностью.

И не забудем, что летом 1943-го за успешное выполнение заданий Правительства по строительству и освоению Норильского комбината он, в числе многих других отличившихся, награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени (отмечены, думается, и заслуги, связанные с вводом мощностей в Джеккагане).

Выходит, не ошибку исправлял Завенягин (как писал А.Б. Логинов), возвращая В.С. Зверева на пост главного инженера, а счел, видимо, достаточным годичный экзамен, учиненный Виктору Борисовичу. И, выставив ему положительную оценку, инициировал новое назначение...

А теперь — воспоминания о Шевченко-норильчанине.

Но прежде хочу поделиться с вами собственными впечатлениями. Не вдаваясь в подробности, в самом общем виде.

Воспоминания написаны не по горячим следам. Значит, оценки «отлежались» и отражают не сиюминутную реакцию на обстоятельства, а выверенное временем отношение к ним. И к самому Шевченко.

Попадутся вам и противоречивые суждения. Думаю, отвергать те или иные не стоит. Разве сами мы в конкретной обстановке не выглядим по-разному в глазах окружающих: ведь одни сочувствуют нам, а другие осуждают.

Если встретите повторяющиеся оценки, мнения (бывает, они высказаны по одному и тому же поводу), то и это хорошо: каждое последующее только укрепляет в нас доверие к сказанному о В.Б.

Особенно радовали жизненные наблюдения, детали взаимоотношений. Пусть, на чей-то взгляд, мелкие, малозначащие. Но

разве они не говорят порой о человеке гораздо больше, чем пространные монологи.

Мне кажется, вы непременно будете перечитывать некоторые весьма сочно, ярко рассказанные истории вне зависимости от того, разделите ли конкретную точку зрения.

Вот с чем приходилось «бороться», общаясь с ветеранами, так это с общими фразами лестного свойства — замечательный человек, личность, незаурядный организатор... Ничего не понятно! Потому что эти качества проявляются в действиях, а действий-то зачастую не помнят.

Иногда удавалось докопаться до истины. Но иной раз я сдавался — мой собеседник настаивал, полагая, что и так понятно. Надеюсь, это вас не слишком разочарует.

Лично мне было интересно все. К сожалению, с некоторыми уже не поспорить, ни сверить позиции — их нет среди нас... Жизнь, увы, не вечна...

Ну вот, теперь я приглашаю всех к собеседованию с очевидцами.

Сергей Снегов. *«Ноги» для бесконвойного хождения**

В 1943 году в Норильский комбинат прилетел новый главный инженер — Виктор Борисович Шевченко. А так как в это время начальник комбината Александр Алексеевич Панюков находился, по случаю болезни, в длительном отпуске на «материке», то Шевченко сразу уселся в оба верховных комбинатских кресла — начальника и главного инженера.

Появление нового руководителя было ознаменовано собранием в ДИТР — доме инженерно-технических работников — местных начальников всех рангов и калибров. На этом собрании Шевченко произнес свою тронную речь. О том, как происходила встреча главного начальника с подчиненным ему начальством, нам с воодушевлением поведал главный энергетик Большого металлургического завода — БМЗ — Сергей Яковлевич Сорокин, присутствовавший на собрании.

— Ребята, он невысок, полный, лысый и вообще — полковник, — рассказывал Сорокин в своем кабинете группке самых близких своих зеков — мне, Василию Лопатинскому, Мстиславу Никитину, Павлу Кирсанову. — А шинель у него, ребята, я посмотрел, обтрепанная, не то с чужого плеча, не то от рождения второго срока. И пуговица одна повисла, нитка длинная, не сегодня-завтра оборвется. Еще не видал таких несолидных полковни-

* **Снегов С.А.** Норильские рассказы — М.: Советский писатель, 1991.

ков. Нашим орлам из третьего отдела, ну, Племянникову или Двину из УРЧ (учетно-распределительная часть. — *Сост.*) лагеря, не говорю о начальнике лагеря Волохове, он ни в подметки... А что говорил! Что говорил! <...> Непостижимо, одним словом. Только вот что, ребята, вы у меня контрики... Так чтоб на сторону — ни звука. Лишь для внутреннего употребления.

— Он бывал у Лаврентия Павловича Берия, — продолжал Сорокин выбалтывать служебные тайны своим приближенным зекам. — Встреч с Завенягиным — бессчетно! И пообещал товарищу Сталину, что увеличит в этом году выдачу никеля на двадцать процентов. В момент, мол, когда погнали немцев от Сталинграда, истинное преступление, если металлурги сорвут производство танковой брони, а без никеля какая же броня? Вот такая была речь, ребята.

— Крепенько, — неопределенно высказался осторожный Лопатинский, по профессии бухгалтер, а не металлург, но разбиравшийся в производстве никеля глубже иных молодых специалистов.

— Внушительно! — поддержал Кирсанов, старший мастер электропечей. — Электропечи справятся, если не подведут ватержакеты.

— О чем и говорю! — Сорокин наконец спохватился, что пора придавать почти товарищеской беседе видимость делового обсуждения. — Все упирается в ватержакеты. Мстислав Иванович, вытянет плавильный цех увеличение на двадцать процентов? Филатов сказал, что вытянет, он металлург хороший...

— Вздор! — отрезал Никитин, старший механик плавильного цеха. Он знал свои ватержакеты гораздо лучше, чем самого себя. От плавильных агрегатов он никогда не ожидал ничего непредвиденного, а как сам поступит в следующую минуту, не был способен предугадать.

— В каком смысле — вздор?

— В самом обыкновенном. Чепуха! — Никитин обычно не затруднял себя техническим обоснованием своих производственных решений. Зато и не ошибался в них. Он изрекал, а не доказывал, но изрекал точно.

— А вы как думаете? — обратился ко мне Сорокин.

— Согласен со Славой. Ватержакеты работают на пределе. Чтобы выплавить большие руды, нужно вдвухать в печи больше воздуха, а откуда его взять?

— Учтено! — быстро сказал Сорокин. — На самолетах везут новую воздуходувку, Шевченко и об этом говорил. Она даст прибавку воздуха даже на тридцать, а не на двадцать процентов. Он все предусмотрел.

— Ничего полковник не предусмотрел, Сергей Яковлевич! На ватерджакеты воинские приказы не действуют. Скорость воздуха в трубе около пятидесяти метров в секунду. И в черную пургу такого урагана не бывает. И соответственно — жуткое сопротивление в трубах, а оно пропорционально квадрату скорости, вы сами это знаете. Поставьте новую воздуходувку, увеличите расход энергии, но добавки воздуха не получите — все съест увеличившееся сопротивление в воздухопроводах. Новая воздуходувка будет забивать старые, а не усиливать их.

— Положеньице! — бормотал огорченный Сорокин. — Завтра Шевченко созывает совещание металлургов и электриков. Увеличение электроэнергии мы ему пообещаем, а подачу воздуха? Воздуходувная станция числится за мной. Что я ему скажу?

— А вот так и скажи, как объясняет Сергей, — немедленно откликнулся Никитин. — Так, мол, и так, полковник, рискованное дали обещание. Одобрить вашу опрометчивость не могу, ничего не выйдет с увеличением никеля. Плавильные агрегаты покорны инженерным расчетам, а не воинским приказам — точные у Сергея слова, их и повтори вслух.

— Ну, ты! — окрысился Сорокин. — Чтобы такое при всех! В вашу отпетую компанию не собираюсь!..

Он почти с отчаянием закончил:

— Наговорили! Одна надежда — не спросит меня полковник. Да я и не металлург, а энергетик. Пусть за никель отвечают Белов с Филатовым.

Весь вечер мы в бараке перетрепывали планы нового начальника. И удивлялись, как бесцеремонно обманывают самого Сталина нереальными обещаниями. И все согласились, что если бы Шевченко был из гражданских, то его за беспардонное вранье правительству вскорости бы посадили, но он полковник НКВД, а НКВД самое дорогое Сталину учреждение — вывернется.

А в середине следующего дня ко мне прибежал курьер и срочно вызвал к начальнику БМЗ Белову. Александр Романович Белов сердито прохаживался по кабинету. И так посмотрел, что я сразу сообразил: случилось что-то очень уж плохое. Начальник БМЗ никогда не позволял себе грубости с заключенными. Но тон, ка-

ким он заговорил, свидетельствовал, что он еле удерживается от ругани.

— Да вы с ума сошли! — так начал он. — Кто вас тянул за язык? В вашем положении молчание не золото, а жизненная необходимость. И кому высказали свои сомнения? Сорокин же не понимает, когда и что принято говорить. Он сегодня брякнул: «Ничего не выйдет с прибавкой воздуха, так считает наш начальник теплоконтроля». Шевченко накинулся на Сорокина, потом и мне досталось. «Вредителю, диверсанту, шпиону верите, а мне нет! Кто у вас заправляет технологией, кого подпускаете к техническому руководству?» Вот такие формулировочки! А за формулировочками — выводы. Вы не дурак, должны понимать, что наделали.

— Что я говорил Сорокину — правда, Александр Романович, — попробовал я защититься.

Белов раздраженно махнул рукой:

— Правда или неправда — это не имеет значения сейчас. Идет война, правительству даны ответственные обещания, их надо выполнять, а не оспаривать...

Отругав меня, Белов продолжал:

— Я сказал Виктору Борисовичу, что вы неплохой работник, на заводе в преступлениях не замечены. Но Шевченко и слушать не захотел, так вы его рассердили. В четыре часа он вызовет вас к телефону для объяснений. Будете говорить по моему аппарату. Я буду здесь же, но меня не будет. Включу селектор и послушаю ваш разговор, ни словом не намекайте, что я поблизости. Пока подождите в приемной, без пяти минут четыре входите. Секретарю скажите, чтобы никого к нам не пускала.

Даже перед судом в Лефортовской тюрьме в апреле 1937 года я так не нервничал, как перед разговором с Шевченко. Тогда, шесть лет назад, я еще наивно верил в правосудие. Шесть лет тюрьмы и лагеря вытравили из меня «гнило-либеральные» иллюзии объективности любых судилищ. Вероятно, я был очень бледен — Белов посмотрел на меня с сочувствием, показал на стул, придвинул ко мне телефон, а сам откинулся на спинку своего кресла.

Ровно в четыре из селектора вынесся густой директивный басок:

— Большой металлургический, мне нужен начальник теплоконтроля.

Я поспешно ответил в трубку:

— Слушаю вас, гражданин начальник комбината.

И сейчас же начался разнос. Шевченко не говорил, а орал:

— Слушаете? Это я хочу услышать, с каким умыслом вы распространяете вздор о печах! Такую чепуху, такую ерунду, такую нелепость! Мы мобилизуем трудовой коллектив на помощь фронту, а вы вредными слушками всех дезорганизуете. И находятся пустомели, что верят вашим преступным выдумкам! Отвечайте — с какой целью ведете подозрительную агитацию?

Я молчал. Много лет прошло с того дня, но и сегодня с жуткой отчетливостью помню свое тогдашнее состояние. Меня заполонило отчаяние — это самое точное слово. Я понял, что оправдания бесцельны — полковник госбезопасности, возведенный в главные инженеры комбината цветной металлургии, не захочет слушать ни объяснений, ни оправданий. Я не сомневался, что где-то неподалеку старший лейтенант той же госбезопасности Зеленский жадно прислушивается по своему селектору к нашему разговору и с привычной легкостью переводит ругательства Шевченко в пункты всеохватной 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР. Я был обречен. Я молчал.

В голосе Шевченко раздражение смешалось с гневом:

— Что там у вас — телефон сломался? Почему молчите? Еще раз спрашиваю — почему не отвечаете?

С тем же ощущением обреченности я ринулся в ответ, как в пучину — вниз головой.

— Я не отвечаю, гражданин начальник комбината, потому что не понял ваших слов.

— Русского языка не знаете?

— Русский язык знаю, но термины, которые вы употребляете, мне незнакомы. В технике их не используют.

— Какие незнакомые термины я употребил? Называйте!

— Да почти все, что вы сказали, гражданин начальник комбината. Вздор, чепуха, ерунда, преступный умысел, подозрительная агитация, пустомели... Ни в одном учебнике металлургических процессов я не встречал таких названий. Я ведь думал, что вы будете меня расспрашивать о техническом состоянии воздухопроводов.

На несколько секунд замолчал и Шевченко. Я бросил взгляд на Белова. Он наслаждался разговором. Его так восхитил мой отпор, что он уже почти примирился с моим неизбежным арестом. Я понимал его. На заводе я был все же нужен, и ему не хотелось терять толкового работника. Дерзкий разговор делал невозможным сохранение меня в лаборатории. Но что я напоследок хоть «плюну в кастрюлю с борщом», смягчало для него неизбежные оргвыводы.

Но разговор вдруг принял неожиданный и для меня, и для Бєлова поворот. В голосе Шевченко теперь слышались не раздражение и гнев, а насмешка. Он собирался — во всеуслышание селектора — поиздеваться надо мной.

— Хотите поговорить о технике, а не о преступных помыслах? Хорошо, пусть техника. Отвечайте сразу — без подготовки и без подсказки. Там у вас, наверно, кто-нибудь рядом сидит, так пусть он помалкивает. Чем измеряете скорость воздуха?

— Приборами Пито и Прантля, — ответил я быстро.

— Откуда получили Пито и Прантля?

— Сам изготовил.

— По какому методу делали измерения и расчеты?

— По методике германского общества инженеров.

— Приведение к нормальным условиям было?

— Пересчитали на нуль градусов и давление в одну атмосферу.

— Измерительный аппарат? Как его очищаете? Рабочая жидкость?

— Микроманометр Креля. Очищали кислотой с хромпиком, рабочая жидкость спирт-ректификат. Разброс показаний могли подкорректировать методом наименьших квадратов, но не было нужды, разбросы несущественны.

— И получили пятьдесят метров для скорости воздуха?

— Так точно, гражданин начальник комбината. Пятьдесят метров в секунду.

— Чудовишно! Невероятно и недопустимо! Термины нетехнические, но иногда ругань — самая правильная терминология. Теперь слушайте меня внимательно. Немедленно повторите измерения скорости воздуха в десяти точках воздухопроводов. Продолжительность измерений — шесть часов при нормальном режиме плавления печей, показания снимаются через каждые десять минут. Данные наносите таблицей на ватман с чертежом воздухопроводов и мест замеров, пересчитываете на нормальные условия и лично доставляете мне в десять утра в Управление комбината. Задание ясно?

— Задание ясно, но полностью выполнить не смогу.

— Что сможете и чего не сможете?

— Измерения и пересчеты сделаю, на ватман схему воздухопроводов нанесу. Но лично доставить не смогу. У меня нет «ног».

Впервые в голосе Шевченко послышалось удивление:

— Вы калека? Мне об этом не говорили.

— Только в косвенном смысле, гражданин начальник комбината. Я подконвойный. Пропуска для выхода с промплощадки в город не имею.

— Хорошо. В половине десятого к вам придет курьер и заберет материалы. И передаст вам для прочтения мою книжку по контролю металлургических процессов. Мою — в смысле написанную мной самим. Довожу до вашего сведения, что моя инженерная специальность — технологические режимы в металлургии. <...> Думаю, с инженером Шевченко вам будет легче использовать свои любимые технические термины, чем с полковником Шевченко. Действуйте.

Селектор замолк. Лицо Белова сияло. Я медленно отходил от трудного разговора.

— Как вы его! Нет, как вы его! — в восторге твердил Белов. — И не ожидал от вас такой смелости, и Шевченко не ожидал. Он ведь пригрозил, что арестует вас за подрыв правительственных заданий. Я вам этого не сказал, чтобы сразу не ударились в панику. Теперь он вам плохого не сделает, ведь многие включили селектор и слушали, как вы его отчитывали. Нет, как вы его поставили на место!

— Александр Романович, — сказал я с упреком, — почему вы не сообщили, что он специалист по контролю металлургических процессов? Совсем ведь иной разговор мог получиться.

— Сам не знал, что он пишет книги. И никто не знал. Он впервые это высказал. А насчет разговора не беспокойтесь. Разговор — лучше и не пожелать! Теперь меня и другие поддержат, если понадобится вас защищать.

В эту ночь из моей лаборатории никто не ушел. Все лаборанты — в основном вольнонаемные девчонки и пареньки из сибирских городков и сел — остались, не спрашивая времени. Все понимали, что разразился аврал, надо каждому постараться. <...> Всю ночь до утра меня грызли сомнения: может, раньше я ошибался, и воздух мчится по трубам вовсе не с возвешенной (так в первоисточнике. — *Сост.*) ураганной скоростью. Утром я успокоился, ошибки не было. Анализ измерений показывал, что скорость воздуха именно такая, какую я назвал Сорокину: 51 метр в секунду.

В предписанный час в лабораторию явился посланец Шевченко, вручил мне небольшую брошюру, забрал чертежи и вычисления и предупредил: в двенадцать часов я должен ждать телефонного вызова в кабинете Белова. Я показал Белову результаты ночных наблюдений и сел в приемной читать книжку Шевченко.

Мной запоздало овладевало смущение. Я потребовал от Шевченко технического разговора, я думал хоть немного защититься от опасных политических обвинений языком техники. Но Шевченко знал технический язык гораздо лучше меня. Проработав на производстве несколько лет, я был в металлургии не так начитан, как наслышан и «навиден», а он инженерно в ней разбирался. И посадить меня в лужу на этой, глубоко ему ведомой почве металлургических закономерностей он мог куда проще и основательней, чем гневаясь и ругаясь. Так это мне увиделось, когда я перелистывал в уголке приемной книжку «Контроль металлургических процессов». Я уже подходил к правде, но это была еще не полная правда.

— Срочно к Александру Романовичу, — сказала секретарша Белова.

Белов разговаривал по телефону с Шевченко. По довольному лицу главного металлурга я понял, что нового разноса не будет.

— Да, конечно, так я и говорил вам, Виктор Борисович.

Белов глазами показал мне на стул. — Он уже здесь. Передаю трубку.

В трубке загудел голос Шевченко:

— Ваш отчет — передо мной. Отношение к нему двойственное. С одной стороны — отлично, с другой — безобразие! Словечки нетехнические, но других подобрать не могу.

Я осторожно поинтересовался:

— Что именно отлично, а что — безобразие, гражданин начальник комбината?

— Отлично — проделанная вами работа. А безобразие — все, что эта работа показывает. В моей книжке вы можете прочесть, что скорость вдуваемого в печи воздуха не должна превышать четырнадцати-пятнадцати метров в секунду, а у вас она выше пятидесяти. И оспорить не могу, ваши расчеты сам проверил. В этих условиях монтаж новой воздуходувки эффекта не даст. Все съест возросшее сопротивление в трубах, то самое, что вы объяснили Сорокину и за что я собирался вас наказать. Но не радуйтесь, что наказания избежали. Всех нас теперь надо карать за техническую безалаберность. Вы получите новое задание.

— Готов, гражданин начальник...

— Виктор Борисович.

— Готов, Виктор Борисович.

— К вам сегодня придут проектировщики-металлурги. Я приказал выделить для них специальный конвой на промплощадку. Покажите им результаты измерений, ответьте на вопросы. Пусть

пораскинут мозгами, кто и как допустил до нынешнего нетерпимого состояния. А завтра в десять утра явитесь на Малый металлургический завод. Я буду у начальника ММЗ Алексея Борисовича Логинова. Вы Логинова знаете?

— Немного. Налаживал на ММЗ теплоконтроль, газовый анализ.

— У меня все. У вас?

— У меня — ничего, Виктор Борисович, — сказал я и положил замолкнувшую трубку.

— Поздравляю! — сказал радостно Белов. — До этой минуты тревога все же была. Новая метла чисто метет, а эта — Виктор Борисович — не метет, а сметает. Строителям уже влетело по шее. Горнякам, особенно рударям, грозил понижениями в должности, даже арестами. Особенно коксохимикам попало. Кокс у них ведь какой: во-первых, дерьмо, во-вторых — мало. К металлургам Шевченко пока помягче. Теперь торопитесь к себе, проектировщики уже доставили на промплощадку.

[Когда все вопросы с ними были решены, я отправился на ММЗ. В кабинете начальника завода] за столом сидели один рядом с другим, один удивительно похожий на другого, два плотных лысых человека — и лишь приглядевшись, можно было разобраться, что один помоложе и покрасивей другого. Помоложе и покрасивей был Логинов. Вторым был Шевченко.

— Садитесь! — приказал Шевченко, показывая рукой на стул, и обратился к Логинову: — Хочу тебя познакомить, Алексей Борисович, с начальником теплоконтроля на БМЗ. Я думал его наказать за то, что публично опорочивает мероприятия по выдаче никеля, обещанные правительству. А он сам задал мне трепку, да еще по селектору! Не хочу, говорит, с вами разговаривать, пока не научитесь техническому языку. Жуткая личность! Ты его бойся, он и тебе выдаст не меньше, чем мне.

Шевченко с удовольствием вышучивал наш телефонный разговор. Логинов улыбался. Я вымучил из себя какую-то приличествующую улыбку. Логинов сказал:

— С Сергеем Александровичем знакомы. Значит, такое же обследование у меня, что проделано на БМЗ?

— Такое же, — подтвердил Шевченко. — И у тебя, возможно, не все в ажуре.

И он опять заговорил со мной — уже серьезно:

— Вы, конечно, не знали, что та скорость воздуха, которую определили в воздухопроводах, абсолютно недопустима. Но что ее

уже нельзя превзойти, понимали, и за это вам спасибо. Но главное не в том, что вскрыты технологические безобразия. Открывается и путь к повышению производительности плавильного цеха, о котором еще недавно не догадывались. К нам самолетами уже доставляются части обещанной воздуходувки. Она эффекта не даст, это вы Сорокину сказали верно. Единственный выход — строить новые воздухопроводы. На днях я улетаю в Москву просить металл для дополнительной нитки труб. Но я вызвал вас не для того, чтобы поделиться этими, в принципе секретными сведениями. Хочу знать, чем сам могу помочь вам? О чем бы хотели попросить?

Я не хотел ничего выпрашивать. В бытовых мелочах я не нуждался, а свободы, единственного, чего мне не хватало, Шевченко подарить не мог. Он вглядывался в меня, он понимал, почему я молчу.

— Да, конечно, выпустить вас на волю я не могу, — заговорил он снова. — Но о сокращении срока заключения похлопочу, это в моих силах. Вы жаловались, что без «ног». Сегодня вас сфотографируют на пропуск бесконвойного хождения по городу. Больше не потребуется посылать к вам, как к владетельному монарху, специальных курьеров или выделять вооруженный конвой, чтобы лично увидеть вас и пожать руку.

Он подкрепил эти слова тем, что встал и пожал мне руку. Я был бесконечно смущен. Обратившись в свою лабораторию я бежал по тому же трубопроводу. А потом удивлялся, как не сверзился с высоты — от волнения пошатывался на узких трубах, как опоенный брагой.

Вскоре Белов порадовал меня, что готовится список на снижение сроков заключения особо отмеченным за трудовое усердие заключенным. Мне намечается самая высокая льгота — три года «досрочки».

— Да зачем мне так много? — удивился я. — До «звонка» к приходу списка мне останется не больше двух лет.

— Больше потребуем — охотней уважат. Виктор Борисович сказал — сделаем все, что в наших возможностях.

Он сильно преувеличивал свои возможности, Виктор Борисович Шевченко, полковник и ученый, главный инженер Норильского комбината, а в недалеком будущем доктор наук, один из руководителей наших ядерных исследований. Список лиц, удостоенных снижения сроков, был опубликован в следующем году. Мне, точно, хватило бы и двух лет «досрочки», чтобы сразу

выйти на волю. Но и года не было. В радостном списке я не нашел своей фамилии.

Спустя несколько лет я узнал, что в списке, подписанном самим Шевченко, я точно стоял из первых. Но против моей фамилии было начертано синим карандашом: «Возр. Зел.». То была виза оперуполномоченного Зелинского...

Евгений Рябчиков. *Кислота есть.**

Помню мглистый, холодный вечер, когда в кабинете Панюкова собрались по тревоге в связи с чрезвычайными обстоятельствами... командиры стройки, заводов, железной дороги, рудников, снабжения.

... И пошел крутой разговор о печальных итогах навигации.

— Вы должны знать всю правду, — первым начал Волохов. Он поднял рукой банку с кислотой и разглядывал ее на свет. — Грузы сможем получить только в будущем году. А на складах мало, очень мало серной кислоты, горючего, цемента... Давайте думать, что нам делать? Как выйти из критического положения? <...>

Не в традициях норильчан опускать руки. Такие трудности преодолели и тут не спасуем. Надо придумать! Не сию же минуту, конечно, не здесь, но обязательно придумать. Всю работу наших лабораторий, наших ученых и рационализаторов мы должны подчинить одной задаче — пусть добудут в Заполярье все необходимое производству. Это долг общий — и партийных и непартийных большевиков. <...>

О серной кислоте, горючем и цементе говорили [везде]. Даже дома, за обеденным столом, в клубах, в кино люди неизменно переходили на эту жгучую тему. Все были заняты подсчетами — сколько еще времени сможет продержаться производство на остатках необходимых материалов?

...И вот на сернокислотной установке калориферная печь сложена и высушена, и ее затопили. Из печи Гумбольдта Малого металлургического завода хлынул по газоходу, пробивая фланцевые соединения, сернистый газ. От газа кружилась и болела голова, но главный инженер комбината В.Б. Шевченко, который в те дни, казалось, забыл про весь комбинат и не покидал ударную стройку, ходил по цеху и радовался:

— Пошло... пошло!.. — взволнованно кричал он.

Пошло-то пошло, но во время испытаний разъело чугунный холодильник. Опять задержка. Снова экстренные совещания, пе-

* **Рябчиков Е.** Северное сияние. М.—Л. Из-во Главсевморпути, 1946 г.

ребранка диспетчеров, разносные звонки из управления, снова листовки-«молнии». Валившиеся с ног от усталости инженеры Анисимов и Калюсский на глазах у всех сконструировали новый змеевик; спустя два дня он был готов и бережно опущен в поддон. А тут новое несчастье — разъело ангидридный холодильник. Из строя вышла еще какая-то аппаратура. Как говорят, беда одна не приходит, а тащит за собой хвост.

Наконец [все неполадки устранили], наступил час пробного пуска. <...> Заработали насосы. И вдруг в цехе запахло кислотой. Едва появился этот долгожданный запах, как наступила такая тишина, что все слышали глухой вой пурги за стенами установки.

Медленно тянулись минуты ожидания. Но где-то хлопнула дверь, послышались быстрые шаги, и в цех вбежала вся осыпанная снегом руководитель смены комсомолка Маруся Покровская.

— Вот! — Девушка протянула банку с жидкостью. — Кислота! Есть!

Владимир Шевченко. *Отец работал много...*

Мы жили в квартире обычного дома. Младшему, Валерию, было два года, и мама занималась домашним хозяйством.

Отец работал практически без выходных, возвращался поздно вечером. Тем не менее рассказывал, в общих чертах, о комбинате, судах с продовольствием, замерзших на Енисее, о том, как вывозили эти продукты по льду...

Рядом с домом, где жила семья, располагался Дом инженерно-технических работников, или ДИТР, где часто устраивались очень хорошие концерты с участием профессиональных артистов из числа заключенных. Отец довольно часто посещал эти концерты — вместе с мамой и старшими детьми.

Основным увлечением летом была, естественно, рыбалка. Но из-за занятости отца я с ним побывал на рыбалке лишь один раз. Место это называлось Валёк, в нескольких километрах от города. Ловили в речке с довольно быстрым течением. Рыба попадалась некрупная, но поклев был удивительным, стоило лишь забросить удочку.

На «платиновом» заводе

Начальником Красноярского завода № 169 (аффинажного, ныне завода цветных металлов) В.Б. Шевченко назначен приказом НКВД № 645 от 3 мая 1944 года.

К работе приступил 12 мая 1944-го, когда завод уже начал выпускать продукцию — платину и палладий. Наступил этап практической проверки эффективности заложенных в проекте технологий — от обогащения шламов до аффинажа.

Эта общая программа конкретизировалась так: форсированно комплектовать и обучать кадры; продолжать строительно-монтажные работы в заводских цехах, с тем чтобы они отвечали требованиям научно-технического прогресса. И притом выполнять государственный план, задания которого диктовались условиями военного времени.

Многие проблемы, с которыми имели дело заводчане, Шевченко хорошо знал: ведь шламы, которые поступали с Норильского комбината, содержали много примесей, включая медь и никель, препятствовавших извлечению ценных продуктов.

Сложность решения производственных задач состояла в том, что на имеющихся площадях, при освоенной технологии и установленном оборудовании можно было получить лишь небольшой прирост выпуска платиновых металлов. Что не вязалось с намеченным в 1944 году удвоением объемов их общесоюзного производства.

Оставался один выход — срочно разрабатывать новые технологии, проектировать и строить новые цеха, заменять агрегаты, аппаратуру... С прицелом на извлечение не только платины и палладия, но и других благородных металлов, чего в стартовой технологической схеме практически не предусматривалось. Словом, надо начинать реконструкцию, осложненную условиями действующего производства. С нечто подобным, но в значительно более крупных масштабах Шевченко уже сталкивался. И совсем недавно — в Норильске.

В.Б. делает ставку на тщательную, глубокую проработку технологических проблем не только сугубо прикладного, но и отчасти фундаментального характера. У него были первоклассные помощники — ученые академического института Общей и неорганической химии, Центральной заводской лаборатории и созданное Наркоматом научно-исследовательское подразделение, уком-

плектованное крупными специалистами — химиками, физико-химиками, металлургами, физиками... (особое конструкторско-технологическое бюро № 3 лагерного типа, «шарашка», по выражению А.И. Солженицына; позже оно перекочевало на территорию завода, вошло как отделение в состав ЦЗЛ). Некоторых сотрудников ОКТБ Шевченко знал еще по Норильску. Этот своеобразный отраслевой «институт», заводской научный центр стал главным разработчиком новых процессов извлечение редких металлов...

В 2003-м, когда отмечалось 60-летие завода, генеральный директор ОАО «Красцветмет» И.В. Тихов не забыл сказать, что основатели сибирского промышленного уникала заложили здесь мощную научно-техническую базу. Упор на заводскую науку стал фирменным знаком, брэндом предприятия. И В.Б. Шевченко, второй, по счету, начальник КЗЦМ, был в числе зачинателей этой замечательной традиции.

Судьба производственного плана зависела от работы Малого аффинажного цеха. Но здесь происходило нечто на первый взгляд необъяснимое: несмотря на неоднократное обогащение шламов содержание в них благородных металлов увеличивалось незначительно. Более того, цикл за циклом эффективность процесса падала.

Вместе с главным инженером, начальником цеха, исследователями Шевченко упорно искал причину «неполадок». И ее в конце концов нашли! Но... необходимой реконструкции надо было ждать два года. Снова раздумья... Пока не родился промежуточный вариант, что позволило сократить длительность технологических операций.

А параллельно шло строительство основного цеха аффинажа. Если в Малом работали без механизации, то в новых стенах все должно было быть иначе. Не говоря уже о более мощном, совершенном оборудовании, удобном размещении площадок обслуживания...

Однако пока приходилось мириться с неудобствами «временки» и, ожидая поставок по ленд-лизу (без чего ввод основного цеха был невозможен), «выжимать» плановый металл в условиях, значительно более тяжелых, чем предусмотренные проектом.

Из воспоминаний работников завода

А.П. Пашкова: «Работа была очень тяжелой. Все делалось вручную, механизации никакой практически не было. Контейнеры с концентратами, 20-25-литровые бутылки с кислотой приходилось спускать на себе по лестнице со второго на первый этаж, а такие же бутылки с концентрированными растворами с верхней площадки на нижнюю.

Вентиляция на опытной установке была маломощная, а иногда и совсем не действовала. И спецодежду рабочие внутренних цехов первые полгода работы на заводе совсем не имели; позднее завод приобрел хлопчатобумажную и только с 1944 года — настоящую суконную».

А.Ф. Максимова: «В неимоверно тяжелых условиях приходилось тогда работать: сильная загазованность из-за плохой вентиляции; кругом агрессивная серноокислотная среда растворов... Спецодежда выдавалась не по размерам. А какой она могла быть, если шили ее из шинелей б/у? Конечно, в такой одежде было сложно и неудобно работать, а другой не имелось».

А.А. Романкевич: «Лаборантам приходилось порой работать сутками: часто очень срочно требовались результаты анализов. Нередко работали и в выходные. Отгулов же никто не давал, а про отпуск нечего было и думать: отпусков в войну просто не было.

Очень холодной выдалась зима 1944-го. Отопление и водоснабжение зданий прекратилось, в домах перемерзли трубы. Мы в этот период сутками не уходили из лаборатории. Поспим немножко у плавильных печей, утром, как потеплеет, сбегает в столовую, ходим ненадолго домой — и опять работа и ночевка в лаборатории».

З.П. Балашова: «В бараках было очень холодно. Они строились зимой и не были утеплены, дров и угля было мало... Иногда мы умудрялись оставаться ночевать в цехе, устраивались где-нибудь за баками, но зато в тепле. Правда, дышать здесь было почти нечем. Первое время обжиговые печи находились на нулевой площадке, при разгрузке сернистый газ заполнял все верхние площадки: разъедало носоглотку, шла кровь...

...Большие проблемы были с питанием. Первое время оно было очень скудное: суп из мороженой капусты и пюре из мороженой картошки. <...>

Но как только завод стал выдавать готовую продукцию, положение сразу изменилось. Выдали карточки на продукты, ордера на промтовары. Построили столовую на территории завода, так что после смены там можно было взять бесплатно по карточкам спецпитания: кашу с рыбой, хлеб (100 граммов) с маслом (10 граммов) и чай сладкий (10 граммов сахара).

Улучшились условия труда, в цехе установили грузовой лифт. Обжиговые печи перенесли в плавилку. Уменьшилась загазованность.

Появились заводские магазины, где мы отоваривали свои карточки».

А.Г. Макаров: «На качестве опробования сырья, пром-продуктов и отходов сказывался недостаток дробильного, измельчительного и просеивающего оборудования. Все работы — вручную. Инструменты — сито, лопата и шуп. Это был тяжелый физический труд при значительной запыленности и загазованности помещений».

Из-за острого дефицита производственных мощностей по обогащению В.Б. Шевченко взял на себя ответственность за смелое решение временно не утилизировать медь и никель, сливая сульфатные медно-никелевые растворы в находящийся поблизости котлован. Зачем? Чтобы на освободившихся площадях цеха никелевых солей первично обогащать бедные шламы по достаточно простой технологии, которую предложили заводские исследователи.

Да, сбросовые растворы безвозвратно уносили металлы-спутники (притом в немалых количествах), но появилась возможность значительно, в несколько раз, увеличить мощности головного передела и не допустить срыва плана по выпуску платины.

Полученную передышку заводчане использовали для запуска и освоения временного цеха для «добычи» тех самых «спутников», которые исчезали не только со сбросовыми растворами, но и, в лучшем случае, распылялись по многочисленным промпродуктам, сопутствующим аффинажу платины и палладия.

Заводские исследователи нашли такой способ обогащения, в частности, нерастворимых остатков шламов, благодаря которому удалось повысить концентрацию в них родия и иридия до значений, позволяющих извлекать и аффинировать их. Разработанная технология обеспечила накопление концентрата (10 и более про-

центов родия и иридия), ставшего, прежде всего, сырьем для получения родия (производство организовано в мае 1944 года).

Даже этот, не вполне совершенный процесс дал неплохие результаты, и появилась долгожданная стартовая площадка для дальнейших и более эффективных поисков.

* * *

Став начальником завода, Шевченко непосредственно на себе ощутил психологическое «давление» производственной коллизии, о которой знал, еще работая в Норильске: надо было уладить конфликтные отношения с Норильским комбинатом, вызванные сложностями отбора достоверных проб от поступающего шлама — чтобы определить количество содержащихся в нем драгметаллов.

Споры приобретали весьма «жаркий» характер, нередко шли на повышенных тонах. Сошлись на том, что надо привлечь авторитетных ученых. Их выводы и положили конец затянувшейся дискуссии.

Но основной задачей оставался пуск проектного цеха аффинажа в Главном корпусе. За очень короткий срок В.Б. удалось добиться кардинального изменения хода строительства, и 1 января 1945 года цех был принят в эксплуатацию. (Напомним, что при заводе «под Шевченко» был исправительно-трудовой лагерь, в котором к началу 1945-го находилось около тысячи человек. Но еще двумя годами раньше численность превышала названную почти вдвое). С пуском аффинажного цеха завершилось создание на заводе постоянных производственных мощностей по всему комплексу технологических операций, необходимых для стабильного промышленного производства платины и МПГ (металлов платиновой группы) из норильских шламов.

В 1944-м заводчане вдвое, по сравнению с 1943 годом, подняли среднее содержание платиновых металлов в шламах; с 1 июля 1944 года на заводе изменен порядок учета металлов, поступающих в шламах; составлен первый, пусть и далекий от совершенства, баланс драгметаллов по всей технологической цепочке...

Отметим также, что построено здание будущего ремонтно-механического цеха, введен цех газоводоочистки. Правда, название этого цеха лишь отчасти соответствовало реальным процессам (водоочистка сводилась к извлечению драгметаллов из вод от промывки электрофильтров и бытовых стоков, а улавливание газообразных вредных веществ и очистка промстоков не предусматривались проектом), его правильнее называть цехом пылеулавлива-

ния. Но оборудование действовало эффективно: в выбросах содержание пыли — в 20-30 раз меньше фонового содержания в атмосфере промплощадки. Иными словами, по этому показателю защита природной среды была обеспечена вполне.

Действовал небольшой, но хорошо оборудованный лечебно-оздоровительный комплекс: санчасть со стационаром на 50 мест, поликлиникой и даже небольшим роддомом, а также ночной профилакторий (отдых и усиленное питание), открытый в корпусе заводоуправления. Продолжалось строительство капитального жилья для заводчан, практически одновременно — озеленение и благоустройство территории. Открыта пекарня... Как не процитировать из воспоминаний А.П. Пашковой: «...доверительное, дружеское и заботливое отношение руководителей завода к его работникам..., по-моему, характерная черта, стиль нашего предприятия во все годы». Значит, это стиль и В.Б. Шевченко.

...12 января 1945 года он подписал приказ, согласно которому следовало форсировать подготовку документации для утверждения в Наркомате технорабочего проекта завода. В.Б. поручил эту работу комиссии, куда вошел и главный инженер Ю.Н. Голованов. Скорее всего, Шевченко знал: Юрий Николаевич будет его преемником и выполнять задуманное придется ему... (Впоследствии Ю.Н. Голованов станет руководителем на заводе № 12 в г. Электростали).

Судя по документам НКВД, Шевченко освобожден от должности начальника Красноярского завода 14 апреля 1945-го. Одиннадцать «красноярских» месяцев... Вроде немного, но, с другой стороны, какой создан мощный производственный задел.

Однако бывает же: фотография В.Б., правда, не лучшего качества, которую я прислал относительно недавно заведующей архивом КЗЦМ Л.П. Бомбаковой, стала неожиданностью. До того рамка, условно говоря, где предполагался портрет Шевченко-директора... пустовала. И как выглядел В.Б., никто не знал. Это досадное недоразумение обнаружилось и читателями специального выпуска журнала «Цветные металлы», посвященного 60-летию «Красцветмета». А ведь найти фотографию большого труда не составляло — и в Норильске, и в знаменитой «девятке», на «открытие» которой Шевченко отбыл, сдав дела в Красноярске.

Вот ведь какие шутки у исторической памяти...

Заводские будни

Екатерина Прокопович. *И ни слова о том инциденте...*

В 1944 году директором стал Шевченко. Высокий, молодой, красивый, носил военную форму.

Кроме завода, он обратил особое внимание на подсобное хозяйство, которое находилось недалеко от железнодорожной станции Сорокино. Организовали 3 бригады, две бригады девчат и бригаду из охранников. Оборудовали прямо в поле стан, поставили солдатские палатки, оборудовали кухню, устроили длинные досчатые столы (каждый стол человек на 30-40). <...>

Нас привезли на машинах, сказали на неделю. Взяли мы с собой одну смену белья, а у некоторых и этого не было, а только то, что на себе; у кого-то имелось одеяло, у кого — фуфайка — вот и все.

Вот прошла неделя, вторая, месяц — нас оттуда не увозят.

Поля были сильно заросшие травой. Чтобы все прополоть и месяца не хватит.

На втором месяце нашего пребывания приехал Шевченко. Подошел к нашей бригаде, а нас было около 40 человек, и первое, что он сказал: «Девочки, плохо пропалываете.»

А где же было хорошо прополоть за один раз, если растения поднялись на 6-10 см, а трава — до метра высотой. Спрашиваем: «Когда же нас отсюда отпустят?», а он отвечает: «Пока все не прополете, никто отсюда не уедет, вот так», — и повернулся уходить в сопровождении агронома, полевода и парторга подсобного хозяйства. Тут кто-то из девчат свистнул. Стали выкрикивать что наболело: вместо недели живем здесь второй месяц, ни разу не были в бане; спим на голой соломе; кормят прошлогодней картошкой, из которой пюре серого цвета, а за нее вырезают талоны на крупу из продуктовых карточек — и многое другое прокричали, закрывшись накомарниками, вслед уходившему начальнику завода.

Он приостановился, но не повернулся к нам, а пошел медленно, словно ноги ему не подчинялись.

Когда мы остались одни, нас взял страх. Что мы наделали? Нам же запросто могут приписать 58 статью, была война, а мы? Ну, что сделано, то сделано. Договорились не выдавать, кто начал первый, и пошли на обед.

Пришли после всех. О боже! Мы не узнали наш стан. Столы вымыты, выскоблены добела, скамейки тоже вымыты. Поварихи в белых платочках, белых фартуках. На умывальниках лежат ку-

сочки мыла, висят белые полотенца, стоит приготовленная мазь (деготь со сливками) для отпугивания мошкеры, а запах из кухни божественный — это был гуляш из свежей свинины с фасолью, подавали на тарелочках и горячее. На раздаче чисто, поварахи приветливые. Поставлен щит, и на нем большое объявление, что вечером общее собрание.

Мы вовсе приуныли, видно, что «разгон» был здесь страшный, так как всего за 3 часа после нашей встречи с директором произошел такой «переворот». Пообедали мы без радости, пошли в свою палатку, обсудили положение и решили на собрание не ходить. Струсили. После ужина спрятались в кустах. Наша палатка стояла у самого леса.

Собрание не состоялось. На второй день принесли нам в палатку несколько шерстяных одеял, настоящих, довоенных. Собрали нашу обувь в ремонт, а после обеда истопили нам баню на центральной усадьбе, выдали по кусочку мыла, выдали майки и трусики новые, а наше белье взяли в стирку и прожарку. Стали лучше кормить. За картошку не стали брать ни карточек, ни денег, а мы все ждем наказания.

Через неделю нас увезли в город.

Осенью на уборку урожая нас снова собрали, мою бригаду полностью по списку. Выдали нам фуфайки б/у, ботинки на толстой подошве, пусть они 44-45-го размера, но в них было тепло и сухо. Уже начались дожди, стало холодно. В палатках поставили печки-буржуйки, привозили дрова, и к нашему приходу с поля в палатках было тепло. А главное — вместе с нами отправили и Гришу Карапетяна с баяном. Вечером после ужина — костер, баян, песни, а с сибирскими девушками в песнях не поспоришь, да и работали на совесть. <...>

В моей бригаде были девушки, в основном деревенские, приехавшие по комсомольским путевкам, они — за словом в карман не полезут, и в песнях не уступят, и в работе за ними не угнаться.

На все это на заводе обратили внимание. Прекратили уравниловку в работе. Поощрение было своеобразное: за выполнение нормы на 110 % выдавалось 0,5 л молока без денег, а за 125 % — еще и пирожок с картошкой...

Урожай убрали весь, ничего не оставили под снег.

Когда приехали на завод, нас начальник завода отблагодарил, сделал нам хорошие подарки (отрезы, фуфайки, ботинки, валенки и др.), организовал для нас хороший вечер в заводской столовой, и взяли с нас только талоны на хлеб. Было хорошее угощение, да-

же с шампанским. Начальник лично благодарил нас за наш труд — и ни слова не было сказано о том инциденте, после которого мы ждали самого худшего. Как будто ничего и не было.

Тамара Казьмина. *Но он не обиделся...*

В августе 1943 года, после окончания Степняковского горно-металлургического техникума (это Северо-Казахстанская область бывшей Казахской ССР), нашу группу приказом направили в Красноярск, на аффинажный завод НКВД. Как металлурги тяжелых цветных металлов (это — по диплому) мы не вполне соответствовали профилю предприятия и сначала прослушали краткий курс аффинажа платиновых металлов, который прочел Орест Евгеньевич Звянгинцев. Было мне 20 лет, а должность — начальник смены.

У нас аффинерами работали молодые девчонки по мобилизации на трудовой фронт. Кое-кто из них не выдерживал ночных смен — хотели спать, прятались, чтобы вздремнуть, плакали... Я их жалела, иногда кого-нибудь подменяла. И, наконец, решила попросить Виктора Борисовича (он часто посещал ночные смены) одну из девушек перевести туда, где работают только днем: ну, не может она, мучается... И он вошел в положение, можно сказать пожалел ее — устроил в другое подразделение.

...Или спросит: «Ну, молочко приносили вам?» Если нет, сразу же звонит диспетчеру, чтобы разбудил дежурного и немедленно доставил молоко в цех. Случалось, ему отвечали, что молока нет. Тогда Виктор Борисович требовал какую-нибудь замену, и нам приносили хлеб, масло, большой чайник с чаем.

...Однажды во время обхода увидел, как я и мой высокий напарник управляемся с тяжелой ретортой (в них плавил свинец, потом выливали его в бак с проточной водой, чтобы получить гранулы): он — орудует ухватом, а мне приходится, помогая ему, подпирать аппарат снизу. Мы не заметили, как подошел Виктор Борисович. Я только почувствовала как стало легче. Смотрю — директор: «Тяжело, доченька?...» А я еще и наставляю его: «Вы струю даете сильную. Получатся не гранулы, а сосульки...» Но он не обиделся — лишь добродушно заметил: «Ишь ты, какой мастер...»

В Красноярске Виктор Борисович запомнился мне русским богатырем — в дохе (оленья шуба), унтах и пыжиковой шапке...

Владимир Шевченко. *Когда у отца выдавались часы отдыха...*

В Красноярске отец, как всегда, много работал, и с семьей проводил немного времени. Мне запомнилось, конечно, посеще-

ние с отцом известного заповедника «Столбы». Это необычайное место, там можно увидеть нагромождение гранитных скал в виде столбов причудливой формы, из-за чего заповедник и носит свое название. Отдельные скалы имеют тоже свои названия «Дед», «Баба», «Перья» и т. д.

Удавалось иногда с отцом бывать на охоте. Однажды я наблюдал такую картину: тетерева, клевавшие на грунтовой дороге камешки, совершенно не боялись автомашины и подпускали нас совсем близко. Поэтому при желании можно было отстреливать их, опустив переднее стекло в машине. А если тетерева сидели на нижних ветках деревьев, то можно было из мелкокалиберной винтовки стрелять по ним. Сидящие же на верхних ветках птицы даже не реагировали на выстрел.

Конечно, это не та охота, но без хорошей добычи не останешься.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ. АТОМНЫЙ ПРОЕКТ

Особо важное задание

«Сэр!

Некоторые недавние работы Ферми и Сциларда, прочитанные мною в рукописи, заставляют меня ожидать, что уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый и важный источник энергии. Некоторые аспекты возникшей ситуации, по-видимому, требуют бдительности и, при необходимости, быстрых действий со стороны правительства. Я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующие факты и рекомендации.

В течение последних четырех месяцев благодаря работам Жолио во Франции, а также Ферми и Сциларда в Америке стало реальным получение ядерных реакций при больших количествах урана, вследствие чего можно освободить значительную энергию и получить большие количества радиоактивных элементов. Можно считать почти достоверным, что это будет достигнуто в ближайшем будущем. В свою очередь это может способствовать созданию бомб, возможно, исключительно мощных бомб нового типа...»

Это — выдержка из письма А.Эйнштейна Президенту США Ф.Д. Рузвельту, написанного за шесть лет (для точности не хватает четырех дней) до ядерного удара по Хиросиме и чуть более чем за десять лет, но тоже в августе, до взрыва советской атомной бомбы под Семипалатинском...

СССР стал не первым в гонке, где призом маячило атомное оружие. Когда разразилась Вторая мировая война, политическое руководство страны было озабочено иными проблемами, а после того, как началась Великая Отечественная, все, что не было непосредственно связано с обороной страны, ее выживанием, на ка-

кое-то время потеряло интерес, оставаясь главным образом предметом внутреннего изучения в недрах НКВД.

Однако уже осенью 1942 года, несмотря на тяжелейшую военную ситуацию, заместитель председателя Государственного Комитета Обороны В.М. Молотов направил (27 сентября) И.В. Сталину записку о проектах распоряжений по возобновлению работ в области использования атомной энергии. Один из них касался проблемы расщепления ядра урана (Академия наук должна была к 1 апреля 1943 года представить в ГКО доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива), а второй — решение сырьевой проблемы (добыча урана).

Незамедлительно, 28 сентября, последовало распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану», где даны первоочередные поручения АН СССР, АН УССР, ряду союзных наркоматов и другим госструктурам, связанные с созданием урановой бомбы или уранового топлива. А два месяца спустя, 27 ноября 1942 года, вышло постановление ГКО № 2542сс «О добыче урана». Так под гром контрнаступления под Сталинградом началась, тихо и внешне незаметно, заочная американо-германо-советская схватка за обладание сверхоружием.

Теперь секретнейшая тема на контроле ГКО, Совнаркома. Наркомат государственного контроля, секретариат СНК СССР информируют В.М. Молотова о ходе выполнения принятых директив; утверждаются дополнительные меры, способствующие развертыванию работ по урану; анализируются новые разведданные, создается знаменитая Лаборатория № 2 во главе с И.В. Курчатовым. К исследованию подключены лучшие научные силы, нарастают темпы поиска урановых руд, создается научно-техническая база для производства металлического урана...

19 мая 1944-го куратор атомного проекта со стороны СНК СССР М.Г. Первухин информирует И.В. Сталина о состоянии «проблемы урана» (приложена докладная записка И.В. Курчатова). Позднее, уже осенью, 29 сентября, И.В. Курчатов, обращаясь к Л.П. Берия, характеризует это состояние как неудовлетворительное...

И вот на исходе года, 8 декабря, появляется документ — постановление ГКО № 7102 сс/ов «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд», который представляет собой очередной крупный шаг в деле реализации атомного проекта СССР. Отметим в этой директиве то, что имеет прямое отношение к судьбе В.Б. Шевченко. Среди поручений НКВД,

связанных с выполнением важнейшей государственной задачи — всемерным развитием добычи урановых руд и производства урана, — разработка технологии наиболее рациональной переработки урановых руд, получения чистых солей урана и получения из них металлического урана. Предусмотрена организация в системе Наркомвнудел научно-исследовательского института по урану, присвоив ему наименование «Институт специальных металлов НКВД» (Инспекмет НКВД) — для изучения сырьевых ресурсов урана, разработки методов добычи и переработки урановых руд, аффинажа солей урана и металлургии урана.

Впоследствии Совет Министров СССР постановлением № 1290-528сс от 21 июня 1946 года уточнил задачи НИИ-9, так позднее именовался Инспекмет, в области проектирования объектов и предприятий Первого главного управления при СМ СССР: институту поручены «комплексные изыскания и проектирование... в части горной, обогатительной и химико-металлургической».

На предварительную проработку вопросов по организации Инспекмета Авраамиию Павловичу Завенягину (от НКВД) и Петру Фадеевичу Ломако (от НКЦМ) Государственный Комитет Оборон отвел 15 дней. Что касается материальной базы, то предстояло согласовать перечень передаваемых институту от НКЦМ лабораторий, номенклатуру лабораторного оборудования, опытных установок и материалов, списки конкретных специалистов, которые должны были войти в штаты специнститута.

ГКО разрешил НКВД СССР разместить Инспекмет НКВД (предполагался и завод по выпуску урановых соединений металлического урана) на территории и в помещениях, ранее принадлежавших Всесоюзному институту экспериментальной медицины. Когда стало ясно, что в отведенных границах смогут разместиться только лаборатории НИИ-9, опытное производство вынесли на завод № 12 в г. Электросталь.

Поскольку Инспекмет вошел в состав созданного этим же Постановлением Управления по урану — Спецметуправления НКВД СССР, он мог рассчитывать на долю в той помощи, которую ГКО планировал оказать Спецметуправлению силами Наркомвнешторга, НКПС, Промбанка, Госплана, прежде всего в части оборудования, материалов, кадров.

ГКО разрешил НКВД СССР установить руководящим работникам Инспекмета персональные оклады, повышенную оплату суточных при командировках.

Учитывая значимость работ, порученных Инспектмету, ГКО сразу же ввел для его сотрудников особые нормы питания: вторые горячие блюда и 200г хлеба без вырезки талонов из карточек — рабочим и служащим, горячие обеды из трех блюд и 200г хлеба по специальным обеденным карточкам — руководящим и инженерно-техническим работникам; литерное питание «А», «Б» и сухие пайки — по особому списку. А кроме того — усиленное питание детям (предположительно, руководящих и инженерно-технических работников), промтовары без карточек (ежеквартально, на определенную сумму) отдельным категориям персонала.

Основным «донором» Инспектмета в части передачи оборудования и кадров должен был стать Гиредмет (Государственный НИИ редких металлов НКЦМ СССР), который располагал несколькими профильными лабораториями и опытным цехом.

В проекте от ноября 1944 года создание Инспектмета обосновывалось тем, что Гиредмет «из-за неудовлетворительного состояния помещений, недостатка оборудования, аппаратуры и кадров не обеспечивает проведения в надлежащих темпах НИР в области изучения сырьевых ресурсов, усовершенствования добычи и переработки урановых руд и получения металлического урана...»

Тогда же указывались источники комплектования Инспектмета: «использовать для организации института <...> лаборатории, установки и специалистов НКЦМ (институтов Гиредмет, Механобр) и Комитета по делам геологии...» (имелся в виду Всесоюзный институт минерального сырья).

Кстати сказать, окажи такую помощь Гиредмету, там справились бы с проблемой выпуска урана. Об этом, собственно говоря, и писали 23 ноября 1944 года начальник ГУ промышленности новых редких металлов НКЦМ А.В. Крылов, главный инженер Главредмета И.С. Степанов, директор Гиредмета А.П. Зефирин и его заместитель по научной части Н.П. Сажин в ГКО В.М. Молотову и А.И. Микояну. Мотивируя свою позицию, они утверждали: «Наркомвнудел не имеет опыта работы по урану и специалистов, знакомых с этими производствами, период передачи и ознакомления отнимет излишнее время. Для выполнения намеченных работ Наркомвнуделу так же, как и Наркомцветмету, требуются дополнительные материально-технические средства». В связи с чем излагалась просьба «учесть эти обстоятельства и

поручить проведение этой работы коллективу работников цветной металлургии, который освоил не менее сложную первую часть работы по организации уранового производства».

Однако у В.А. Махнева, зам. наркома боеприпасов и зам. члена ГКО Н.А. Вознесенского, а также заместителей Наркома ВД В.В. Чернышева, А.П. Завенягина было иное мнение. В Записке члену ГКО Л.П. Берия к проекту постановления о добыче урановых руд (25 ноября 1944 года) они, во-первых, констатировали: «...металлический уран тех кондиций, которые необходимы для опытов, еще не вырабатывался и не разработана технология получения такого урана», «до сих пор работы по урану Наркомцветметом не развивались и на них затрачивались ничтожные силы и средства», из чего, во-вторых, делали вывод: если так пойдет и дальше, «опытные работы по применению урана [придется затянуть] еще на 7–10 лет».

Словом, в возможности НКВД верили больше, чем в НКЦМ. В том убеждал «опыт» решения крупнейших народно-хозяйственных задач 30-х годов. Именно в этом главная причина намеченных изменений.

Не исключено, что ускорил решение вопроса о создании нового института сам (!) Гиредмет. Как пишет в своих воспоминаниях З.В. Ершова, ученый и специалист по урановой тематике (получила первые образцы металлического урана), она обратилась «к руководству проблемы с докладной запиской о создании нового института, подчиненного решению глобальной задачи, а также широкого круга научных и инженерных проблем». «Я, — продолжает Ершова, — как начальник лаборатории, взяла на себя ответственность [за постановку] такого вопроса. Руководство очень быстро прореагировало на это предложение, было принято соответствующее решение и поручено проектной организации НКЦМ срочно приступить к проектированию такого института по техническому заданию, составленному З.В. Ершовой и В.Д. Никольским, и при их участии срочно выполнить проект...» (В других источниках упоминается и Н.С. Повицкий. Вероятно, он подключился, когда это задание уточнялось, корректировалось).

То есть новый институт сначала предполагалось создать в системе НКЦМ. Однако инициатива З.В. Ершовой оказа-

лась хорошей поддержкой конкуренту — НКВД, намерившемуся вообще прибрать к рукам урановую проблему. Обидно для Гиредмета, но, может быть, полезно делу.

Попутно возникает вопрос: к А.П. Завенягину ли обратилась З.В. Ершова с упомянутой докладной запиской? что значит к «руководству проблемы»? Вообще говоря, могла. В различных источниках ситуация изложена именно так, правда, иногда Авраамий Павлович Завенягин фигурирует уже как член Спецкомитета (явная натяжка: Спецкомитет образован 20 августа 1945 года). З.В. Ершова хорошо знала Завенягина до создания Инспецмета — он был в курсе работ Гиредмета по урану и в конце декабря 1944-го организовал с ее участием показ первого уранового слитка в Совнарком.

Но все-таки: написала, минуя институтское начальство и самого наркома? Конечно, Зинаида Васильевна, женщина независимая в суждениях, решительная, могла пренебречь руководством Гиредмета и НКЦМ. Не исключено, сам А.П. попросил ее дать свои соображения. В любом случае — поступок по тем временам смелый: грозил автору неприятностями от собственного начальства, наркома «цветников» П.Ф. Ломако (не скроешь ведь!) еще до того, как последует реакция из НКВД.

Теперь надо было решить вопрос о том, кто возглавит Инспецмет. Известно, что в ноябре 1944-го, еще до принятия постановления № 7102, предлагалось утвердить директором Государственного научно-исследовательского института № 105 НКВД СССР — так в проекте документа именуется будущий новый «урановый» центр — профессора, инженера-технолога Н.П.Сажина, заместителя директора Гиредмета по научной части. Но ведь следовало какое-то время до передачи Инспецмету лабораторий, установок и специалистов продолжать научно-исследовательские и опытные работы по урану, да и требовалось сохранить общее научное руководство Гиредметом. И нарком П.Ф. Ломако, скорее всего, возражал... В общем, кандидатура Сажина на тот момент отпала.

Тогда кто?

Просматривали, конечно, и кадры НКВД. При этом А.П. Завенягин, практически занимавшийся созданием Инспецмета, искал того, кому мог бы доверять безраздельно. Вероятнее всего,

он-то и назвал фамилию В.Б. Шевченко. Взвесив, разумеется, многое.

Во-первых, предстояло начинать с нуля. Решать быстро, напористо, прежде всего вопросы административного, хозяйственного, кадрового порядка, создать для профильных специалистов такие условия работы, при которых можно было рассчитывать на успешное выполнение важнейшего государственного заказа. И по своему опыту Шевченко, как считал А.П. Завенягин, подходил вполне.

Но для окончательного решения этого было мало. Требовался руководитель, имевший хорошую инженерную подготовку в области, хотя бы отчасти близкой тематике рождающегося института, а таковой и являлась цветная, более «тонкая» металлургия вообще и ее «аффинажная» ветвь в частности. А Виктор Борисович — специалист в этой области.

Кроме того, было бы желательно, чтобы кандидат ориентировался в научных «лабиринтах». Шевченко подходил и по этому критерию: в 1940-м он был, пусть недолго, заместителем по научной части директора Гинцветмета, а в Норильске и на Красноярском 169-м заводе ему подчинялись крупные научно-исследовательские службы.

Во-вторых. Кандидат должен был ориентироваться в вопросах геологии, горно-промышленного, проектного дела, обогащения... И тут «за» Шевченко говорил весь его предшествующий опыт. Тем более норильский, для Завенягина — эталонный, лучший с точки зрения выращивания кадров.

Анализируя варианты, Завенягин брал в расчет «обучаемость» кандидата, его способность схватывать проблему, что называется, налету. Надеялся, не разочарует и как подвижник науки, подлинный новатор.

Не исключено А.П. что-то просто импонировало в этом немногословном, волевом, сдержанном, возможно, несколько замкнутом человеке.

Наконец, он — «свой», знающий систему Наркомата.

Наверное, и он, и другие, кто делал выбор в пользу Шевченко, видели его достоинства, а в недостатках придиричivé инстанции не усматривали существенного препятствия делу.

Короче, лучшего кандидата у НКВД не нашлось. И 30 января 1945 года В.Б. Шевченко, если руководствоваться приказом по Управлению НКВД, вступил в должность директора.

Архивные справки из Федерального агентства РФ по атомной энергии свидетельствуют: вплоть до 14 апреля 1945 года Шевченко — начальник завода № 169 (аффинажного) в Красноярске; имеется и дополнение к личному учетно-кадровому листку, из которого следует, что В.Б. вступил в должность директора Инспекмета в марте 1945-го (судя по материалам, опубликованным к 50-летию ВНИИНМ, назначение состоялось 22 числа).

Расхождение дат вызвано, скорее всего, несогласованностью действий кадровых служб, а также неучтенным сроком передачи дел на Красноярском заводе.

Уже 6 января 1945 года НКВД издал приказ № 007 «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд», где заместителю наркома А.П. Завенягину поручено, в частности, «совместно с Наркомцветметом СССР представить к 30 декабря 1944 года (видимо, работа началась раньше и срок оговорен заблаговременно. — *Сост.*) предложения по организации Инспекмета и завода № 5 НКВД СССР, перечень передаваемых лабораторий, лабораторного и заводского оборудования, опытных установок и материалов, список передаваемых специалистов и предложения о сроках передачи».

Главпромстрой НКВД (А.Н. Комаровский) получил задание выполнить все строительные и монтажные работы по Инспекмету и заводу № 5, а позднее, 22 марта, этому ведомству установили (приказ «О строительстве Инспекмета НКВД и завода № 5») сроки ввода объектов: института — к 1 ноября, завода — не позднее 1 декабря 1945 года.

Тут бы, засучив рукава... Однако обстоятельства сложились иначе.

Поскольку, в частности, Инспекмет остро нуждался в лабораторном оборудовании, измерительных приборах, а отечественные заводы соответствующую номенклатуру не изготавливали и не было возможности заказать ее за границей (это породило бы догадки, нежелательные предположения!), Л.П. Берия 24 марта 1945 года поручил председателю Комитета при СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, Г.М. Маленкову направить в Германию как помощников уполномоченных Особого комитета группу физиков и инженеров: в немецкой Силезии, Бранденбургской и Поме-

ранской провинциях (землях. — *Сост.*) и в Восточной Пруссии имелись научно-исследовательские и учебные заведения, обладающие хорошо оборудованными лабораториями — физическими, химическими и горного дела. Предстояло учесть и организовать отбор всего необходимого.

Но сначала маршрут заграничного «турне» пролегал по Австрии: 1 апреля Шевченко (а также, по некоторым источникам, представитель Лаборатории № 2 физик И.Н. Головин) выехали туда, чтобы выяснить пригодность оборудования и реактивов, оставшихся в научных центрах. Командировка длилась месяц и, поскольку советские войска овладели Веной 13 апреля, удалось «навестить» Институт радия.

Затем, с 7 мая по 4 июня В.Б. Шевченко в группе других специалистов побывал в Германии (имеется приказ НКВД № 00539сс от 16 мая 1945 года, согласно которому и во исполнение постановления ГКО № 8568сс от 15 мая 1945 года Л.П. Берия поручил А.П. Завенягину, Л.Б. Сафразьяну, тоже замнаркома внутренних дел, и начальнику Лаборатории № 2 АН СССР И.В. Курчатову командировать в Берлин для непосредственного руководства работами по демонтажу оборудования группу руководящих работников, среди которых и директор Инспекмета НКВД В.Б. Шевченко).

В результате этой и других поездок для работы в СССР была приглашена большая группа немецких ученых и специалистов. В частности, они работали в НИИ-9 и на заводе № 12 (г. Электросталь) в конце 40-х и начале 50-х годов.

Пока В.Б. Шевченко осматривал «достопримечательности», в Москве готовилась почва для их применения. 15 мая 1945 года ГКО, рассмотрев вопрос «Об увеличении производственных мощностей предприятий 9-го Управления НКВД СССР», утвердил объемы капиталовложений по НИИ-9 и заводу № 5. НКВД должен был «построить в Москве... завод № 5 с цехом рафинировки привозных концентратов мощностью 100 тонн урана в год (речь шла о создании технологической цепочки переработки руд урана до получения чистых урановых солей, а затем — металлического урана, с вводом в действие первой очереди завода мощностью 50 тонн урана в год во II квартале 1946 г. — *Сост.*); <...> закончить до 1 января 1946 г. в г. Москве строительство и оборудование помещений НИИ-9 НКВД СССР». Наркомцветмету поручалось «выполнить силами Гипроредмета и Гиредмета работы по проек-

тированию завода № 5 и НИИ-9... к 15 июля 1945 г. и рафинировочного цеха завода № 5 к 1 октября 1945 г.» И еще: все рабочие, служащие, инженерно-технические и научные работники НИИ-9 были освобождены от мобилизации в Красную Армию...

Вернувшись из Германии, Шевченко вплотную занялся институтскими делами.

К тому времени ведомство А.Н. Комаровского уже осваивало территорию будущего института, появились бараки для заключенных, воинская часть, охранная зона. В июне 1945 года начальник отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР Н.И. Шитиков получил приказ выделить в распоряжение Спецстроя НКВД (Главное управление лагерей промышленного строительства — Главпромстрой) для строительства НИИ-9 и завода № 5 1500 человек спецконтингента.

Словом, зона, порядки внутри которой В.Б. Шевченко были хорошо известны. Хотя сам он непосредственно за ход строительства не отвечал, но, конечно, по старой привычке не мог не изучить графики, регулярно бывал на оперативках, что-то подсказывал, требовал, ускорял...

К ноябрю корпус «Б» НИИ-9 был построен почти полностью, а корпус «А» представлял собой лишь «коробку» — стены, перекрытия, крыша... Постепенно институт стал «обрастать»: первыми появились небольшой склад с подъездными железнодорожными путями (А.А. Вашман: «Они оказались весьма кстати, т.к. позволяли подавать вагоны, набитые трофейным оборудованием, научными приборами <...> непосредственно к складским помещениям, откуда все это на себе тащили в лаборатории первые, а впоследствии кадровые сотрудники НИИ-9»), гараж, скромные мастерские, котельная... Но еще не было цеха опытных установок, ряда вспомогательных объектов. Не было и асфальтированных дорог — ни к институту, ни на территории. Сотрудников от Покровского-Стрешнева возила «Коломбина» — грузовик с крытым верхом и скамейками.

Шевченко распорядился отдать иногородним семейным, а также принятым после демобилизации из армии первые два этажа корпуса «Б» (практически половину здания), поскольку все равно оборудования пока нет, штаты специалистов еще не укомплектованы. Удобств, по сути, никаких, но поселившиеся были рады хоть какому-то жилью. Здесь и магазин, и сапожная мастерская...

Дирекция — в одноэтажном здании (финский домик, И.Е. Нахутин называл его «избой»), тут же парикмахерская на одно посадочное место.

Второй одноэтажный финский домик — столовая... В 1947-м столовую перевели в подвал корпуса «А». «...По бедности, — вспоминает А.А. Вашман, — сначала использовали три подвальных комнаты в одном из корпусов. <...> В самой маленькой обедали руководящие лица из числа научного и административного контингента, а также немецкие специалисты. Обслуживали их две официантки в белоснежных передниках и накрахмаленных кофосниках. Во второй комнате — рядовые научные сотрудники и инженеры, пищу которым подавали тоже две официантки. В третьей, самой большой по размеру комнате за общим длинным столом сидели лаборанты, препараторы и рабочие мастерских». Кормили по талонам, как свидетельствуют ветераны, вкусно и обильно.

Эти подвальные помещения явно не годились для столовой приличного института. Но просторную, современную столовую сотрудники получили только в 50-х годах, когда на территории НИИ-9 построили новое трехэтажное здание. Там же актовый зал, несколько кабинетов врачей собственной поликлиники.

Шевченко беседовал практически с каждым оформлявшимся сотрудником: ему важно не ошибиться в способности будущего коллектива решать сложные задачи, тем более что некоторые из них были *terra incognita* или за семью печатями.

Однако профильных, опытных специалистов присылали еще мало, они работали в иных наркоматах или в структурах АН СССР, и «выцарапать» их оттуда было не просто, даже ссылаясь на правительственные директивы. Уже хотя бы потому, что у каждого научного, производственного коллектива — плановая тема, задание. Не бросишь же на полдороге... В Постановлении ГКО № 7102, например, есть четкое указание Наркомцветмету: выполнять научно-исследовательские и опытные работы по урану вплоть до передачи задействованных там лабораторий, установок и специалистов. А на это требовалось время.

И все-таки, оценив сделанное, ЦК ВКП(б) счел возможным утвердить В.Б. Шевченко в должности. Наверняка, свою роль сыграло представление Первого Главного управления при СМ СССР (подготовлено, вероятно, заместителем начальника ПГУ А.П. Завенягиным, куратором НИИ-9 и ранее, пока институт на-

ходился в системе 9-го управления НКВД, и теперь, когда это управление осенью 1945 года стало «собственностью» ПГУ)...

К началу 1946 года зачислили всего 60 человек; сотрудники занимались в основном разборкой химикатов и реактивов, приборов и оборудования, поступивших из Германии.

Наконец (февраль 1946-го) корпус «Б» стал пригоден для начала работ по прямому профилю института, и руководство НИИ-9 приступило к формированию первых научно-исследовательских лабораторий, проектно-конструкторского бюро, набору обслуживающего персонала установок...

* * *

В этот ответственный период, когда институт начал вплотную заниматься решением поставленных перед ним задач, В.Б. Шевченко избрал гибкую тактику работы с кадрами. Понимая, что ключевым, по крайней мере, на первых порах, является радиохимическое отделение, он берет на себя руководство им. Но делит, скажем так, власть с начальником радиохимической лаборатории З.В. Ершовой, перешедшей (в начале 1946 года) с группой сотрудников из Гиредмета. Ей же поручено исполнять обязанности заместителя директора по научной работе. Таким образом, высококачественное научное руководство получило надежную административно-хозяйственную поддержку.

А кому возглавить металлургическую лабораторию? Шевченко варьирует, пробуя на этой должности специалистов, работа которых может оказаться наиболее эффективной. По крайней мере, в течение конкретного временного этапа. О том, что принципиальных ошибок не допускалось, косвенно свидетельствует Ф.Г. Решетников, характеризуя, например, Г.Л. Зверева, пришедшего в НИИ-9 из твердосплавной промышленности: «После более близкого знакомства с Георгием Леонидовичем у нас сложилось мнение о нем как о весьма оригинальной и далеко не ординарной личности, с необычайно широким кругозором. Он значительно превосходил нас в знании металлургии, физхимии, неплохо владел двумя иностранными языками, много читал и обладал великолепной памятью. Уже значительно позже, когда мы сами «оперились», многие защитили кандидатские диссертации, а он уже давно не был начальником лаборатории, мы не раз обращались к нему за советом или за какой-либо справкой, особенно по научной литературе».

Научным консультантом лаборатории был приглашен известный ученый, глава отечественной школы физической химии «огневых» процессов цветной металлургии, заведующий кафедрой Московского института цветных металлов и золота профессор А.Н. Вольский. Вскоре он возглавил металлургическую лабораторию.

В 1946-м институт получил группу молодых специалистов — выпускников химического и физического факультетов МГУ. И принимается решение определить всех к З.В. Ершовой. Тем самым были созданы благоприятные условия для их быстрого творческого роста — ведь костяк лаборатории составляли такие профессионалы, как В.Д. Никольский, Н.С. Повицкий, К.Г. Швельблит.

Особым вниманием были окружены специалисты, демобилизованные из рядов Советской Армии. Им потребовалась серьезная переквалификация, и они смогли быстро адаптироваться, освоить новые методы исследований и активно включиться в работу.

Под общей опекой В.Б. Шевченко оказалась и молодежь (около 40 человек), прибывшая из Электростали. Это было еще мало «обстрелянное» пополнение с завода № 12, но какие-то первичные навыки у новичков были. Их предстояло развить, закрепить. И Шевченко, беседуя практически с каждым, выяснял где, у кого они смогли бы проявить себя наилучшим образом. Впоследствии большинство из них стали прекрасными лаборантами и помощниками научных сотрудников.

Если говорить о высшем научном «эшелоне» института, то для В.Б. как директора ситуация сложилась редкостная: в качестве сотрудников он получил ученых, которые своими исследованиями уже завоевали себе имя.

Радиохимик З.В. Ершова, «русская мадам Кюри» (так за глаза ее называли), деловой партнер директора Радиевого института АН СССР В.Г. Хлопина... Человек необыкновенно волевой, с явно выраженными качествами организатора. Пришел в институт академик А.А. Бочвар, которого сам И.В. Курчатов сагитировал возглавить в НИИ-9 новое направление в науке — металловедение ядерных материалов. «Под Бочвара», пришедшего сначала в качестве консультанта, вскоре был организован отдел, который имел непосредственной задачей создание материалов ядерного заряда. А какие силы пришли следом! — академик И.И. Черняев (правда, будучи директором Института общей и неорганической химии АН СССР, он стал в НИИ-9 совместителем), профессора

А.С. Займовский, Н.А. Изгарышев и др. Прибавьте сюда уже работавшего профессора А.Н. Вольского... Внутри института создавался, по сути, крупный научный центр, объединивший радиохимиков, металлургов и металловедов. А.А. Бочвар волей-неволей стал «вторым» директором, правда, без административно-хозяйственных функций, приданных Шевченко. Впрочем у А.А. были очень большие права и возможности, но он прибегал к ним только в крайнем случае.

Особо подчеркнем, что З.В. Ершова и А.А. Бочвар проявили завидную деликатность, никогда не подчеркивая своего особого положения. Что касается Зинаиды Васильевны, то именно она очень помогала В.Б. при организации института, и в первую очередь — радиохимического отделения.

Задачи высшей сложности

О темпе, который был взят уже на старте, свидетельствует, например, задание (начало 1946 года) по заводу № 12, где предполагался выпуск металлического урана. В.Б. Шевченко поручалось в трехмесячный срок проверить в лабораториях НИИ-9 все (!) технологические схемы завода.

В декабре 1945 года СНК СССР обязал Шевченко «приютить» под крышей НИИ-9 лабораторию № 4, возглавляемую проф. Ф.Ф. Ланге, по разработке процесса разделения изотопов, по получению урана методом циркуляционного центрифугирования и способов его контроля. Следовало организовать монтаж оборудования, выделить «чужакам» комнаты во временном жилом помещении...

Некоторые сложные задачи, что называется, как снег на голову. Хотя основным направлением института считалось сугубо технологическое, уже в 1946-м по поручению А.П. Завенягина пришлось срочно заняться созданием лаборатории ядерно-физического профиля (под руководством немецкого физика, профессора Роберта Доппеля). Вскоре выяснилось: надо разработать уникальную установку для снятия данных о кинетике взрыва атомного заряда, иначе невозможно уточнить его критическую массу. В связи с чем оперативно изыскать оборудование, наладить контакты с предприятиями-изготовителями, специализированными НИИ и

КБ. Требовались кадры — и сюда «бросили» молодых специалистов из институтов, а также выпускников среднетехнических учебных заведений на должности вспомогательного персонала.

Или проблема получения тяжелой воды (ТВ). Конструкция реактора с таким замедлителем быстрых нейтронов проще уран-графитового, и он работает при значительно меньшем количестве урана.

18 марта 1946 года СНК СССР принял постановление, в котором говорилось: обязать ПГУ при СНК СССР в декадный (!) срок закончить организацию при НИИ-9 «тяжеловодной» лаборатории, и к 15 мая обеспечить выполнение необходимых исследований по получению ТВ; обязать ПГУ и Наркомхимпром организовать при НИИ-9 Особое конструкторское бюро с привлечением инженеров Государственного научно-исследовательского и проектного института азотной промышленности (ГИАП); возложить на это ОКБ техническое проектирование установки по производству тяжелой воды. Все — безотлагательно. При том, что во главе лаборатории (научный руководитель проекта) — немецкий профессор Макс Фольмер, а в числе приглашенных сотрудников — доктор Виктор Байерль, физик доктор Густав Рихтер.

И опять в круге директорских забот — помещения, оборудование (включая заказы на его изготовление), жилье. Как вспоминает один из участников работ, главный технолог А.М. Розен, успеху дела «способствовал решительный характер В.Б. Шевченко»: он действовал незамедлительно, без проволочек.

Во второй половине августа 1947 года Л.П. Берия доложил И.В. Сталину, что НИИ-9 ПГУ при СМ СССР с участием немецких специалистов разработал новый способ производства тяжелой воды, а НТС ПГУ, рассмотрев полученные результаты исследований, признал целесообразным строительство промышленного агрегата (речь шла о сооружении установки № 476 на Норильском комбинате МВД СССР). А затем последовало решение СМ СССР от 21 августа 1947 г. «О строительстве установки № 476», согласно которому НИИ-9 стал соисполнителем проектной документации.

К слову, действующие лаборатории тоже не были обделены вниманием. В.Б. Шевченко всегда по-деловому реагировал на просьбы, касающиеся нового оборудования, материалов, реактивов, привлекал службы института, если требовалось решить какие-то специфические вопросы. К примеру, из кварца была изготовлена специальная микропосуда для работы с малыми объемами концентратов. Или: создается специальная лаборатория, со-

трудники которой смогли добиться большей прочности тиглей, увеличения их эксплуатационного ресурса и тем самым обеспечить безопасность исследователей, занятых получением металлического урана.

К середине 1946 года НИИ-9 представлял собой крупную научно-исследовательскую организацию, укомплектованную в основном квалифицированными специалистами: в его структуре 13 лабораторий, проектно-конструкторский отдел с Ленинградским филиалом, опытное производство, технические службы... Численность сотрудников – порядка 1200 человек. К лету 1947 года – уже около 1900 ИТР, рабочих, служащих, в том числе 430 в Проектно-конструкторском бюро (ПКБ), более 100 человек обслуживали установки (У-3, У-5).

С февраля 1946-го В.Б. Шевченко – заместитель председателя секции № 5 Инженерно-технического совета Спецкомитета при СМ СССР (правая рука А.П. Завенягина), а в ноябре 1947-го он утвержден членом Научно-технического совета Первого главного управления при СМ СССР.

7 сентября 1946 года СМ СССР разрешил ПГУ организовать в НИИ-9 Ученый совет, иметь аспирантуру и предоставил институту право присуждать ученую степень кандидата технических (химических) наук, а также право представлять к утверждению ученой степени доктора технических (химических) наук.

Хотя административно-хозяйственные заботы, организационные вопросы отнимали много времени, В.Б. Шевченко сразу же подключился к научным исследованиям, прежде всего тем, которые проводились в «головных» лабораториях институтской цепочки (№ 1 – геологическая, № 2 – обогатительная, № 3 – технологическая).

Шевченко часто встречался с их руководителями – Н.А. Федоровым, В.Г. Кноблоком, В.А. Малиновским, Ф.М. Лоскутовым, с ним согласовывали планы исследований, пункты командировок, маршруты экспедиций...

Важно подчеркнуть, что В.Б. много занимался сырьевой тематикой не только потому, что лучше ориентировался в ней, а также потому, что это была первичная задача института. Он понимал: одни административные нажимы не помогут, нужно личное участие в исследованиях, причем именно там, где прокладывают дорогу к получению урановых концентратов – без соответствующих рекомендаций не создать опытного оборудования первых цехов

завода № 12 и, следовательно, не подступиться к металлургии урана. Решить проблему концентратов — значит найти кратчайший путь к ответу на главный поставленный вопрос.

Оперативность и качество исследований были тем более важны, поскольку Совет Министров СССР своим постановлением № 1626-718сс от 27 июля 1946 года обязал Первое главное управление и НИИ-9 разработать технологию извлечения урана и сопутствующих полезных компонентов из имеющихся руд, провести полужаводские испытания, в том числе способов химической переработки урансодержащих сланцев на концентраты урана с попутным извлечением никеля, ванадия и молибдена, разработать методы экспресс-анализа указанных сланцев и продуктов их переработки.

В апреле 1946 года НИИ-9 была передана Установка № 3 на Московском заводе им. Войкова (это металлургическое предприятие относилось к Наркомцветмету), которая стала опытной базой для исследования процессов извлечения урана из сланцев по заранее разработанной программе. Проанализировав полученные данные, сотрудники лабораторий №№ 1, 2 и 3 выявили общие закономерности процесса применительно к рудам каустобиолитового класса (органические осадочные углеобразные породы). Но главная заслуга коллектива состояла в том, что методу, родившемуся под научным руководством Шевченко, можно было использовать для оценки качества любого урансодержащего сырья.

Успех технологов позволил руководителям атомного проекта (Отчет И.В. Курчатова, Б.Л. Ванникова и М.Г. Первухина на имя И.В. Сталина о состоянии работ по проблеме использования атомной энергии за 1945-1946 годы, 23 декабря 1946 г.) констатировать: в НИИ-9 разработана технология переработки руд на концентраты «для всех месторождений».

В дальнейшем «сырьевики» НИИ-9 занимались совершенствованием технологии получения концентратов урана из шлаков доменной плавки криворожских руд и джилских углей; обогащением и извлечением урана (в полужаводском масштабе) из различных руд Северного и Бутыгачагского месторождений (район деятельности Дальстроя МВД СССР); извлечением урана из природных вод; анализом рудных проб на содержание урана ряда месторождений Красноярского края и разработкой технологических схем обогащения этих руд; исследованием урановых руд, обнаруженных близ Пятигорска...

Кроме того, оказывалась практическая помощь действующему комбинату № 6 (таджикистанскому первенцу по добыче и переработке урановых руд), обогатителям нового комбината № 7, которому в 1946 году предстояло начать эксплуатацию прибалтийских урановых месторождений Эстонской ССР и Ленинградской области.

С получением качественных концентратов связаны также комплексные исследования по глубокой химической очистке урана от примесей на завершающей стадии переработки руд. Особенно от элементов, способных к активному поглощению нейтронов. Методы такой очистки (осадительные, многоступенчатые) были известны. Но они требовали большого расхода реагентов и длительных временных циклов.

В.Б. Шевченко привлек к научным поискам широкий круг специалистов, и вскоре был предложен новый, экономичный и высокоэффективный способ глубокой перечистки урансодержащих растворов, главным образом сульфатных, основанный на использовании повышенной сорбционной способности некоторых ионообменных смол.

Теоретические обобщения (осмыслен сорбционно-десорбционный процесс), практические рекомендации (разработан ряд эффективных органических сорбентов) позволили решить поставленную задачу, причем не только в отношении урана, но и других редких элементов. Появилось и соответствующее аппаратное оформление — крупногабаритные сорбционно-десорбционные установки, сорбционные пульсационные колонны, пачуки.

Было бы ошибкой представлять дело так, словно у исследователей все и всегда ладилось. Увы, просчеты случались. Один из них, к примеру, зафиксирован протокольно 25 августа 1950 года, когда Спецкомитет СМ СССР отметил, что НИИ-9, «который должен являться ведущей организацией по разработке технологии [извлечения урана из горючих] сланцев, вел эту работу неудовлетворительно». Несомненно, В.Б. тяжело переживал упрек...

Да, тематика института была столь перегружена, что Совет Министров СССР принимает решение (17 апреля 1951 года) организовать специализированный НИИ-10, впоследствии — ВНИИХТ, или Всероссийский научно-исследовательский институт химической технологии, куда постепенно уходит «сырьевая» составляющая НИИ-9. (Так, согласно постановлению СМ СССР

№ 5379-2339 сс/оп от 29 декабря 1951 года ПГУ следовало передать Второму главному управлению при СМ СССР опытную установку № 3 «со всеми строениями, оборудованием, рабочими и инженерно-техническими кадрами», а в соответствии с распоряжением СМ СССР № 31280-рс/оп от 1 декабря 1952 года дан месячный срок для передачи во Второе главное управление при СМ СССР соответствующей тематики и перевести сотрудников НИИ-9, которые были заняты на этой проблеме).

По инициативе В.Б. в НИИ-9 был создан минералогический музей, где хранились наиболее интересные трофеи летнего полевого сезона. Представляете: шесть застекленных витрин с образцами горных пород и минералов с различных месторождений Советского Союза, польской Силезии, Чехии... А.А. Вашман вспоминал: «Часами можно было любоваться красотой и необычайностью окраски этих минералов. Густая чернота урановой смолки, ярко-желтые вкрапления гуммита, бледно-лимонные кубики отенита и корнатита, причудливо переплетенные кристаллы уранинита, нежно-розовый монацит и другие минералы поражали красотой, особенно при их освещении ультрафиолетовым светом, вся витрина сияла сказочными флуоресцирующими красками». (Одна из достопримечательностей музея — подарок И.В. Сталину от горняков Силезии: сундук из черного порфира, внутри которого лежали радиоактивные минералы.)

О музейных ценностях говорю только потому, что тогда плохо представляли себе опасность соседства. Люди ходили, что называется по острию ножа. А.А. Вашман пишет: «В то время не было каких-либо надежных приборов, позволяющих количественно определять интенсивность излучения. Не было и норм на работу с активными веществами. <...> Только в 1950 г. случайно обнаружилось, что витрины музея являются мощным источником радиации. В соседней с музеем комнате хранился запас превосходных трофейных фотопластинок. Владельцы, обнаружив их полную негодность, подняли «вой» и установили причину. Музей был немедленно закрыт и вывезен из института».

Плутония ради

За сравнительно короткое время научные силы, сконцентрированные в НИИ-9, смогли решить задачу, связанную с получением металлического урана и изделий из него.

Поиск эффективного способа восстанавливать уран из тетрафторида начался в Гиредмете на исходе 1944 года. Первые лабораторные опыты подтвердили принципиальную возможность такого процесса, но металл требуемой чистоты получить не удалось.

Технология, предложенная немецкими специалистами во главе с доктором Николаусом Рилем, при всех недостатках (сложность, низкий выход урана в готовые слитки, очень большое количество отходов...) все же больше отвечала требованиям, и ее быстро освоили. Это позволило ускорить получение нужного количества металлического урана и обеспечить пуск первого в Европе ядерного реактора Ф-1. Параллельно сотрудники НИИ-9 совершенствовали промышленную технологию, а базовым предприятием остался завод № 12.

С конца 1946 года главной в тематике института становится плутониевая проблема. Данные, полученные советской разведкой, говорили о том, что активным материалом бомбы американцы, наряду с ураном-235, приняли плутоний-239. Поэтому работы по плутонию в НИИ-9 были значительно усилены.

По мере «внедрения» плутониевой тематики, В.Б. Шевченко все более занимается радиохимическими проблемами. Сошлюсь хотя бы на письмо М.Г. Первухина Л.П. Берия о строительстве опытного химического цеха на заводе № 817 (оно датировано 10 мая 1946 г.), из которого следует, что *инженер* Шевченко (директор НИИ-9) входил в группу специалистов, рассматривавших технологическую схему и расчеты проектного задания химических цехов по выделению плутония из облученного урана, представленные Радиевым институтом АН СССР.

К этому времени была лабораторно отработана технология растворения облученных урановых блоков и получила приоритет ацетатно-фторидная схема, благодаря которой можно было извлекать плутоний наиболее эффективно (она предложена в РИАН, а

затем испытана на имитаторах в НИИ-9), и составлена технологическая часть проектного задания для производственного объекта по выделению химконцентрата плутония (этой работой занимались риановцы и технологи Ленинградского государственного института прикладной химии — ГИПХ).

Но поскольку исходными данными для проектировщиков послужили лишь лабораторные работы и отрывочные сведения из публикаций, потребовались более надежные свидетельства, удостоверяющие правильность выбранной технологии. Иначе очень велик был риск ошибки при конструировании даже опытно-промышленных образцов оборудования для промпредприятия. Кроме того, необходимо было накопить хотя бы минимальные количества плутония, чтобы дать возможность ученым-металлургам понять, пусть и не до конца, его природу и свойства. А как без этих знаний вести плавку, обрабатывать плутониевые заготовки?..

И тогда по инициативе В.Б. Шевченко принимается решение о строительстве в НИИ-9 опытной полупромышленной установки У-5, на которой предстояло получить весовые количества соединений плутония (очищенных от урана и продуктов деления) и проверить проектные решения для промышленного радиохимического плутониевого завода, каким впоследствии стал завод «Б» комбината № 817. Проектирование, строймонтажные работы, ввод в действие (конец 1946 года) и последующая эксплуатация — под общим руководством В.Б. Шевченко и при активном участии Н.М. Рыбаченко, Б.К. Никитина, З.В. Ершовой, В.Д. Никольского, М.В. Гладышева, М.В. Угрюмова, проектировщика из ГСПИ-11 Я.И. Зильбермана...

У-5 (первый начальник П.И. Точеный) представляла собой довольно сложный комплекс агрегатов, соединенных коммуникационными трубопроводами. Он был продуман так (в этом заслуга Шевченко и всего коллектива У-5), что ведение технологического процесса исключало непосредственный контакт с опасными для жизни материалами благодаря дистанционному управлению, мощным защитным устройствам, применению манипуляторов, размещению высокоактивных и излучающих веществ в герметичных камерах, боксах. Поскольку предполагалось, что экспериментальные «дозы» будут малы, эти меры сочли достаточными, создание системы контроля за радиоактивностью отложили «на потом».

Сотрудники новой установки даже не могли предполагать, с чем им придется иметь дело уже на первых порах: урановые блоки

из реактора Ф-1, контейнер с которыми поступил 1 марта 1947 года из Лаборатории № 2, имели активность несколько кюри на килограмм урана. М.В. Гладышев: «Однажды ночью нас вызвал к себе в кабинет В.Б. Шевченко, повел во двор института и распорядился выгружать из машины облученные блоки. Выгрузку вели без каких-либо приспособлений, брали блоки руками в перчатках и укладывали их в ящики...»

Когда пробил час реальных экспериментов, времени на доработку защиты не было, и некоторые операции выполнялись, прямо скажем, в недопустимом режиме, причем, вспоминал М.В. Гладышев, «люди работали без средств индивидуальной защиты, в личной одежде, сверху надевали лишь халат».

Обслуживающий персонал еще не осознавал реальной опасности. Л.Г. Рыбина, прибывшая по командировке с будущего завода «Б» комбината № 817, впоследствии признавалась, что в дистанционное управление не верили и, когда начальства не было, открывали толстенные и тяжеленные чугунные двери, заходили внутрь и прислоняли ухо к стенке аппарата: идет ли перемешивание...

А технологию-то отрабатывать надо! И Шевченко вводит дополнительные меры по охране труда и технике безопасности: раз в неделю — медосмотр, осенью и весной — инъекции витаминов, путевки в профилакторий, перевод с вредной работы в другие лаборатории... Согласно его приказам обслуживающий персонал систематически обновлялся за счет сотрудников самого НИИ-9 и зачисленных переводом с предприятий.

Наконец, установку запустили. Хотя, казалось, предусмотрели все, реальность преподнесла немало неприятных сюрпризов. «Сначала, — вспоминал В.Д. Никольский, — неполадки на установке шли буквально на всех переделах технологии. Причина заключалась в крайне неудачной конструкции У-5, которую сотрудники НИИ-9 поспешили создать без консультации с учеными РИАН. Проводить на этой установке процессы так, как они были запроектированы, оказалось практически невозможно. Установку пришлось переделать. Но все равно некоторые трудности, связанные с коррозией оборудования, до конца преодолеть не удалось». И Шевченко, конечно, участвовал в доработке агрегатов У-5, ее приборного оснащения.

Если судить по конечным результатам исследований на У-5 по плутониевой тематике, то более чем справедливо мнение будущего директора завода «ДБ» (дублер завода «Б») М.В. Гладышева:

«Трудно переоценить значение опытной установки У-5 в отработке технологии первого завода промышленной радиохимии».

Благодаря В.Б. Шевченко У-5 превратилась в своеобразный учебный центр, выпускавший хорошо подготовленных технолог-радиохимиков, здесь стажировались сотни специалистов атомной промышленности.

Успех в области урановой тематики и, особенно, работ на У-5, видимо, укрепил А.П. Завенягина в правильности решения, принятого относительно Шевченко как директора института. Если в октябре 1946 года, характеризуя В.Б., он, будучи заместителем начальника Первого главного управления, относительно скупой отметил, что за истекшие полгода директор института «показал себя хорошо технически грамотным работником и хорошим организатором», то спустя восемь месяцев А.П. более щедр на оценку — «провел большую работу по организации научно-исследовательского института № 9».

В эти напряженнейшие месяцы Шевченко многократно убеждался, что усилия по созданию коллектива, подбору сотрудников вознаграждаются сторицей. Вместе с тем, он с огорчением для себя отмечал, что до сих пор не закончено строительство корпуса «А», лабораторных площадей не хватает, должного оборудования и помещений для работы с радиоактивными веществами нет. Зетки — под боком, и женщины побаиваются вечерних и ночных смен. Телефон у радиохимиков — всего один, в кабинете Зинаиды Васильевны Ершовой...

Бывая на установке, в лабораториях, Шевченко видел, с каким энтузиазмом и ответственностью работают все. Какое удовлетворение приносит им причастность к делу государственной важности. Особенным настроением отличалась на редкость сплоченная «команда» У-5. Не считались со временем, иногда по несколько суток не уходили из института. Вместе решили отказаться от отпуска, отодвинув личные дела на второй план: только бы дождаться момента, когда заветная мечта станет явью. «Отдохнуть было негде, — вспоминала М.Е. Пожарская, — и когда сильно уставали, то, если позволяла работа, дремали по очереди на лабораторном столе, положив под голову телогрейку. Однажды это обнаружил директор института Виктор Борисович Шевченко. Он молча повернулся и ушел. Все ожидали большого разноса, но вместо этого утром большое мягкое кресло из его кабинета было установлено в тамбуре перед рабочими комнатами. Это кресло стало равноправным членом коллектива».

Так работали все. А Шевченко приезжал и ночью. Он, как вспоминают сотрудники, заряжал своей энергией, целеустремленностью.

«Бывали случаи, — вспоминает Л.А. Орлова, — когда по приказу А.П. Завенягина нужно было технологам в 2-3 дня дать схему переработки поступившей руды. Задействованные в решении этой задачи оставались на рабочих местах по 2-3 суток. За этот короткий срок выдавалась схема, которую следовало отработать на предприятии. Если возникала необходимость, то для оказания помощи эксплуатационникам формировалась бригада и отправлялась на место...».

Т.Н. Кукишева: «Сотрудники быстро прибывали, и на <...> этажах разместились лаборатории разных направлений... Не выходя из корпуса («Б». — *Сост.*), мы попадали из жилых помещений на свои рабочие места. Так, по сути, было и после того, как жилую часть отгородили от рабочих помещений...

Заданий у аналитиков было много, иногда работали круглосуточно. Часто на работу вызывали в выходной день или ночью, особенно когда геологи привозили свои материалы и надо было срочно делать анализы. <...> Шевченко и Марков (В.К. Марков, начальник аналитической и спектральной лаборатории № 9. — *Сост.*) были требовательны, одному богу известно, когда они отдыхали. ...Работать хотелось столько, сколько надо было, о слове «отгул» мы никогда не слыхали. Откуда оно появилось?»

Понимая, что разрядка все-таки нужна, Шевченко выкраивал в напряженнейшем графике «окошко», и тогда — шумные, веселые выезды «на природу», коллективные вечера самодеятельности. В.Б. помогал, чем мог... и автобусы, и музыкальные инструменты...

...18 декабря 1947 года радиохимики, сдавшие смену, домой не поехали. Осталась и З.В. Ершова. Наконец, поздно ночью были получены микрограммы препарата плутония. Светлоголубая капелька трехвалентного плутония — в крохотной пробирке! Радость и восторг по поводу первой весовой «порции» остались в памяти «первооткрывателей» на всю жизнь.

М.Е. Пожарская (Кревинская): «Рано утром 19 декабря Всеволод Дмитриевич (Никольский. — *Сост.*) приехал в институт. Пришел Виктор Борисович (Шевченко. — *Сост.*) с бутылкой «Хванчкары», тепло всех поздравил, и в нарушение трудовой дисциплины это радостное событие отметили по всем правилам.

Как распорядился И.В. Курчатов, на следующий день препарат плутония был передан в Лабораторию № 2 АН СССР В.И. Певзнеру для контрольных физических измерений. Передача состоялась в присутствии всех руководителей, очень торжественно. Все были взволнованы этим большим событием. Однако не обошлось и без огорчений. К концу дня в лабораторию пришел расстроенный Виктор Борисович и объявил: физики определили, что препарат загрязнен. Мы здорово испугались. Всеволод Дмитриевич начал выяснять, какие попали примеси. Он позвонил Б.В. Курчатову, и тот сообщил, что обнаружена красная нитка. «Но, — весело добавил Борис Васильевич, — препарат отличный, и физики довольны».

Очень скоро удалось установить: нитка — от красного шерстяного вязаного платья одной из сотрудниц. Сразу же всем запретили появляться на работе в шерстяных вязаных вещах. Это распоряжение было очень легко выполнить, так как таких вещей тогда просто у многих не было».

До первых «корольков» плутония оставалось полгода. А к осени 1948-го модифицированная технология радиохимического передела и окончательно отработанный процесс производства плутония высокой чистоты стали неотъемлемой частью заводов «Б» и «В» комбината № 817.

Тогда же В.Б. Шевченко, А.А. Бочвара и И.И. Черняева вызвали с отчетом в Кремль, к Сталину. Нужно было продемонстрировать «живой» плутоний. Приготовили образцы его соединений, запаяли их в кварцевые ампулы объемом 0,5–2,0 мл, виртуозно изготовленные институтскими стеклодувами. Сделали шкатулку, обтянули ее синим бархатом, а внутри «пустили» белый шелк. Уложили туда ампулы с разноцветным богатством...

В Кремле, похоже, остались довольны.

Торжественность момента, конечно, запомнилась. Но будни, заполненные работой, темп которой стремительно нарастал, постепенно оттеснили волнительные ощущения.

Если говорить о плутониевой программе, то на первое место в институтском плане вышла технология изготовления плутониевых деталей, включая подбор инструментов, оснастку станка для токарной обработки заветных отливок...

Когда институту поручили решить проблему нейтронных запалов для атомного оружия, Шевченко назначил Ершову ответственной за разработку технологии, позволяющей получить полоний из металлического висмута, облученного в реакторе. А раз

так — нужна новая лаборатория, полупромышленная установка. В общем, круг забот, уже известный директору института. К слову, задача была успешно решена, а предложенная технология использована для создания производства в Арзамасе-16.

В.Б. имел прямое отношение к началу работ (1948 год) по созданию в рамках плутониевого цикла непрерывного высокопроизводительного и малоотходного технологического процесса, основанного на жидкостной экстракции. По его и З.В. Ершовой инициативе к решению проблемы был привлечен немецкий профессор Макс Фольмер, а аппаратурной основой исследований стало оборудование, которое спроектировали, изготовили и смонтировали непосредственно в институте. Полученные результаты обнадеживали и дали основание ставить вопрос о строительстве на ПО «Маяк» опытной полупромышленной установки...

Одновременно с исследовательской работой Шевченко руководил по поручению ПГУ проектированием нескольких промышленных объектов, многие из которых действовали до начала 60-х годов. НИИ-9, в частности, было поручено проектирование завода по получению плутония и урана-235 в виде чистых металлических продуктов.

Так как объем проектных работ возрастал, СМ СССР постановил (февраль 1948г.) создать на базе проектно-конструкторского бюро (ПКБ) НИИ-9 и филиала Ленинградского института ГСПИ-11 второй проектный институт в системе ПГУ-ГСПИ-12. Оставаясь на территории НИИ-9, он условно назывался Московской проектной конторой (МПК). Лишь в начале 1957г. ГСПИ-12 (ныне это Государственный специализированный проектный институт) переехал во вновь отстроенное собственное здание.

Смена директора

...А потом был *тот* взрыв. И письмо «дорогому Иосифу Виссарионовичу» с горячей благодарностью за высокую оценку работы по созданию атомной бомбы. Есть там и подпись В.Б. Шевченко. А вскоре — орден Ленина, инженеру (через запятую) директору института, — в знаменитом Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1949 года.

Успешные испытания атомного заряда упрочили репутацию НИИ-9 как главного научно-технологического центра по плутониевой проблеме и в урановой тематике (15 августа 1949 года союзный Совмин утвердил НИИ-9 в качестве одного из пяти ведущих научно-исследовательских институтов и лабораторий Первого главного управления при СМ СССР).

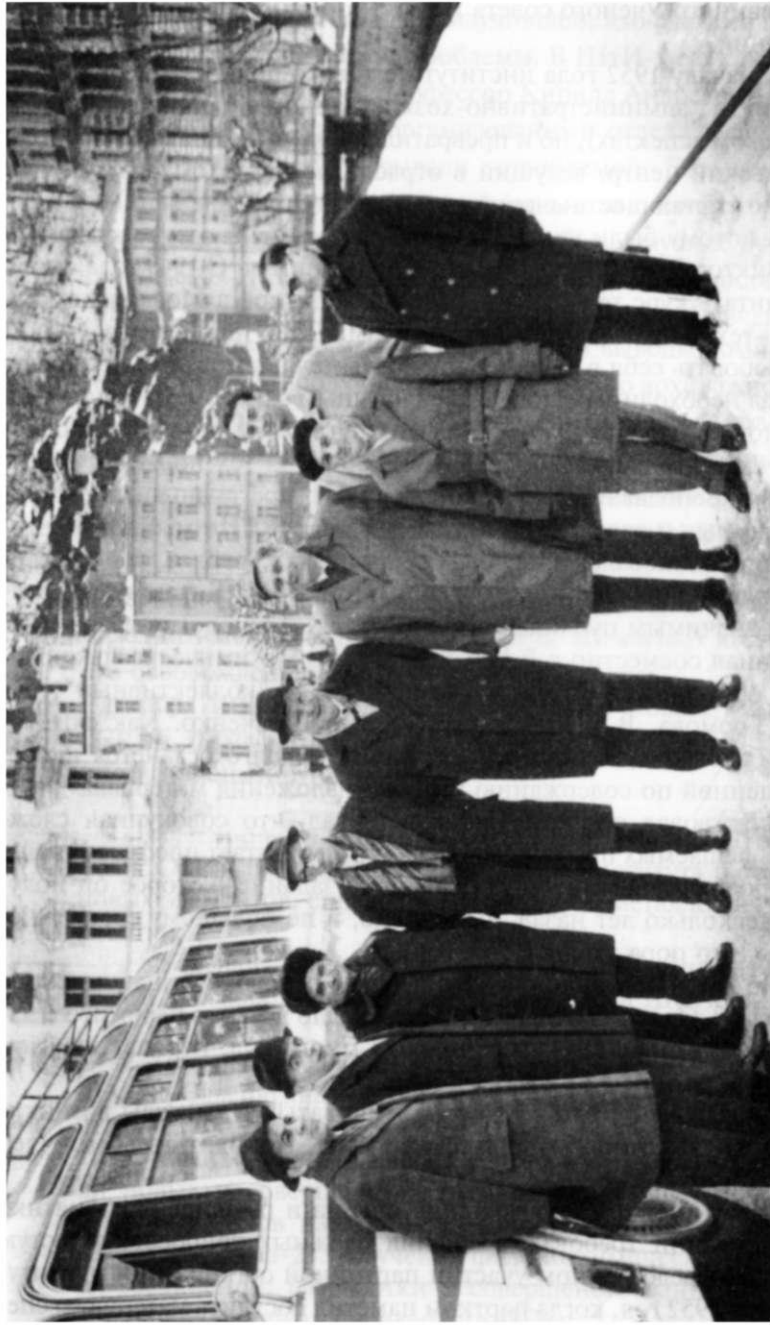
И работы прибавилось. Шевченко вошел в состав комиссии под председательством члена Спецкомитета при СМ СССР А.П. Завенягина, которая в срочном порядке определила меры, обеспечивающие необходимый коэффициент извлечения урана при добыче и обогащении руды в отдельных производствах, а также снижение потерь урана при транспортировке и хранении руд, концентратов.

С 1950 года идут исследования в области термоядерного оружия (изучается, каким должен быть технологический процесс, позволяющий извлекать тритий из облученных литиевых материалов). Институт привлечен к реализации программы создания ядерного топлива корабельного реактора, твэлов для реактора АМ (опытный уран-графитовый реактор с водяным охлаждением — «сердце» будущей Обнинской атомной электростанции), опытной установки СП-1 для разделения изотопов плутония...

В НИИ-9 продолжали работать немецкие специалисты. Кроме проблемы тяжелой воды, они занимались разработкой методов разделения урана, проектированием и изготовлением аппаратуры для изучения кинетики ядерного взрыва.

Судя по сводному плану основных научно-исследовательских, проектных, конструкторских и опытных работ на 1950 год (утвержден постановлением СМ СССР № 574-220 сп/оп 14 февраля 1950 года), В.Б. Шевченко — научный руководитель работ по технологии урана, один из научных руководителей работ по технологии полония и его заменителей. В 1951 году за Шевченко — научное руководство темой «Дальнейшее повышение извлечения урана на заводах № 12 и № 544 и увеличение производительности металлургических цехов».

Вместе с тем, все чаще в документах Спецкомитета и СМ СССР можно встретить поручения, адресованные непосредственно научным руководителям, минуя директора. В.Б. еще входит в состав секции № 4 Научно-технического совета ПГУ при СМ СССР, но только как ее член, а заместителем у В.С. Емельянова утвержден академик А.А. Бочвар. Он же — председатель специали-

Участники Женевской конференции, (Женева) 1955 г.
(в центре В.Б. Шевченко)

зированного Ученого совета НИИ-9, принимающего защиту диссертаций.

К началу 1952 года институт не только полностью сформировался (в административно-хозяйственном, организационном, кадровом аспектах), но и превратился в крупный научно-исследовательский центр, ведущий в отрасли по широкому кругу задач. Его возрастающее значение очевидно.

А потому были вполне ожидаемы перемены в руководстве.

Виктор Борисович Шевченко это понимал. С 1949 года он начал читать курс технологии тяжелых металлов в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева (решил попробовать себя в качестве преподавателя, а может быть, просто считал необходимым поделиться научным багажом, накопленным за многие годы). В 1950-м Шевченко утвердили в звании профессора по кафедре «Технология металлов». С тех пор В.Б. уже не бросал преподавательскую работу на кафедре технологии редких, рассеянных и радиоактивных элементов МХТИ им. Д.И. Менделеева, публиковался в научных сборниках, журналах, стал соавтором ряда книг, учебников, учебных пособий. К наиболее крупным, значимым публикациям относятся «Технология урана», написанная совместно с Б.Н. Судариковым, «Химическая технология облученного ядерного топлива» — коллективный труд Б.В. Громова, В.И. Савельевой и В.Б. Шевченко. Как считают Э.Г. Раков и О.Б. Громов, «эта книга надолго останется непревзойденной по содержанию и стилю изложения материала».

Чувствовал он, конечно, чувствовал, что совокупная сложность решаемых проблем выросла, что не хватает профессиональной подготовки, что государственное задание, которое он получил несколько лет назад, выполнено, и по большому счету — неплохо, что пора уходить.

Но сам Шевченко сделать первым решающий шаг не хотел. И не мог. Слишком дорого для него было все, что пережито с памятного декабря 1944-го. Слишком много сил, нервов, энергии, здоровья это отняло.

Однако чему быть — того не миновать. И однажды возникла ситуация, о которой мне рассказал Н.Н. Попов, в то время член парткома НИИ-9:

«Рост института, увеличение объема и расширение тематики исследований требовали решения сложных вопросов, зачастую при непосредственном участии партийной организации института. Шел 1952 год, когда партком наметил обсудить материалы спе-

циальной комиссии, обстоятельно изучившей, что сделано по тематике, касающейся тритиевой проблемы. В НИИ-9 ею как научный руководитель занимался профессор Кирилл Андреевич Большаков — он возглавил вновь организованный отдел. А само направление между собой называли «проблемой Большакова». Чрезвычайная важность исследований (речь шла о новом, термоядерном оружии) подчеркивалась тем, что общее научное руководство взял на себя И.В. Курчатов. Комиссия выявила недостатки в работе отдела, были критические замечания и в адрес Шевченко.

Партком внимательно изучил материалы и выводы комиссии, где отмечались неблагоприятное состояние дел по архиважной теме, большой перерасход средств без должной отдачи. Аналогичной по содержанию была и речь представителя Совета Министров СССР в институте В.В. Иванова. В итоге партком принял решение обратиться в ПГУ с просьбой о необходимости укрепить руководство института».

К сожалению, выявить официальные документы, относящиеся к последним месяцам директорства В.Б. Шевченко и связанные с его освобождением от должности, не удалось.

А 1 декабря 1952 года вышло Распоряжение Совета Министров СССР № 31280-рс/оп.

Частично процитирую:

«В связи с возросшим объемом работ НИИ-9 ПГУ при СМ СССР и расширением задач этого института в области новых элементов, сплавов и специальных металлов и их обработки:

1. Утвердить директором НИИ-9... академика Бочвара А.А. с освобождением от этой должности Шевченко В.Б. <...>

2. Принять предложение ПГУ при СМ СССР (т.г. Ваникова, Завенягина) об организации в НИИ-9 следующих отделов:

а) химико-технологического отдела с задачей разработки новых и совершенствования существующих промышленных методов извлечения и очистки урана, урана-235, плутония, урана-233; изучения физико-химических свойств их соединений; разработки и совершенствования методов контроля основных производств ПГУ...

(Остальные три отдела — специальной технологии, металлургический, металловедения и металлообработки. — *Сост.*).

Утвердить численный состав НИИ-9 <...> на 1953 г. в количестве 1800 чел.».

Заместителями директора НИИ-9 по научной части назначены член-корр. АН СССР С.Т. Конобеевский и кандидат химических наук В.В. Фомин (многолетний партнер В.Б. в исследовательской работе). Ушел со своего поста и «шевченковский» зам по науке докт. хим. наук О.Е. Звягинцев А чтобы не ослабить административно-хозяйственное звено, на соответствующую должность — в качестве заместителя директора по общим вопросам — выдвинут А.К. Уралец, до того руководивший Лабораторией «Б» ПГУ при СМ СССР (эта кандидатура, думаю, рекомендована А.П. Завенягиным, хорошо его знавшим).

Надо признать, поступили деликатно: в юбилейные дни своего пятидесятилетия Шевченко еще директорствовал.

Месяц В.Б. сдавал дела, а после новогодних праздников, 9 января, в его трудовой книжке появилась новая запись — начальник химико-технологического отдела.

К тому времени он уже почувствовал вкус к научным исследованиям. Впрочем, по творческому потенциалу В.Б. на голову превосходил многих своих подчиненных. Оставалось лишь мобилизоваться, собрать волю в кулак. Словом, не скиснуть...

И Шевченко не только не сник, а довольно быстро подготовил к защите диссертацию по обоснованию и выбору технологии переработки урансодержащих руд, уровень которой соответствовал докторской. Что и зафиксировал Ученый совет НИИ-9, присвоив ему ученую степень доктора технических наук. (В.Б. оппонировали академики В.И. Спицын и А.П. Виноградов, член-корр. АН СССР В.С. Емельянов. Подчеркну, в частности, что А.П. Виноградов был крупным биогеохимиком, знатоком специальных вопросов по осадочным горным породам и мог, как никто другой, судить о научных заслугах соискателя в избранной теме.) 7 февраля 1953 года ВАК при СМ СССР утвердила Шевченко в этом качестве.

Возглавляя отдел, В.Б. продолжил научное руководство темой «Улучшение технологии производства фторида урана в направлении резкого сокращения количества оборотных продуктов и по-

вышения прямого выхода». Словом, не прерывал активный научный поиск, который имел конкретное практическое значение.

В.Б. Шевченко, Н.Ф. Кашееву и М.В. Угрюмову удалось впервые выделить уран-233 (вид «топлива» для атомного оружия) из облученного тория.

Позднее группа сотрудников (Н.Ф. Кашеев, А.С. Соловкин, Н.А. Кораблева, К.П. Луничкина) под руководством и непосредственном участии В.Б. Шевченко в заводских условиях переработала партию металлических ториевых блоков с извлечением урана-233 в виде химических соединений, годных для получения металлического урана. Как полагает И.С. Головин, тем самым обеспечивался научно-производственный прорыв — доказана реальная возможность использовать торий в ядерной энергетике. Одновременно выявились трудности внедрения уран-ториевого топливного цикла, связанные с радиологическими особенностями материалов и обращения с ними. Со временем были найдены пути их преодоления.

Научная «гавань»

Наступило лето 1955-го. Время, когда В.Б. получает под свое начало отдельную лабораторию (Л-10). Он, думается, без особого сожаления оставляет руководство отделом: хотелось, наверное, доказать коллегам способность самостоятельно вести сложные исследования (ведь кое-кто долгое время считал его просто руководителем, не более).

Л-10 поручили решение задач, связанных с технологией переработки облученных урановых блочков и тепловыделяющих элементов сборок ядерных реакторов. В течение 2-3 лет Шевченко удалось сформировать большой коллектив, свыше 80 человек, органически объединивший опытных, квалифицированных специалистов и талантливую молодежь. Он очень ценил сослуживцев — независимо от ранга. И ему платили тем же — преданностью, добросовестностью, прощая сгоряча вырвавшееся резкое слово, хмурый взгляд... Не железный ведь, многое уже повидавший и побывавший в непростых переделках.

Наиболее близкий ему круг ведущих сотрудников (заранее прошу извинить, если кого-то по незнанию пропустил) — это Н.С. Повицкий, С.А. Заколупин, В.С. Шмидт, И.В. Шилин, А.С. Соловкин, В.В. Ревякин, В.С. Смелов, А.М. Розен, Э.А. Ненарокомов, Э.В. Ренард, Л.М. Борисов, В.С. Колтунов, И.Г. Слепченко, С.П. Воробьев, Л.П. Хорхорина, Э.И. Моисеенко, И.И. Заславский... Полагаясь на сильные стороны соратников, В.Б. инициировал в ходе исследований формирование творческих групп по отдельным направлениям.

Судя по тематике работ, которые выполнялись под руководством Шевченко, он стремился максимально реализовать научный потенциал, практический опыт — и свой, и коллектива. В самом деле, планы лаборатории — это своеобразный «котел», органически переплавляющий уже известные и совершенствующиеся разработки с поисковыми проблемами в магистральном направлении и в смежных областях.

Так, продолжая совершенствовать технологический процесс выделения и очистки плутония, специалисты Л-10 стали деятельными участниками нескольких важных этапов на пути к окончательному решению проблемы. Были проведены: лабораторные испытания полной экстракционной схемы на трибутилфосфате (ТБФ) в «горячей» камере ЦЗЛ ПО «Маяк» с реальным раствором облученного урана; испытания экстракционных процессов на опытно-промышленной установке Б-3 (среди научных руководителей от ВНИИНМ — В.Б. Шевченко); очередной цикл исследований в «горячих» камерах ПО «Маяк»; укрупненные эксперименты на институтской У-5...

Масштабы работы по экстракционным процессам вскоре переросли возможности «десятой», и в 1959 году для углубленных исследований теории экстракции и химии актиноидных элементов была создана новая лаборатория, Л-28. И теперь в общей «упряжке» оказались три коллектива (с учетом Л-12). В конечном счете научно-техническое сотрудничество этого «триумвирата» с ВНИИХТ, Радиевым институтом АН СССР, ПО «Маяк» позволило перевести радиохимическое производство на новую технологию, которая характеризовалась исключительной стабильностью процесса, высоким коэффициентом извлечения плутония, весьма надежной степенью его очистки от продуктов деления, резким, в 15-20 раз (!), сокращением содсодержащих отходов.

Коллективное новаторство характерно для совершенствования экстракционной техники и технологии на Сибирском хими-

ческом комбинате (СХК). Под общим руководством В.Б. Шевченко были продолжены исследования по проблеме переработки отходов химико-металлургических производств — жидких и твердых отходов ПО «Маяк» и СХК, брака, образующегося при производстве твэлов на основе высокообогащенного урана (Подольский опытный завод, завод № 12).

Л-10 привлекалась для разработки экстракционной технологии завода «ДБ». К поисковой тематике подключились и два других коллектива: под руководством Б.Н. Ласкорина (ВНИИХТ) и М.Ф. Пушленкова (Радиевый институт АН СССР).

Л.П. Сохина вспоминала: «Все три института и комбинат (№ 817. — *Сост.*) остановились на экстрагенте ТБФ, а разбавители предлагали разные. <...> Каждый институт стремился внедрить свою схему, яростно критикуя схему «противника».

Проанализировав все «за» и «против» каждой схемы, М.В. Гладышев, он же один из руководителей темы, принял решение в пользу ВНИИХТ и стал активно проводить в жизнь этот вариант, что породило особенно жаркие споры между ним и В.Б. Шевченко. В конце концов на комбинате была создана инициативная группа, в которую от ВНИИХТ вошел В.В. Ревякин».

Десятая лаборатория была привлечена к разработке способа регенерации оксидного уран-плутониевого топлива реакторов на быстрых нейтронах. В.Б. руководил некоторыми детальными исследованиями в области экстракции редкоземельных, трансплутониевых, осколочных элементов. Фамилия Шевченко — среди создателей технологии производства изотопов, которые использовались как источник тепловой энергии в космической технике...

Да разве все перечислишь! И нужно ли? Очевидно, что начальник лаборатории, а в отдельных случаях и координатор по конкретной проблеме, — непременный участник творческого процесса. Решение зачастую рождается не келейно, в кабинетной тиши, а в споре, дискуссии, иногда случайно оброненное слово становится катализатором научного поиска. Идеи, которые можно было бы приписать одному человеку, — редкость. Как правило, результат венчает коллективные усилия, подытоживает интеллектуальные «разряды» многих исполнителей. Всем этим до известной степени наполнена атмосфера любого НИИ, даже такого закрытого, как «девятка», где порой рядом работающие сотрудники отделены плотной завесой секретности, не знают, кому потребуются их наработки, какова их конечная цель...

Полагая, возможно, что он многое упустил в предшествующие годы, Шевченко ревниво следил, чтобы на его «территории» было поменьше конкурентов. А те, не исключено, недолюбливали решительного завлаба, прибивавшего к рукам все полезное для его коллектива.

Много ли было таких ситуаций? Скорее всего, нет. Как исключение. Ну, к примеру, история с трибутилфосфатом — новым агентом в экстракционной схеме. Сначала к ТБФ в Минсредмаше относились прохладно, считали его экзотикой. Того же мнения придерживался и В.Б., полагая, что заниматься ТБФ, когда даже продвинутый Запад не слишком его рекламирует, ни к чему.

Однако вскоре появилась информация иного содержания. На Международной конференции (Женева, 1955 год) были представлены работы с ТБФ в США, Франции, Великобритании. Реакция со стороны Шевченко последовала скоро: выступая уже как сторонник ТБФ, он убедил директора института А.А. Бочвара передать эту тематику в Л-10, а другой лаборатории, Л-12, где исследования по использованию трибутилфосфата шли с 1952 года, оставить только разработку соответствующей аппаратуры.

Можно бы попенять Шевченко, но ведь Бочвар согласился. А значит, резон в действиях В.Б., похоже, был. Хотя обида у «соседей» осталась. И понять их не трудно...

Уже тот факт, что Л-10 не снималась с дистанции десятилетиями (!), говорит о том, что ее научный потенциал и результативность — на самом высоком уровне. Согласитесь, такая живучесть — убедительное свидетельство достоинств руководителя. И как организатора, и как научного авторитета.

Ну, что касается первого, знавшие В.Б. возражать не станут. А второе требуется, на мой взгляд, пояснить. Потому что для Шевченко-ученого характерно взвешенное новаторство, сочетание поиска нетрадиционных решений со здоровым консерватизмом, осторожностью. Он требовал дотошно вести текущие исследования, копаться в мелочах, деталях, устранять мало-мальские погрешности экспериментов, выверять все компоненты теоретических обобщений...

Не все были сторонниками такого метода, но право на жизнь он, конечно, имел. Тем более в области, где каждый шаг — неизведанное, опасное. И подконтрольное спецведомствам.

Сотрудники лаборатории № 10, 1970 г.

Сидят: Д.П. Адаев, В.С. Филатов, М.И. Ключина, В.В. Смирнов.

Стоят: С.А. Заколупин, В.И. Журин, И.В. Шилин, С.В. Харьков,
Н.С. Повицкий, Н.А. Кораблева, В.В. Чубуков, В.К. Назаров, Э.В. Ренард

Общепризнано, что любимым детищем Шевченко и его сотрудников стала технология регенерации ядерного топлива, реализованная на ПО «Маяк» (завод РТ-1), благодаря чему стало возможным замкнуть ядерно-топливный цикл (ЯТЦ).

Подступы к многообещающей тематике обозначились, когда на электростальском заводе № 12 налаживали изготовление твэлов: шло много брака, накапливались немалые отходы производства. И руководство института поставило перед Л-10 практическую задачу — научиться извлекать уран из «утиля». Виктор Борисович поручив непосредственно работу группе И.Г. Слепченко (исполнители В.С. Шмидт и Э.А. Ненарокомов), сам возглавил исследования, успешно завершившиеся промышленным внедрением. И уже тогда, по ходу дела, Шевченко оценил редкостную перспективу экстракционной технологии.

Второй «звонок» инициирован пуском первой атомной электростанции (Обнинск): что делать с отработавшим топливом?

Появись соответствующая технология, она сулила бы несомненные и большие выгоды: открывалась возможность вовлечь регенерированные плутоний, уран в качестве вторичного топлива, что позволяло значительно уменьшить нагрузку на энергоемкие и небезопасные стадии рудодобычи и обогащения урана (его добыча, в частности, сокращалась вдвое), утилизировать ценные продукты деления (промышленность испытывала в них все возрастающую потребность), надежно решить — и это чуть ли не самое главное — проблему обращения с высокотоксичными радиоактивными отходами ЯТЦ.

К этому времени В.Б. уже начал смещать научные акценты в тематике своей лаборатории, чтобы постепенно обеспечить переход от «утилизации» стандартных блочков к более широкой задаче — созданию предприятия, которое бы перерабатывало отработавшее топливо АЭС. И взвесив шансы дать жизнь новому научному направлению, Шевченко предлагает руководству института включить в план лаборатории № 10 соответствующие НИОКР.

Идея нашла поддержку. 26 июня 1967 года Совет Министров СССР принял постановление о строительстве первого отечественного производства по регенерации твэлов — завода РТ-1 (радиационно-технологический, первый). В НИИ-9 tandem В.Б. Шевченко и заместитель директора института В.В. Фомин

возглавил НИОКР, связанные с новой проблемой. Они сформировали деятельную, целеустремленную команду с высоким творческим потенциалом. Группа специалистов радиохимического отделения НИИ-9, возглавляемая В.Б. Шевченко, Н.С. Чугреевым (Минсредмаш), В.В. Фоминым, разработала и представила техническое задание на проектирование нового завода. Опытные работы и исследования, проведенные производственниками ПО «Маяк», специалистами НИИ-9 и других институтов, предопределили выбор площадки для его строительства на территории комбината.

К решению поставленной задачи коллектив шел шаг за шагом: окончательный выбор технологии регенерации облученного топлива с использованием жидкостной экстракции; исследование ТБФ как экстрагента для переработки облученного топлива АЭС; изучение регенерации твэлов разной степени обогащения; исследование аффинажных стадий для урана; технология разделки твэлов и растворения всех видов топлива; серия испытаний технологических схем на У-5 во ВНИИНМ ...

Шевченко использовал и уже имевшуюся на ПО «Маяк» установку Б-5 (опытный аналог экспериментальной У-5 НИИ-9), где переработаны достаточно крупные партии «сырья», что позволило надежно выверить технологические режимы пионерских экстракционных процессов, смоделировать их и выдать технические задания на аппаратурную оснастку (научный соисполнитель — И.В. Шилин).

Новой технологии сопутствовали теоретические наработки и обобщения в области химии и физической химии «водной» регенерации ядерного топлива.

Темп выполнения всех НИОКР, связанных с РТ, непрерывно возрастает. Для решения возникающих вопросов — а они были весьма сложными — привлекаются смежные НИИ, СКБ. Собственно во ВНИИНМ «рождались» оборудование, необходимое для новейшей технологии, пульсационные смесители-отстойники, центробежные экстракторы. По инициативе В.Б. Шевченко и при поддержке Минсредмаша на базе НПО НИКИМТ (Научно-исследовательский и конструкторский институт монтажной технологии) был сформирован конструкторский коллектив, который стал лидером в создании серии отечественных центробежных экстракторов для радиохимической промышленности (они превосходили лучшие мировые образцы).

К концу 1976 года исследования на имитационных растворах были закончены. Последний этап — проверка экстракционной

технологии в «горячих» камерах ФЭИ, куда направили твэлы, отработавшие на Обнинской АЭС...

Параллельно уточнялись режимы работы основного оборудования узла подготовки и растворения топлива (стендовые испытания были проведены на заводе № 12, г. Электросталь).

В пусковой период общее руководство от НИИ-9 возглавил В.Б. Шевченко. Все это время он, практически без выезда, находился в Челябинске-40, буквально дневал и ночевал в цехах. По инициативе В.Б. научный совет радиохимического отделения определил руководителей по отдельным переделам. Это И.Е. Нахутин — газоочистка, Э.А. Ненарокомов — растворение топлива, А.С. Соловкин — аффинаж плутония, В.С. Смелов — экстракционная переработка низкообогащенного топлива, И.В. Шилин — экстракционная переработка высокообогащенного топлива, А. Нудель (сотрудник СвердНИИХиммаша) совместно с А.М. Розеном (от НИИ-9) — осветление растворов. Каждый из них возглавлял бригаду. В.С. Шмидт остался в Москве и руководил работами по РТ-1 в институте. Ответственным от Минсредмаша за пуск завода был Н.С. Чугреев; он сыграл немалую роль в успешном создании производства.

Завод РТ-1 вводился в строй поэтапно. В ноябре 1976 года был пущен цех № 5 (корпус 101а) по переработке высокообогащенного топлива — твэлов реакторов атомных подводных лодок, в марте 1977 г. — первая технологическая линия по переработке топлива реакторов ВВЭР. Полностью комплекс РТ-1 по регенерации отработавшего ядерного топлива был введен в эксплуатацию 18 апреля 1977 г.

Объект производил внушительное впечатление. Головной технологический корпус, куда поступал предназначенный для переработки «продукт», — огромное замкнутое сооружение, позволяющее въезжать железнодорожным платформам с контейнерами или вагонам-контейнеровозам.

Все технологические переделы — с мощной бетонной радиационной защитой.

Обслуживающий персонал управляет процессами дистанционно — по приборам, а если визуально, то через защитное свинцовое стекло...

Л.П. Сохина: «Несмотря на проведение многочисленных и тщательно продуманных исследований сотрудниками ВНИИНМ,

Группа сотрудников лаборатории № 10, 1970 г.

Сидят: Н.С. Каширина, А.П. Петрова, Е.Е. Герасимов, З.Л. Икрянникова
Стоят: Н.М. Пучкова, В.Б. Шевченко, Н.Д. Алексеева, К.П. Луничкина,
С.П. Воробьев, Л.Н. Федотова, И.Г. Слепченко, З.М. Смык, А.С. Соловкин

работниками завода и ЦЗЛ, экстракционная технология регенерации твэлов АЭС на первых порах шла чрезвычайно трудно. Завод работал с перебоями, со значительным количеством брака... Плохо шло разделение урана и плутония, был большой унос органики с водной фазой, образовывалось невероятно большое количество осадков — «медуз» на границе раздела водной и органической фаз. Клейкая масса осадков постепенно «заливала» поверхность аппаратов и коммуникаций. Один раз в месяц завод останавливали, производили зачистку экстракторов от «медуз». Это приводило к ухудшению условий труда персонала завода, к снижению извлечения урана, плутония, нептуния.

В 1978 году был проведен тщательный анализ технологического процесса. Оказалось, что трудности были связаны с негативным влиянием на процесс некоторых осколочных элементов, в частности, палладия и технеция. <...> Наиболее существенным усовершенствованием экстракционной технологии была замена разбавителя синтина на жидкий парафин, предложенный работниками лаборатории В.Б. Шевченко».

Группа ученых, проектировщиков, эксплуатационников — создателей нового производства была удостоена Государственной премии СССР (1978 год). Среди них, конечно, Виктор Борисович. К сожалению, это последняя большая научная и организаторская работа В.Б. Шевченко. Впоследствии ее с успехом продолжили его ученики.

Завод РТ-1 работает и по сей день: здесь идет регенерация облученного ядерного топлива реакторов АЭС, атомного флота и исследовательских реакторов. Но пришла пора модернизировать производство. Однако сегодня финансирование соответствующей программы практически остановлено. По объективным причинам загрузка РТ-1 заметно снизилась. Надежду вселяет постановка вопроса об увеличении доли атомной энергетики в общем энергетическом балансе страны, о строительстве новых АЭС (в том числе с реакторами на быстрых нейтронах), об усилении работ по переработке отработавшего ядерного топлива и, безусловно, о создании замкнутого ядерного цикла. Без этого дальнейшее развитие атомной энергетики невозможно.

Участники заседания Научно-координационного Совета ПО "Маяк", (Челябинск-40), 1976 г.

Сидят, 1-й ряд: Л.П. Сохина, А.А. Бочвар, Н.Е. Брежнева

2-й ряд: Е.П. Кунегин, Н.С. Чугреев, А.С. Никифоров, Б.Н. Ласкорин,

А.В. Лупанова, Б.П. Никольский, А.П. Александров, И.В. Петрянов.

Стоят: Б.В. Никипелов, В.В. Морозов, Э.Г. Апенев, А.Д. Зверев, И.А. Терновский, Э.М. Центер, А.П. Шабашов, Ф.Г. Решетников, В.Л. Золотавин, В.Б. Шевченко, А.Ф. Разжигаев, Б.В. Брохович

ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА БОРИСОВИЧА (1945-1981)

Первый директор

Майя Владимировна. *Он проторил путь к успеху*

Шевченко был директором НИИ-9 в самый тяжелый период, в годы создания первой советской атомной бомбы. Он не только построил институт, но и собрал первый мощный коллектив ученых, который блестяще справился со всеми задачами того времени. Он подготовил хорошую почву для своего преемника – второго директора института академика А.А. Бочвара.

Если быть объективным, брать главное, основное, вывод один: Шевченко сумел привести коллектив к большому научно-производственному успеху.

В.Б. Шевченко был признанным лидером в области переработки облученных ядерных материалов. Последовательно и упорно он развивал исследования по экстракции, электрохимическим методам переработки топлива, созданию и внедрению центробежных экстракторов. Под его непосредственным руководством были разработаны, а затем успешно внедрены на комбинате «Маяк» в промышленность технологические процессы переработки облученных стандартных урановых блоков и отработавших твэлов атомных реакторов различного назначения.

Виктор Борисович очень любил общаться с молодежью, всячески поддерживал молодых сотрудников, поощряя инициативу и самостоятельность мышления. И не случайно рядом с ним выросло большое количество квалифицированных специалистов, пользующихся авторитетом и уважением в отрасли и считающих Виктора Борисовича своим учителем.

Игорь Головин. *На его счету — крупнейший технологический прорыв*

Уже тот обширный круг задач, который был поставлен перед Инспектом при его создании, говорит о том, что в Шевченко высшее руководство страны видело серьезного, волевого, грамотного специалиста, человека государственного, не боящегося тяжелых, ответственных поручений.

Виктор Борисович, изначально отлично понимая, что институт по мере развития работ обязательно будет разветвляться на самостоятельные значимые слагаемые, смело глядел в будущее. И вместе с тем, всякий раз стремился глубоко разобраться в существе и целесообразности начинающихся и уже реализуемых исследований, чтобы предотвратить возможные ошибки, задержки. Весь круг внедряемых на Электростальском заводе № 12 и развиваемых работ на смежных предприятиях был в поле его внимания.

Необходимо было осмыслить и дать ход инженерным решениям, относящимся к созданию технологического оборудования и оснастки процессов оптимального измельчения добываемых руд, химического вскрытия минералов, извлеченных из рудного продукта с использованием кислотного и щелочного выщелачивания, осадительных и сорбционных процессов извлечения и глубокой очистки полученных растворов с применением декантации (отделение осадка от жидкости) и фильтрации, а также других элементов гидрометаллургической переработки рудных поставок.

Пришлось также вникать в инженерную организацию технологии производства галлоидных соединений урана с последующим их восстановлением до металлического урана, естественно, с опережающими исследованиями особенностей процессов.

Оказалось необходимым организовать при НИИ-9 мастерские, ставшие со временем производственно-экспериментальным отделом (ПЭО), который включал механический, технологический и ремонтный участки и замечательную стекловую мастерскую. Было создано проектно-конструкторское бюро (ПКБ).

Конечно, Виктор Борисович получал огромную поддержку со стороны Первого главного управления при Совете Министров СССР: разве можно было осилить такую ношу без помощи руководства? Но не будь воли, энергии, собранности Шевченко-директора, не удалось бы ему достичь той эффективности, которой отличался институт.

Зинаида Ершова. *Ревностно следил за качеством исследований*

Виктор Борисович не боялся ответственности и, если того требовали обстоятельства, лично участвовал в экспериментах.

Помню, когда изучалась «газовая проблема» (получение делящихся материалов для термоядерной реакции — *Сост.*) и у нас работала полупромышленная установка № 14, на которой осваивали технологические процессы, из Института физических проблем АН СССР однажды поступил сигнал: из облученных изделий выделяется взрывоопасный радиоактивный газ.

Мы решили не повторять такой эксперимент в закрытом помещении и организовали стенд для вскрытия изделия под открытым небом, во дворе института. Директор института В.Б. Шевченко, научные руководители и начальник установки № 5 М.В. Угрюмов провели эксперимент по вскрытию облученных ампул путем надреза оболочек специально изготовленной ножовкой. При вскрытии только из одной ампулы, содержащей фтористые соединения, вырвался под давлением газ, это воспламенился элементарный фтор — продукт радиационного разложения фторидов.

Шевченко ревностно следил, чтобы наши исследования не уступали по качеству «параллельщикам». Как-то во время очередных испытаний на У-14 мы столкнулись с эффектом изотопного обмена в среде водяной пар — газ. Обнаружить этот эффект было очень трудно, но, применяя метод измерения тормозного излучения, нам удалось найти места его скопления. Авторитетная комиссия из двух академиков наблюдала за нашими поисками, ничего не советовала, ожидала результатов. Конечно, их присутствие нас нервировало. Комиссия ушла совещаться, а потом сообщила нам «радостную» новость и просила не беспокоиться, поскольку в ИФП (Институт физических проблем. — *Сост.*) закончена проработка метода низкотемпературной ректификации и уже создан промышленный аппарат.

Поступок ИФП — скрыть от нас, коллег по разработке новых процессов, что ведется разработка другого процесса, и при этом посещать наш институт, знакомиться с результатами наших экспериментов и не обмолвиться о своих достижениях, сообщить о законченности их разработок в момент, когда мы встретились с трудностями, на устранение которых требовалось время, — не был для нас радостным. Оказалось, что мы негласно соревновались с неравными силами.

Несмотря на все трудности, которые встречались, мы уже к 1952г. разработали основные технологические процессы, методы

анализа, приборы и аппаратуру. В 1952г. пусковая бригада во главе с научными руководителями выехала на предприятия для организации промышленного производства.

Внедрение технологии проходило в химическом цехе № 1 комбината № 817. Эксплуатация цеха, где выделяли тритий из облученных в реакторах «АИ» и «АВ-3» литиевых блоков, началась в конце октября 1952 года. Оценивая нашу работу с 1950-го до 1953 года, можно сказать, что задача, поставленная перед институтом в 1950г., была своевременно решена. В этом большую роль сыграл директор института профессор В.Б. Шевченко, который обладал даром доверять людям и специалистам.

Валентин Колтунов. *Не постеснялся потревожить министра*

Если вспомнить время создания института, то очевидно: Виктор Борисович Шевченко понимал, что для решения задач, связанных, прежде всего, с созданием атомного оружия, нужны молодые специалисты, уже знакомые, пусть пока еще не глубоко, с азами новых наук, особенно с химией актинидных и редкоземельных элементов.

В декабре 1949 года по инициативе Шевченко многие студенты физико-химического факультета МХТИ были направлены в НИИ-9 — сначала для прохождения преддипломной практики, а затем и для выполнения дипломных работ. Затем этих молодых специалистов зачислили в штат института, и в последующие годы большинство из них стали известными учеными, кандидатами и докторами наук.

Замечательным было личное внимание В.Б. к молодым научным кадрам, он по-отечески заботился о них. Приведу один пример из собственной жизни. Как-то получилось так, что из числа выпускников МХТИ 1950 года, отобранных Виктором Борисовичем для работы в «девятке», только я не получил туда направление. Узнав об этой «ошибке», В.Б. не постеснялся потревожить лично министра об изменении моего места работы, что и было сделано. Добавлю к этому: при остром дефиците жилья Шевченко предоставил нам с женой отдельную комнату в единственном в то время жилом доме, принадлежавшем институту.

Таисия Кукишева. *Принял он меня внимательно*

В войну я работала на одном из оборонных заводов, а вскоре после Победы, прошло не более полугода, мне предложили перейти работать аналитиком в институт. В декабре 1945-го я поехала и по плану, начерченному карандашом на бумаге, нашла этот

«почтовый ящик». Он был за двумя проходными, забор обнесен колючей проволокой (были тут и пленные, и заключенные).

Через первую проходную прошла на территорию, где располагался административный одноэтажный домик. Там был кабинет директора В.Б. Шевченко. Принял он меня внимательно, пригласил начальника 9-й лаборатории В.К. Маркова. Побеседовав со мной, Марков согласился зачислить меня в штат. После чего Виктор Борисович вызвал коменданта корпуса «Б» И.В. Васильева и попросил, чтобы он обеспечил меня жилплощадью в корпусе «Б». Кругом все были в шинелях, военной форме. Мне казалось, что я попала в воинскую часть.

В январе 1946 г. мне предоставили жилье — комнату на четвертом этаже корпуса «Б», и я переехала из Подольска со своей семьей (дочь и мама, муж погиб на фронте).

Лидия Орлова. *Его интересовали даже мелочи*

Впервые я увидела Виктора Борисовича, когда мы, несколько выпускников МГРИ, пришли в институт с направлениями на работу. Сидели в приемной директора, ждали начальника геологической лаборатории.

Войдя, Шевченко первым делом спросил у секретаря: «Что они тут делают, кого ждут?» — «Это геологи, к Владимиру Георгиевичу Кноблоку», — пояснила она. На том знакомство и кончилось, но позже Кноблок доложил ему о пополнении, а он заочно нас уже знал.

Со временем лаборатория стала очень большая, человек 70-80, если не ошибусь. Всех Шевченко вряд ли запомнил, но память у него была цепкая: раз-два попадешься на глаза — не забудет. Однажды он застал меня и еще кого-то из наших в кабинете Ореста Евгеньевича Звягинцева. На вопрос: «Что это собрались?» — заместитель В.Б. ответил: «Кандидатский минимум будут сдавать». И по взгляду я поняла — помнит.

Конкретно по работе мы практически не контактировали. Но даже отдельные штрихи говорят, что Виктора Борисовича интересовали, на первый взгляд, мелочи.

Однажды я приехала с образцами для анализа. Выполнила работу и отчиталась перед Кноблоком. Но конкретным результатом заинтересовался В.Б. Расспросил меня, каким образом я анализировала урановые минералы.

— Довольно просто, — отвечаю. — Так-то и так-то.

— А откуда вы это знаете?

- У нас в институте был курс по микрохимическому анализу.
- Молодец, – похвалил он. Но предупредил, что надо будет проверить лабораторные данные в промышленном варианте.

Николай Попов. *Шевченко выручил и на сей раз*

В институт, или как он назывался База № 1 Первого главного управления при Совете Министров СССР, меня приняли летом 1946 года. Тогда я впервые увидел начальника Базы – Виктора Борисовича Шевченко. Высокий, солидный, внешне спокойный и симпатичный полковник...

Первыми моими работами были исследования физико-химических свойств урана и его соединений. Наша лаборатория, восьмая, находилась в стадии становления. Приборов было крайне мало, не хватало самого необходимого.

Помог В.Б. Шевченко: по моей просьбе он сделал запрос в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского, где я работал после демобилизации и знал, что туда поступило из Германии много «всякого». Когда пришел положительный ответ, мы поехали к «артиллеристам» и чего только ни привезли на двух грузовиках – вольтметры, амперметры, аналитические весы, электрические плиты и печи, реостаты, электромоторы, даже весьма точные зеркальные гальванометры «Цернике». Все – в порядке оказания технической помощи...

В начале 1947 года потребовалось срочно проверить достоверность сообщения итальянских ученых о будто бы эффективном сухом способе получения безводного тетрафторида урана путем взаимодействия его окиси с фреоном-12.

Однако, как ни старались наши снабженцы, раздобыть фреон в Москве не удалось. Но Виктор Борисович выручил и на сей раз: баллон с нужным газом был немедленно доставлен из Ленинграда...

У меня сложилось впечатление, что Шевченко вполне сработался с парторгом ЦК в НИИ-9 Николаем Александровичем Федоровым. Их, по-моему, многое сближало. Как и Виктор Борисович, Федоров был беспредельно предан делу, чужд всякой парадности, шумихи, а тем более нечестности и ловкачества. Терпеть не мог склокиничества. Чуткий и отзывчивый ко всем. Одно из любимых его выражений при разборе конфликтов: «Чай Вы можете с ним не пить, но дело с ним делать, если оно Вам поручено, обязаны!».

Одно время начальником самой главной нашей тогда лаборатории № 5, металловедческой, был Георгий Леонидович Зверев. Царь и бог!

У меня с ним чуть не случился крупный конфликт, который легко и категорически предотвратил Шевченко.

А дело вот в чем.

По служебной необходимости мы с Орестом Евгеньевичем Звягинцевым ездили в Свердловск на спецзавод, откуда привезли нужные нам платино-родиевые термопары.

Я был в хороших отношениях со Зверевым, и когда он попросил на один-два дня, не больше, термопару, — дал. Потом Г.Л. пришел к нам позаимствовать еще одну. И опять пообещал быстро вернуть.

Однако шли недели, а «долг» не возвращался. Когда я стал наседать, Зверев сослался на директора: будто бы он сказал, что термопар у нас достаточно и без тех, которые отдали. Но это же не так! Термопара — удовольствие-то дорогое — не разрешалось иметь сколько пожелаешь, и мы привезли ограниченное количество.

Я — к Шевченко. Иду и нервничаю, злюсь: «Солдафон, полковник... Распорядился... Даже не спросил нас...»

В.Б. выслушал мою тираду («Вы дали указание... Так командовать нельзя... Не поставив меня в известность...»), не прерывал, вопросов не задавал и тут же попросил секретаря немедленно вызвать к нему Зверева.

Войдя, Г.Л. по выражению лица Шевченко сразу все понял: ему здорово нагорит за то, что воспользовался именем директора.

Разговор был короткий и резкий.

— Термопары брали?

— Брал...

— Когда обещали вернуть?.. — И не дожидаясь ответа, распорядился: — Через два часа вернуть и доложить мне.

Тогда я впервые, кажется, подумал о В.Б. не как о полковнике НКВД, а *инженер*-полковнике...

Он и сам был трудоголик, и ценил это качество в других. Помню, как он радовался, если сотрудник вместо отпуска брал компенсацию и продолжал работать. Никогда не возражал, если кто-либо обращался к нему с такой просьбой, хотя по закону это не поощрялось...

И о другом...

Шло собрание в ПГУ... Выступает генерал Мешик и, говоря о деятельности Шевченко (а тот сидел в президиуме), вдруг вынимает какой-то лист, показывает его собравшимся.

— Вот, — слышим, — секретный документ. Есть акт, что он давно уничтожен. И подпись директора имеется. Как это объяснить? — и повернулся к В.Б.

Тот даже побледнел, молчит. А надо сказать, Мешика боялись: как же — зам. начальника и член коллегии Первого главного управления. Отвечал за подбор кадров, обеспечение охраны и режима секретности всех объектов, где работали над созданием ядерного оружия.

Шевченко встал, глухо выговорил:

— Накажите меня. Я виноват...

А произошло, по слухам, вот что. Документ затерялся в бумагах, и начальник 1-го отдела уговорил В.Б. сделать фиктивный акт. Каким путем злополучная бумага попала к Мешику, не знаю. Но для меня, да и других, наверное, было важно другое: Шевченко не свалил вину на подчиненного, а целиком взял ее на себя.

Петр Прибытков. *Шевченко выручал меня дважды*

В начале войны нас, группу выпускников геологического факультета Ростовского госуниверситета, направили на курсы при Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, нужны были саперы со знанием подрывного дела.

После учебы мы сначала находились в распоряжении Главного военно-инженерного управления Красной Армии, а с весны 1942 года — Центрального штаба партизанского движения. Меня зачислили в инженерный спецотряд при Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения. Там и дослуживал.

Когда война закончилась, стал подумывать о том, чтобы вернуться к своей основной профессии. Однажды, где-то в июле-августе, в часть приехал «вербовщик». Я его не застал, но друзья рассказали, что он из какого-то секретного ведомства, они набирают геологов, горняков, предложил хорошую зарплату.

А я как раз на распутье: скоро демобилизация, надо определиться с будущей работой... Решил съездить по оставленному адресу.

И вот, 25 декабря, я у проходной. Звоню секретарю: так, мол, и так, надо попасть к начальству. Она заказала пропуск и предупредила, директора зовут Шевченко Виктор Борисович, звание —

полковник, его кабинет — в одноэтажном барачного типа здании. Вошел, представился. Виктор Борисович подробно расспросил меня о моей жизни, службе. Задал вопрос о семейном положении. Я ответил, что женат, двое детей, живу в Москве.

Внимательно выслушав, говорит: «Возьмем, подходите». И сразу на ты — я ведь молодой, 29 лет: «Если окончательно надумаешь остаться у меня, то порядок такой: демобилизуешься, месяц на отдых, а 25 января — ко мне с заявлением».

Размышлял я недолго, хотя кое-куда еще заглядывал, расспрашивал о работе.

В общем, через месяц пришел снова. Начальник тут же распорядился: «Пиши заявление: прошу зачислить в геологическую лабораторию...»

Оформили меня инженером. Так я стал сотрудником института...

Первая моя длительная командировка началась летом 1946 года: мне и некоторым другим специалистам предстояло провести ревизионно-поисковые работы на урановых рудниках Восточной Германии. Перед отъездом В.Б. Шевченко поинтересовался, с семьей ли еду. Предупредил: «Шахты старые, опасные, будьте осторожны... И остерегайтесь облучения». Но, признаюсь, мы тогда этого почти не боялись, нас такая опасность мало беспокоила. Только много позднее нам стали преподавать технику безопасности при работе с ураном.

Обстоятельства сложились так, что через некоторое время меня назначили начальником одной из шахт, не освобождая от должности геолога. В целом шахта работала стабильно, план по добыче руды перевыполнялся ежемесячно.

В сентябре 1947 года я решил взять отпуск. Надо было и навесить дочку, и отдохнуть, и помочь родителям. Но генеральный директор АО «Висмут» (отделение советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут» — предприятие по поиску, разведке и добыче урана в советской зоне оккупации Германии; образовано 10 мая 1947 г. на базе Саксонского горного управления. — *Сост.*) Михаил Митрофанович Мальцев, генерал-майор, воспротивился или выдвинул такие условия, которые меня не устраивали.

Дело кончилось тем, что в отпуск мне пришлось ехать одному: жена и младшая дочь остались «за кордоном». Возвращаться в Германию не хотел, но как это сделать? Решил сходить на прием к

В.Б. Шевченко: мы все еще числились в штате института, и он имел право решать вопросы нашего трудоустройства.

Виктор Борисович принял меня сразу же, без проволочек. Я доложил ему о результатах работы в Саксонском горном управлении, а затем в «Висмуте», о хороших перспективах прироста запасов урана в Рудных горах. Рассказал, конечно, и о том, на каких условиях мне предоставили отпуск.

На вопрос, хочу ли вернуться в Германию, я ответил: «Нет». — «Тогда, — распорядился Шевченко, — после отпуска выходи на работу в институт. Наказывать тебя не будут». А когда вопрос решился окончательно, держать «заложниками» жену и дочку уже не имело смысла.

Второй раз Виктор Борисович меня выручил в 1950 году, когда наша геологическая партия из НИИ-9 обследовала Ермаковское месторождение на севере Читинской области. Мы не подтвердили «грандиозных» запасов этого минерала, объявленных первооткрывателями.

Тогда начальник Ермаковского рудоуправления подполковник Мальцев (везло мне на эту фамилию) задержал нас: нужны, мол, здесь. Что делать? Тайком, с надежным человеком, я отправил письмо и заявление директору института. (Открытой почтой этого делать было нельзя: Мальцев ввел жесткий контроль за корреспонденцией, и до многих адресатов она не доходила).

Сработало! В феврале 1951-го Шевченко оформил мне вызов через замминистра внутренних дел А.П. Завенягина, и я благополучно «удрал» в свой НИИ-9.

Федор Решетников. *Меня удивляет до сих пор...*

Как директору, В.Б. Шевченко пришлось начинать с нуля — выбор площадки для института, строительство корпусов и временных зданий экспериментальных механических и электротехнических цехов, оснащение института экспериментальным оборудованием и приборами и, может быть, самое ответственное — формирование кадрового состава института. Со всеми этими задачами В.Б. Шевченко справился блестяще.

Откровенно говоря, меня удивляет до сих пор, как дирекции удалось сформировать такой замечательный коллектив без специально организованного набора. Ведь в институт приходили, по существу, случайные люди, как-то и где-то услышавшие об организации нового, к тому же секретного, института. В какой-то степени случайно пришел в институт после демобилизации и автор

этих строк. Но, похоже, этим вопросом занимались довольно грамотные кадровики во главе с начальником отдела Г.Я. Трушиным.

Насколько я мог оценить, во всех девяти лабораториях (не считая лабораторию Ф.Ф. Ланге, занимавшуюся самостоятельной тематикой) сразу, без какой-то раскачки, началась очень напряженная работа. И сотрудники, особенно металлургической лаборатории, которая больше других нуждалась в самодельном оборудовании, быстро оценили прозорливость директора института, сумевшего вовремя, оперативно создать достаточно хорошие по тому времени механический и электротехнический цеха для изготовления аппаратуры и электрооборудования.

Столь продуманно руководить всеми работами по созданию института мог человек, пусть не имеющий большого опыта такой работы, но обладающий, как Виктор Борисович, выдающимися организаторскими способностями.

Когда в НИИ-9 был создан научный отдел (из трех лабораторий) по плутониевой проблеме — его возглавил академик А.А. Бочвар, имевший практически неограниченные полномочия, Виктор Борисович как директор, стал менее востребован.

Но Шевченко не из тех, кто в сложившихся обстоятельствах занял бы позицию пассивного наблюдателя. Он с прежней энергией продолжал строить и создавать институт. Под его руководством и при его активном участии и участии других ученых-радиохимиков было завершено сооружение весьма важной Установки № 5, предназначавшейся для извлечения плутония из облученных урановых блочков. Под его же руководством были созданы установка У-11 для извлечения полония из облученного висмута и У-14 для извлечения трития из облученного сульфата лития...

Когда я стал начальником лаборатории, а потом и заместителем директора, мы с Виктором Борисовичем нередко обсуждали вопросы, выносившиеся на НТС института. Иногда — и качество диссертаций, представлявшихся в наш Ученый совет. Он не стеснялся откровенно высказывать свою позицию.

Таким принципиальным, деловым, собранным, буквально заряженным на выполнение крупных государственных задач В.Б. Шевченко и остался в моей памяти.

Анриан Розен. Работа, наконец, пошла

После демобилизации я работал в Государственном научно-исследовательском и проектном институте азотной промышленности (ГИАП), где вместе с В.Ф. Калининым разрабатывал

проектное задание завода для получения тяжелой воды методом ректификации жидкого аммиака.

Работы в ГИАПе разворачивались крайне медленно, и такой оборот дела совершенно не устраивал А.П. Завенягина. В конце 1945 г. он созвал в ПГУ совещание, посвященное этому вопросу, и принял решение о переносе работы в НИИ-9, а вскоре вышло постановление Правительства по данному вопросу.

Мы радовались, что работа, наконец, пошла. Радовались и решительности директора — В.Б. Шевченко. После ГИАПа это казалось переселением в сказочный мир. Приходишь к директору с вопросом — уходишь от него с решением. Правда, оказалось, В.Б. легко отказывался от принятого решения. Стали ходить к нему с письменными рапортами, он накладывал резолюции. Потом, разгадав нашу хитрость, стал иногда отказываться и от письменного решения, говорил: «Вы меня тогда охмурили». Но это не чаще, чем в 30 % случаев. Так что дело пошло.

Было создано специальное ОКБ, его срочно укомплектовали сотрудниками. Во вновь организованной лаборатории под руководством выдающегося немецкого ученого проф. М. Фольмера шли экспериментальные исследования. Для разработки оборудования привлекли и сторонние организации.

В конце 1951-го или в начале 1952-го, точно не помню, И.В. Курчатов вместе с А.П. Александровым просили Шевченко отпустить меня в лабораторию № 2 АН СССР. Но В.Б. отказал — предстоял пуск в Норильске установки № 476. Может быть, это и к лучшему — я не превратился в реакторщика, остался химиком.

Завод-установку ввели осенью 1952 года. Время от времени приезжали ученые с целью ознакомиться с положением дел и, по возможности, помочь. В частности, весной 1953 г. приезжал В.Б. Шевченко (незадолго до этого освобожденный от обязанностей директора).

Михаил Сенин. *Долг института оказать помощь заводу...*

В начале марта 1946 года, спустя примерно неделю, как меня приняли в НИИ-9, состоялась моя первая беседа с директором. Виктора Борисовича интересовало, где я родился, рос, учился, служил и работал. Я с удовольствием вспоминаю эту беседу. Еще бы! — вскоре после нее мне дали жилую комнату в корпусе «Б».

Так случилось, что к середине 1946-го в нашей Л-8 собралась небольшая группа бывших студентов химфака МГУ, и на должность научного руководителя физико-химической лаборатории

«всплыла» кандидатура профессора Михаила Михайловича Попова, заведовавшего термохимической лабораторией МГУ. Эта кандидатура очень устраивала В.Б. Шевченко и З.В. Ершову. Но М.М. это предложение вначале отклонил.

- Это, ведь, большое новое дело. С такими материалами я не работал. И — руководить! Поищите помоложе и более достойных.

Руководству и кадровикам пришлось разговаривать с ним на эту тему несколько раз, прежде чем он согласился...

Насколько могу судить, институту оказывалась необходимая помощь. Например, в 1947 году предоставили дополнительное финансирование с целью обеспечить материально-техническую поддержку приоритетных работ. Мне, в частности, В.Б. Шевченко назвал сумму (30 % выделенной), которую можно израсходовать на материалы и оборудование...

Однажды, в конце 1949 года, случилось так, что сырье с завода разделения изотопов урана диффузионным способом было поставлено, вопреки нашим ожиданиям, не на опытную установку в НИИ-9, а на завод в г. Электросталь, где в то время работали немецкие специалисты (группа доктора Рилия).

Получился конфуз: местный персонал не смог без нашей помощи провести первую операцию его переработки — гидролиз гексафторида. А очень хотелось показать свою эрудицию в выполнении любого важного, да еще к тому же перспективного поручения.

Пришлось обращаться за помощью к В.Б. Шевченко, который любую помощь заводу считал долгом нашего института. В командировку поехал наш разработчик этого передела Ф.А. Костылев, у которого там потребовали «выдать» разработанную нами технологию проведения этой операции, что он и был вынужден сделать.

Эта и все дальнейшие операции аффинажа как при обработке первой опытной партии, так и на аффинажном заводе не сопровождались затруднениями принципиального характера. Успеху дела способствовали обстоятельная проработка технологии аффинажа, выполненная без какого-либо заимствования рекомендаций иностранных (американских или немецких) специалистов, а также проведенная в институте стажировка кадров завода и опыт пуска первого уранового производства.

В дальнейшем нашему коллективу практически не приходилось возвращаться к аффинажной тематике. Но у В.Б. Шевченко, когда он приступил к руководству лабораторией, занимавшейся разработкой технологии регенерации отработавшего ядерного то-

плива, возникла необходимость в ознакомлении с аффинажными приемами. И он попросил у меня номера отчетов по аффинажу и переработке отходов. После ознакомления с ними он был немногословен: «Да, сделано обстоятельно, надежно и убедительно. Фундаментальный труд».

Михаил Скриниченко. *Разговор был душевный*

После демобилизации из армии — было это в конце 1945 года — знакомый аспирант Андрей Ванюков (будущий профессор Московского института стали и сплавов, автор новой технологии плавки тяжелых цветных металлов. — *Сост.*) порекомендовал мне встретиться с директором вновь организуемого института Виктором Борисовичем Шевченко.

Беседу с желающими поступить на работу он проводил вместе с Николаем Александровичем Федоровым, которого я знал еще со времени учебы в Институте цветных металлов и золота. Запомнилось: оба — в белых кителях, при погонах (полковника — у Шевченко и майора — у Федорова).

В.Б. вел душевный разговор: подробно интересовался, где и как я учился, где проходил практику, работал, где и кем служил в армии. Все очень доброжелательно.

Тогда же мне пообещали жилье. И слово свое Виктор Борисович сдержал: в августе, когда закончили переоборудование одного из институтских корпусов, я с женой, как и другие семейные сотрудники, получил ключи от комнаты.

А вскоре и параллельно со строительно-монтажными работами в производственных корпусах на территории института «вырос» 18-квартирный дом. Предполагалось, что комнаты будут поочередно с нами заселять и работники проектной организации, которая временно расположилась в химкорпусе.

Однако руководители проектировщиков за спиной института согласовали с одним из замов министра, что им отдадут весь дом, а нам — ждать сдачи второго.

Директор института, заручившись поддержкой партийной и профсоюзной организаций, дал команду оперативно занять нашу часть дома. Ночью мы, собрав чемоданы, освободили временную жилплощадь, к утру подали машины, и через два часа вся операция закончилась.

Противная сторона сделала попытку предотвратить «захват». Но замминистра, которому жалобщики сообщили о происшеств-

вии, найти В.Б. не смог. Потом говорили, что он, выжидая, до обеда гулял по парку.

В общем, Шевченко появился, когда дело было сделано. И вскоре ему вкатили выговор. А вот сотрудники были благодарны В.Б. за решительность... Возьмусь обобщить: он был внимателен к работникам института и, как мог, защищал их права.

Виктор Борисович никогда не подставлял своих сотрудников. При конфликтных ситуациях он всегда занимал такую позицию: директор — я, и я несу ответственность за все. Мне лично пришлось удостовериться и в том, что Шевченко горой стоял за рядовых исполнителей «девятки», если кто-то «сверху» пытался на них переложить вину своих служб.

Начальник лаборатории

Леонид Борисов. *Все работали увлеченно, самоотверженно*

Виктор Борисович — интересная и незаурядная личность... Он с душой и бескорыстно работал с молодыми исследователями. Более двух десятков молодых людей, работавших с ним, защитили диссертации, причем большинство под его непосредственным руководством. Он действительно вырастил плеяду крупнейших специалистов в области химической и радиохимической технологии.

Весь коллектив десятой лаборатории работал увлеченно, самоотверженно, с большим интересом и отдачей. Никто не почивал на лаврах, покоя не знал никто. Почти каждый день по телефону раздавалась знакомая фраза: «Алло, зайдите». Это значило, что Виктор Борисович либо заинтересовался результатами работы, либо надо было ожидать очередного поручения.

Благодаря организаторским качествам В.Б. Шевченко и чрезвычайно большому научному потенциалу созданного им творческого коллектива удалось за очень короткие сроки довести до внедрения разработки, выполненные лабораторией в области экстракционных технологий.

Евгений Гиткович. *Вот и меня он называл бюрократом*

После окончания МХТИ я работал в Обнинске, где лаборатория Шевченко проводила в «горячих камерах» отработку технологических процессов на укрупненных установках. Виктор Борисович

вич не принуждал поступать так, как считал только он: внимательно выслушивал ответственных за проведение работ, спорил, отстаивал свою точку зрения, но умел и признать ее ошибочность.

Впоследствии я пришел в шевченковскую лабораторию № 10, пройдя, естественно, «через его руки». Здесь постоянно проводились техсоветы, на которых обсуждались успехи и неудачи проведенных работ. Я много раз присутствовал на самых разных отраслевых семинарах, проводимых в институте, и могу засвидетельствовать: Виктор Борисович как инженер и руководитель пользовался колоссальным авторитетом. Все внимательно слушали его выступление или замечания, в которых всегда была неординарная мысль.

Чуть ли не ругательным у Шевченко было слово «бюрократ». Вот и меня он называл бюрократом. А почему? В 70-х годах в институте была принята балльная система оценки работы групп, и на основании этих баллов распределялась между сотрудниками премия. Когда я приходил к нему за подписью, он всегда спрашивал: «А это что, а это зачем?» — «Подписывайте, Виктор Борисович, все равно ничего не поймете, так надо, здесь все правильно». — «Бюрократ», — ворчал он и ставил свою подпись.

Виктор Борисович был, безусловно, прекрасным организатором: работая на промышленных предприятиях отрасли, он сумел поставить дело на должную высоту, работа его лаборатории отличалась достоверностью, разнообразием тематики. Без Виктора Борисовича наша Л-10 распалась на три, ибо руководить таким большим коллективом уже стало никому не под силу.

По прошествии стольких лет без шефа «старые» сотрудники, обсуждая ту или иную ситуацию, часто вспоминают Виктора Борисовича: «Разве могло быть такое при шефе?».

Евгений Дзекун. *Отказать ему было невозможно*

Моя трудовая деятельность началась в мае 1960 года на новом радиохимическом заводе «ДБ» теперешнего химического комбината «Маяк». В первые годы пришлось осваивать осадительную технологию, о которой мы ничего так и не узнали в институте. Однако уже в 1962-1963 годах руководство завода и комбината, в первую очередь директор «ДБ» М.В. Гладышев, который знал В.Б. Шевченко по работе с 1945 года, начали подготовку к внедрению на заводе более эффективной и современной экстракционно-сорбционной технологии. И вот тогда знания, полученные на лекциях Виктора Борисовича, оказались неоценимыми.

К этому времени персонал комбината уже имел определенный опыт в области экстракции. В качестве примера можно привести работы по аминной экстракции. Под руководством Виктора Борисовича и его сотрудника Владимира Сергеевича Шмидта в середине шестидесятых годов на свободных площадях завода «Дублер Б» была создана опытная установка, на которой был получен плутоний высокого качества. Одновременно (инициатива комбината) началось проектирование опытной установки для проверки начальных стадий выделения плутония из облученных урановых блоков методом экстракции с использованием трибутилфосфата. К этой работе были привлечены специалисты ВНИИНМ, ВНИИХТ и Радиевого института Академии наук СССР.

Трибутилфосфат как экстрагент сомнений не вызывал ни у кого, а вот разбавители предлагали разные, и каждый из руководителей поисковых коллективов (В.Б. Шевченко, Б.Н. Ласкорин, М.Ф. Пушленков) рьяно отстаивал именно свой вариант. До сих пор на заводе хранится рукописная «белая книга», в которую мною и моим коллегой Г.А. Лелюком вносилась информация, получаемая от специалистов институтов. Казалось, что дебатам по выбору разбавителя не будет конца. Тем не менее, мы видели, что каждый из руководителей, защищая свои предложения, очень внимательно и достаточно беспристрастно выслушивал мнения «оппонентов». Особенно характерно это было для Виктора Борисовича.

Для того, чтобы объективно выбрать наиболее приемлемый разбавитель, руководство завода предложило, и институты провели опробование технологических схем в «горячих» камерах лаборатории завода «ДБ» силами комплексных бригад из сотрудников институтов, ЦЗЛ комбината и завода. В результате был получен огромный объем информации и, самое главное, специалисты институтов, ЦЗЛ, завода сплотились в творческий коллектив, нацеленный на решение проблемы реконструкции завода «ДБ».

Хотя «в верхах» дебаты по выбору разбавителя не стихли, непосредственные исполнители достаточно быстро нашли общий язык между собой и сообща, в короткий срок решили вопрос. В конечном счете родилась уникальная экстракционно-сорбционная схема для выделения плутония, которая включала в себя один цикл экстракции и сорбционную очистку плутония и урана. По своим технико-экономическим показателям и затратам на реализацию в промышленных условиях она до сих пор не имеет аналогов в мире.

Надо отдать должное и научным руководителям, которые со временем стали выступать единым фронтом. В огромной степени этому способствовал Виктор Борисович, стремление которого к освоению всего нового, передового, от кого бы эти предложения не исходили, обеспечило прогресс в деле реконструкции завода «ДБ».

После цикла комплексных проверок на заводской опытно-промышленной установке, разработанная схема была успешно пущена 14 июня 1976г. Основные усилия Виктора Борисовича были сосредоточены на решении важнейшей проблемы — реконструкции завода по наработке оружейного плутония и создание завода по регенерации отработавшего ядерного топлива АЭС. Технологическую часть проекта успешно выполнил коллектив, которым руководил Шевченко.

А Виктор Борисович, считая сделанное пройденным этапом, уже был поглощен новой идеей — создать технологию и установки по изготовлению смешанного уран-плутониевого топлива. К сожалению, он не увидел воочию результатов этой работы.

Если подытожить, В.Б. Шевченко несомненно был высококлассным профессионалом. Ученый, инженер, он полностью отдавался делу, которым руководил. При этом, если возникали какие-то сложности, В.Б., зная окружавших его людей, даже не имевших прямого отношения к его работе, обращался к ним, рассказывая, что его волнует, всегда внимательно выслушивал мнение, предложения специалистов и даже привлекал их к своим работам.

Отказать ему было невозможно.

Борис Зильберман. *«Пусть работают... Я слово дал»*

Радиевый институт и ВНИИНМ традиционно и жестко конкурировали долгие годы в области экстракционной технологии переработки облученных ядерных материалов, а главами противоборствующих школ были Михаил Федорович Пушленков и Виктор Борисович Шевченко, которые относились друг к другу без симпатии, но с уважением. Поэтому мне, как активному и энергичному представителю ленинградской команды, довелось неоднократно слышать выступления В.Б. на различных заседаниях, но в личный контакт пришлось вступить лишь один раз на пару минут по поводу научно-исследовательских работ, проводившихся на заводе 235 ПО «Маяк». Однако этот разговор коренным образом повлиял на мою дальнейшую научную судьбу.

Осенью 1973 г., когда перспективы ядерной энергетики в СССР и связанной с ней радиохимической технологии представлялись захватывающими и безоблачными, возникла задача организации перспективных исследовательских работ для проектирования третьего пускового комплекса завода РТ-1 (которого нет по сей день и, очевидно, не будет никогда), и обе организации выдвинули в том или ином виде идею более компактной переработки ОЯТ АЭС на основе одноциклической технологии в линии урана.

Борис Васильевич Никипелов, который только стал заместителем главного инженера комбината, вызвал представителей обоих институтов для предварительного обсуждения этого вопроса. Так и встретились в его кабинете В.В. Ревякин в компании с В.И. Марченко от ВНИИНМ и я — от РИ (Радиевый институт. — *Сост.*). Каждый из нас затянул унылую песню о том, «кто पहले» и почему именно этой организации надо предоставить право...

Когда разговор пошел по третьему кругу, Борис Васильевич сказал нам, что вопрос слишком уж перспективный, чтобы по очереди проверять каждое из предложений и искать в них отличия, и посоветовал нам троим отобедать, а потом вернуться к нему с каким-либо конструктивным решением. За обедом разговор пошел менее формально, и мы быстро сошлись во мнении, что фронт работы очень большой, его хватило бы на всех. Поэтому, возвратившись к Б.В. Никипелову, мы кратко сообщили ему о нашей готовности доложить своему руководству о целесообразности объединения усилий и создания единой комплексной бригады для проведения испытаний на ПО «Маяк».

Организация работ продвигалась туго, и мы с В.В. Ревякиным решили попробовать свести наших шефов в необязывающей обстановке. Такая возможность представилась в феврале 1974 г. на закрытой отраслевой конференции «25 лет советского плутония», проходившей во ВНИИНМ и на которую от РИ поехали М.Ф. Пушленков и я. В обеденный перерыв и мы, и В.Б. Шевченко с В.В. Ревякиным вышли в фойе зала. Тогда по обе стороны от входной двери стояли два огромных черных кожаных кресла; в правое опустился В.Б., а в левое — М.Ф. Пушленков.

Нам с Ревякиным нужно каким-то образом инициировать разговор. Владимир предложил: «Переговори сначала сам с моим шефом, поскольку мои возможности исчерпаны и дело на грани срыва, а я прослыл чуть ли ни «изменником родины». Я подошел к В.Б. и спросил его, в чем его возражения против объединения

усилий, коль скоро это приветствует ПО «Маяк». В.Б. ответил, что он не против совместной работы, но каждый должен заниматься своим делом и отвечать за него, а коллективная работа — это безответственность, недопустимая в столь серьезном вопросе. Поэтому мы берем на себя экстракцию, сказал он, а вы берите на себя сорбцию, если она вам так нравится.

Тогда я спросил его: «У вас сейчас подготовка к пуску РТ, и вы держите на комбинате поочередно две больших бригады. Хватит ли у вас сил держать еще две бригады для круглосуточных экспериментальных работ на стенде, и могу ли я иметь возможность «влезть» на этот стенд со своими предложениями и бригадой, если возникнет пауза? Что будет с проигравшими, если выберут в итоге не Ваш вариант?». В.Б. как-то очень остро взглянул на меня и опустил на пару секунд голову, затем встал и медленно пошел к выходу; поднялся и М.Ф. В дверях эти два мощных мужика столкнулись как персонажи гоголевских «Мертвых душ», и В.Б. бросил на ходу: «Хрен с ними! Пусть попробуют, если им так хочется. Не все же нам... Мы всегда успеем...».

Мы с Владимиром быстро организовали работу на Комбинате совместно с ЦЗЛ и заводом, твердо сознавая, что не имеем права на ошибку. Поэтому мы, два достаточно амбициозных человека, спорили зачастую до хрипоты в гостинице, но не на людях, и если не могли договориться, то, прежде чем сделать окончательный выбор, проверяли, как условились с самого начала, оба варианта. В итоге истина, как всегда, оказывалась посередине или сбоку, и конечное решение уже не принадлежало никому лично ни в творческом, ни в инициативном плане. А спорить было о чем, поскольку еще до пуска первого комплекса РТ мы видели подводные камни, с которыми встретится (и впоследствии на деле встретилась) эта технология при эксплуатации в плане экологии, и изначально решили найти альтернативное решение.

Менее чем через год были найдены новые технологические решения для построения одноциклической технологической схемы, и директор завода хитрейший Михаил Васильевич Гладышев предложил нам: «Что вы копошитесь с модельными растворами, когда реальный исходный продукт появится на РТ года через три. Попробуйте пока на растворе облученных стандартных блоков (исходный материал для наработки оружейного плутония)». Мы охотно согласились, тем более что это поле деятельности — реконструкция действующего производства с переводом его на экстрак-

цию — было прочно оккупировано нашими коллегами из ВНИИХТ — В.Г. Фоменковым и А.К. Нардовой.

Вскоре были получены весьма впечатляющие результаты, и М.В. предложил объединить усилия всех трех институтов под эгидой завода в лице Г.А. Лелюка с участием ЦЗЛ (В.А. Боровинский) с тем, чтобы внести изменения в уже готовый рабочий проект реконструкции южной нитки здания 802, и готов был подключить к этому достаточно мощное КБ завода. Михаил Васильевич говорил, что с учетом наших отечественных темпов надо пользоваться моментом и внедрить в производство самые последние достижения, пока есть средства. Подспудно это было желание продемонстрировать более передовую технологию по сравнению с РТ, к разработке которой он отношения не имел, а к В.Б. Шевченко, стоявшему во главе этой программы, относился более чем сдержанно, в том числе и по личным мотивам. Вместе с тем, М.В. Гладышев пользовался огромным авторитетом, и ему разрешили этот беспрецедентный шаг под личную ответственность.

В.Б., как говорили, очень внимательно и позитивно относился к происходящему, не вмешиваясь в дела, и резко обрывал всех, кто предлагал ему «исправить» ситуацию. Фактически он закулисно оказывал весомую поддержку нашей партизанской деятельности, не претендуя на результат. Он постепенно вводил в работу руководителей других групп, хотя с ними кооперация складывалась труднее...

14 июня 1976г. был осуществлен пуск экстракционного отделения реконструированного производства, а в 1979-м — двух других отделений. Тем самым подытожено освоение новой технологии и появилась возможность вернуться к проблемам переработки ОЯТ АЭС под флагом задач третьего комплекса РТ. Но со всех сторон стали раздаваться голоса, что наша комплексная бригада выполнила свою задачу и может быть распущена.

Однако против этого выступили как М.В. Гладышев, так и В.Б., произнесший (по слухам): «Пусть работают, пока не завалятся; я слово дал», и исследования были возобновлены — сначала на модельных, а затем и на реальных растворах ОЯТ водо-водяного энергетического реактора. Они постепенно начали давать положительные результаты. Правда, понадобилось достаточно много времени, чтобы понять, как сказывается на, казалось бы, отработанных технологических режимах изменение концентраций элементов, накапливающихся вследствие роста выгорания ОЯТ при изменении типа облученного сырья.

...Шло время. Виктор Борисович скончался. С приключениями, но я приехал на панихиду, так как не мог не поклониться человеку, которому был, в моем понимании, многим обязан.

Остается еще раз отдать должное В.Б. Шевченко, который поддержал такой пионерский подход, в то время как технологические решения по другим узлам РТ-1 были адаптацией известных американских и/или французских разработок. Впрочем, глядя на его отношение к нашему неформальному научному коллективу, это не кажется странным. Поэтому я хотел бы еще раз выразить признательность этому большому во всех смыслах и очень непростому человеку, во многом определившему лицо отечественной радиохимической науки и промышленности.

Валентин Колтунов. *Он был талантливым технологом-практиком*

Заслуги Виктора Борисовича в области создания атомной бомбы и развития атомной энергетики хорошо известны. Несомненна его творческая, организаторская роль в решении этих задач. Вместе с тем профессор Шевченко никогда не претендовал на роль крупного ученого-теоретика и, если не ошибаюсь, всегда отвергал попытки представить его кандидатуру на соискание ученого звания члена-корреспондента Академии наук.

Однако, несомненно он был талантливым технологом-практиком, для него было характерно глубокое и всестороннее знание всех нюансов радиохимической технологии у нас и за рубежом. Можно специально отметить, как особенности склада ума Виктора Борисовича, технологическое чутье и предвидение, которые его почти никогда не подводили. Думаю, это не столько природный дар, сколько приобретенное опытом умение вовремя заметить пустые места, «дыры и огрехи» в сложном многостадийном и, казалось бы, благополучном технологическом процессе, каким является, например, экстракционный Пурекс-процесс.

Могу подтвердить сказанное вот чем. Известно, Шевченко бессменно, на протяжении трех десятилетий руководил разработкой технологии регенерации отработавшего ядерного топлива (ОЯТ). Однажды он обратил внимание на то, что в его лаборатории и в научных коллективах ряда других институтов подробно изучаются только вопросы закономерностей и механизма экстракционных равновесий в системах экстрагент – водный раствор актинидного или осколочного элемента, что, безусловно, необходимо для того, чтобы шел Пурекс-процесс. Вместе с тем, поче-

му-то остались без внимания ученых, не исследовались окислительно-восстановительные реакции урана, нептуния, плутония, ряда осколочных элементов, играющие не менее важную роль при переработке ОЯТ, чем собственно экстракция. Тут же последовало указание в мой адрес: отложить в сторону все другие темы НИР и заняться изучением кинетики окислительно-восстановительных реакций.

Так вот, начиная с 1960 года и по настоящее время, изучено более 150 реакций урана, нептуния, плутония, рутения, родия, технеция, гидразина, азотной и азотистой кислот и других окислительно-восстановительных реакций, имеющих непосредственное отношение к технологии переработки ОЯТ.

Характерная черта Виктора Борисовича как ученого и технолога — настойчивость, упорство и даже упрямство в достижении намеченной цели или в реализации принятого им решения. Он почти никогда не изменял своего мнения в разных вопросах организационного и технического характера. Помню его многолетний научный спор с другим корифеем атомной промышленности профессором С.М. Карпачевой по поводу выбора типа экстракционного оборудования для первого экстракционного завода (смесители-отстойники или колонны?). Жизнь показала, что оба ученых оказались правы: и на наших заводах, и на зарубежных предприятиях успешно используются и тот, и другой типы экстракционных аппаратов.

Эту черту характера Виктора Борисовича мы, его ученики и подчиненные, иногда использовали в своих целях. После первого категорического отрицания какой-либо нашей идеи (частного технического решения), которая, как мы считали, в действительности заслуживала внимания, надо было выждать какое-то время и вновь осторожно вернуться к ее обсуждению с шефом. Положительная реакция, которая иногда при этом следовала, говорила о том, что он не оставлял без внимания ни одно суждение, мнение подчиненных ему научных сотрудников.

Убежден, В.Б. Шевченко принадлежит к плеяде известных ученых, крупных специалистов в области атомной энергетики, создателей отечественного атомного оружия. Горжусь тем, что моя творческая жизнь на протяжении 30 лет была связана с именем Виктора Борисовича.

Борис Кондратьев. *«Ну, теперь держись!»*

Сотрудником Л-10 я стал в 1970 году после окончания МХТИ. В.Б. Шевченко сразу же произвел на меня сильное впечатление: это был мощный, седовласый, пожилой мужчина с пронизательным взглядом. Он спросил о моей дипломной работе и остался доволен: аналогичной темой занималась одна из его групп. Тут же позвонил ее руководителю И.Г. Слепченко: с тебя, говорит, бутылка коньяка (шутка).

В лаборатории была оригинальная структура — по группам, соответственно технологическому процессу, который изучался: начиная с растворения твэлов и кончая получением окислов. Позже я понял, что такой вариант — оптимальный при пуске завода РТ-1 по новой, экстракционной, технологии. В.Б. это предусмотрел, имея к тому времени громадный опыт работы на предприятиях.

Виктор Борисович часто проводил техсоветы, в которых участвовали не только доктора и кандидаты наук, но и молодые сотрудники. Для нас это была хорошая школа, здесь мы набирались научного опыта.

Однажды в период пуска завода РТ-1 я получил от В.Б. важное задание. Руководитель группы предупредил: «Ну, теперь держись!» Действительно, Шевченко в течение месяца почти каждый день интересовался результатами, заходил в рабочую комнату, что в общем-то было редкостью. Я привык к этим посещениям и удивился, когда он, а дело было в пятницу, не заглянул. Тогда я сам пошел к нему. Застал шефа в раздумьи. Оказывается, В.Б. сопоставлял полученные данные, и что-то его беспокоило. Мы долго, не меньше часа, обсуждали ситуацию. Если обычно Шевченко уходил вовремя, то в тот предвыходной день он не спешил: работа вызывала у него большой интерес...

Эта история имела неожиданное продолжение во время моей командировки на ПО «Маяк»: когда одна из работниц в присутствии сотрудников нашего института сообщила, что авторское свидетельство на изобретение по совместно выполненной работе «проходит» и с большим экономическим эффектом, В.Б. сказал: «Включайте не Шевченко, а вот его». И показал на меня. Я был на седьмом небе от такой похвалы.

Вообще, Виктор Борисович любил молодежь, ревностно следил, чтобы темы будущих диссертаций непременно имели практический выход. Он был рад, когда кто-либо из нас действовал инициативно, грамотно. Помню, как я переживал, принимая решение в однажды возникшей критической ситуации во время де-

журства на РТ-1. Решение оказалось правильным, и В.Б. это особо отметил.

Кое-кому даже казалось, что шеф, отдавая молодым предпочтение, не очень хорошо относится к «старикам». Нет же! Он очень ценил знания и опыт В.В. Ревякина, В.С. Смелова, И.В. Шилина... Но мог отчитать и доктора наук, если тот недорабатывал.

На мой взгляд, организаторский талант В.Б., если говорить об РТ-1, проявился в том, что он сумел «втиснуть» экстракционную технологию в уже имеющиеся объемы, разместить ее на реальных площадях. Благодаря этому удалось отказаться от осадительного процесса с вредными «хвостами».

В пусковой период он был с нами, лазил везде, не боялся облучиться...

Благодаря самоотверженной работе Шевченко и сотрудников под его руководством, завод РТ-1 пустили вовремя. Впоследствии на расширенном техсовете нашей Л-10 шеф всех поблагодарил. Но тут же предупредил: теперь лабораторию надо перепрофилировать, пора браться за новую тему. И он был ох как прав...

Владимир Ревякин. *Он был Шеф с большой буквы*

Виктор Борисович Шевченко... Организатор и первый директор нашего института, фигура яркая, в чем-то противоречивая, но бесконечно притягательная и интересная как для друзей, так и недругов (хватало и тех, и других). Человек, ставший для многих уже легендой, историей...

Так какой же он был на самом деле? Ответить на этот вопрос очень непросто. Мне кажется, что Виктор Борисович по натуре был все-таки «закрытым» человеком и приоткрывался не всегда и не всем. Отсюда — бросавшееся в глаза несоответствие между отношением к нему его сотрудников и людей из внешних, так сказать, сфер. Оговорюсь, в этих «внешних сферах» было немало людей, уважавших и искренне симпатизировавших Шевченко. И все же часто спрашивали с недоумением: «Ну как, мол, вы можете работать с таким?..» Далее следовали такие эпитеты и характеристики, что оставалось только удивляться. Из этого примера видно, что у каждого, кто его знал, сложился, скорее всего, свой портрет Шевченко.

За 30 лет общения с ним (учеба в МХТИ, работа) нарисовался такой портрет и у меня. Попробую о нем рассказать.

Защитив диплом, я не без непосредственного участия Виктора Борисовича пришел в НИИ-9. Он лично принимал меня на рабо-

ту. Это было правилом: вся поступающая в радиохимический отдел молодежь проходила «через его руки».

С тех пор, и до дня кончины В.Б. Шевченко, я работал под его началом. В связи с этим и воспоминания мои носят очень личный и даже пристрастный характер.

Мне кажется, что Виктор Борисович наиболее полно реализовался именно как начальник лаборатории, когда он непосредственно руководил всеми радиохимическими технологическими разработками. Наверное, он был не самым плохим организатором, если сумел «поднять» такой институт, но я никогда не слышал ни тени обиды с его стороны по поводу перевода с поста директора института на должность начальника отдела, а потом — лаборатории.

Мне (и многим другим, знаю это твердо) работать у Шевченко было, может быть, трудно, но крайне интересно. Такое восприятие определялось той атмосферой, которую он создал и много лет культивировал. Его отличало какое-то особое умение поддерживать в коллективе (а лаборатория была гигантская, 83 человека, направлений исследований много) достаточно напряженный темп, создавать ощущение важности, нужности дела, которым мы заняты. Редкостью был день, когда в его кабинете не обсуждались какие-либо предложения, его ли собственные или сотрудников, или чьи-то результаты, или перспективы работы. Тем самым обеспечивалась широчайшая гласность всей работы лаборатории. Эти обсуждения отнюдь не были розово-голубыми, иногда обстановка накалялась основательно. Но вот что любопытно — все эти схватки «на ковре» у шефа почти никогда не отражались на личных взаимоотношениях «борцов». Мы все настолько привыкли к такой атмосфере, к такому стилю, что день, проходивший без телефонного звонка со ставшей знаменитой фразой «Алло, зайдите!», казался каким-то неполноценным, хотя мы и ворчали, и поругивались, что вот мол черт возьми, работать не дает, вечно ему что-то надо. А теперь ясно, что надо-то было не только ему, но и нам. Только Виктор Борисович об этом знал, а мы не все...

Но, конечно, не эти привлекательные формы работы были определяющими. В.Б. отличала какая-то постоянная неуспокоенность, неумное стремление к новому, передовому. С какой последовательностью, масштабностью развивал он исследования, касающиеся экстракции урана, плутония, конструкций центробежных экстракторов, электрохимических методов в технологии.

В.Б. по большей части принимал на себя техническую сторону проблемы. И нам такой подход очень нравился. Вот иногда говорят, что Шевченко не был ученым. Да, возможно, он не выглядел таковым в широком понимании этого слова, но то, что он был крупным *инженером* с колоссальным чутьем на то, что будет нужно сегодня, завтра, послезавтра, — вне всякого сомнения.

Главные достижения В.Б. в области радиохимии — это, безусловно, тот большой вклад, который внес лично он и возглавляемые им коллективы в разработку технологии, пуск и освоение промышленных производств «утилизации» стандартных блоков и твэлов. Для решения множества задач, связанных с этими производствами, по инициативе и под непосредственным руководством Шевченко была создана мощная экспериментальная база в виде установок № 5 в институте, Б-3 на комбинате «Маяк», установки «Р» в ФЭИ с использованием экстракционных колонн, а затем целой серии стендов в «горячих» камерах ПО «Маяк» и ФЭИ с использованием смесительно-отстойных и центробежных аппаратов.

Такое стендовое обеспечение позволило в кратчайшие сроки осуществлять переход от пробирочных экспериментов к отработке процессов в условиях, приближенных к производственным. Было получено огромное количество информации, необходимой как для совершенствования самой технологии и оборудования, так и для правильного выбора направлений исследований и стартовых позиций в газоочистке, переработке отходов, аналитическом обеспечении, автоматизации, в проектировании...

В результате таких комплексных действий были найдены эффективные технологические решения, позволившие во многом не только догнать, но и превзойти показатели аналогичных зарубежных производств. Душой и двигателем всех этих дел был шеф с его огромным техническим кругозором и опытом, удивительным инженерным чутьем, даром убеждения.

Не подлежит никакому сомнению и то, что Виктор Борисович буквально до последнего дня жизни сохранял все составляющие своего таланта: предвидение, широту взглядов, способность работать на полную мощь. Я вспоминаю, как незадолго до смерти, провожая меня в очередную командировку, после которой я его больше не видел, Виктор Борисович сказал об одной из наших тогдашних работ: «Давайте закругляться со стандартными блоками. Это уже дело вчерашнего дня». Он думал о будущем! Виктор Борисович никогда не считал себя «бывшим» человеком, смотрел

далеко вперед и пытался найти новые перспективные направления работ для лаборатории и института.

А как он любил устраивать разборки — «междусобойчики» при обсуждении каких-то итогов наших исследований, порой даже специально провоцируя азартный уровень полемики. Иногда даже казалось, что, наблюдая как мы «петушимся», насканиваем друг на друга, он от удовольствия под столом потирает руки. Тем не менее, вовремя умел погасить страсти, когда они заходили уж слишком далеко. А такое бывало...

В работе Виктор Борисович был очень увлекающимся человеком, радовался каждому, пусть даже небольшому шагу вперед, будь то в технологии, оборудовании или контроле и автоматизации процессов. Тут же устраивались публичные обсуждения с привлечением широкого круга специалистов. Поэтому общая картина с состоянием дел по всем вопросам, связанным с будущими производствами, постоянно была на виду. Честно говоря, не знаю, был ли В.Б. официальным руководителем-координатором всех проблем будущих заводов, но фактически он таковым являлся.

Надо отметить, что все основные работы нашей лаборатории получили выход в промышленность, а это говорит не только о точности выбора направлений, но и о точности подбора и расстановки людей.

Виктор Борисович прекрасно понимал, что для решения поставленных задач нужна квалифицированная и надежная команда. И он ее терпеливо, кропотливо и постоянно создавал. Он внимательно присматривался к каждому сотруднику. А наиважнейший критерий у него был один — бездельник или нет. Правда, надо заметить, что такая публика у него практически не задерживалась — они как-то тихо и быстро «испарялись», поняв, по-видимому, что попали не туда.

Но уж если товарищ, так сказать, соответствовал, то перед ним открывались самые широкие возможности самостоятельной работы и профессионального роста. Не гнушался шеф и переманиванием понравившихся ему людей. Так, постепенно, была создана сильная команда единомышленников, которая его в итоге не подвела. Этих людей было много, но в первую очередь надо вспомнить о тех, кого, к сожалению, среди нас уже нет: это Владимир Сергеевич Шмидт, Натан Соломонович Повицкий, Илья Васильевич Шилин, Алексей Сергеевич Соловкин, Сергей Александрович Заколупин и многие, многие другие...

В этой связи вспоминается разговор с одним из начальников лаборатории. Так вот, признавая большие заслуги лаборатории Шевченко, он считал, что Виктору Борисовичу просто повезло, потому что у него очень сильные «ребята». Что же, мне кажется, этот товарищ прав, да только перепутал причину и следствие. Свою «команду» Виктор Борисович создавал сам, проявляя при этом и мудрость, и такт, и терпение. И надо сказать, почти никогда не ошибался в выборе. Как же он достигал успеха в этом крайне сложном деле, почему рядом с ним люди росли?

Думаю, что главным здесь было доверие. Не то формальное доверие, которое определяется пунктами должностной инструкции, а то, что зиждется на вере в силы, способности своих подчиненных. Нет, давая самостоятельность, поощряя ее, Виктор Борисович не выпускал из рук управление всеми делами лаборатории. Но за счет чего?!

Он стремился досконально знать предмет, которым занимался коллектив. Не для того, чтобы мелочно опекать сотрудников, навязывать свое мнение, а творчески участвовать во всех разработках, в их обсуждениях, в спорах, наконец.

Шеф очень заботился о самом тесном взаимодействии своих сотрудников с производством. Поэтому у нас практически беспрерывно на заводах отрабатывались какие-то моменты будущих технологических процессов. Такое положение дел было полезным со всех точек зрения. Во-первых, что чрезвычайно важно, эти разработки осуществлялись совместно с комбинатом и, следовательно, воспринимались на производстве проще и естественнее, не как нечто навязанное извне.

Ну и, конечно, создавались замечательные возможности для обкатки молодых ребят. У шефа прямо зуд был какой-то — не успевал в лаборатории появиться юный товарищ, как В.Б. немедленно начинал искать возможности «засунуть» его в какую-нибудь командировку. Как-то случился в наших экспериментальных делах на заводе перерыв, подбивали итоги, готовился отчет. Как раз по отчету собрался я поехать на 235-й завод. А в это время у нас появился молодой «менделеевец». Вызывает шеф: «Возьмите его с собой». — «Виктор Борисович, так ведь делать сейчас там нечего, а я буду заниматься только бумагами». — «Все равно возьмите, покажите завод, познакомьте с людьми, пусть привыкает!»

И он был прав. Частое общение с производственниками, совместные работы — вот что способствовало формированию единых подходов, единых взглядов на будущую реконструкцию. Это

нам потом здорово помогло при пуске и освоении нового производства. Кстати, в период разработки экстракционной технологии для стандартных блоков В.Б. продемонстрировал и государственный подход, и широту взглядов в отношении организации работы и в чисто технологических вопросах. В частности, убедившись, что это на пользу дела, он вполне лояльно отнесся к объединению сил трех институтов (ВНИИНМ, Радиевого института АН СССР, ВНИИХТ) и проявил полное доверие к нам, разработчикам, поддержав (вместе с директором завода М.В. Гладышевым) вариант схемы, представлявшийся некоторым авантюрным. Жизнь доказала нашу общую правоту.

Что скрывать, отношение к Виктору Борисовичу как внутри института, так и вне его было неоднозначным, но, присутствуя на самых разных совещаниях, я ощущал тот колоссальнейший авторитет, которым он пользовался как специалист. И сторонники, и недоброжелатели с одинаковым вниманием слушали выступления Шевченко, поскольку в них всегда содержалась какая-то «изюминка».

Немаловажным было также то, что шеф умел быть выше мелочей, личных симпатий и антипатий. Во всяком случае, эти чувства никогда не были определяющими при оценке им своих сотрудников. А как он искренне радовался, гордился, когда у кого-то из нас (в особенности у молодых) рождалось удачное решение, предложение. В таких случаях Виктор Борисович допускал слабость — любил похвастать своими «орлами».

Он прямо-таки болезненно ненавидел бюрократические методы руководства, бумаготворчество. Эту работу он старался спихивать на своих заместителей и сотрудников (из тех, кто поддавался). Категорически отвергал всякого рода показуху. По этому поводу запомнился эпизод. Много лет назад на установке № 5 решили встать «в ногу с веком» и оснастить ее элементами автоматической системы управления. А надо сказать, что каждый опыт на установке готовился долго и был буквально на вес золота. Имевшаяся же тогда в наличии автоматика была весьма примитивна. Пришел шеф, посмотрел на все это хозяйство, коротко приказал: «Убрать!» И почти всеми был правильно понят. Рисковать качеством технологического эксперимента было нельзя, а для отработки методов автоматизации нужно было, вероятно, выбрать другое место. Одним словом, он был для нас Лидер, вокруг которого мы все вращались словно спутники. И насколько я понимаю, такое положение дел никого не угнетало. Признавая его громадный автори-

тет (а меру его не создавал сам Шевченко и, к сожалению, почти никогда не использовал его), мы тем не менее имели все возможности для самовыражения. С ним можно было спорить, не соглашаться, не опасаясь дурных последствий.

Надо сказать, Виктор Борисович был исключительно деликатным человеком, и проявлялось это во всех его поступках. Он не умел держать камень за пазухой и бросать его в чей-либо огород, никогда не присваивал себе чужих заслуг.

Если подытожить все хорошее и значительное, что сделал Шевченко, могу сказать: этот замечательный человек был настоящим Шефом. Кстати, это слово никогда не сочетается с серостью и посредственностью...

Вспоминая Виктора Борисовича, я думаю о том, как мы храним память о тех, кого уже нет с нами. Мне кажется, что не всегда это у нас получается. Речь не только о том, что мы недооценили вклад Виктора Борисовича Шевченко в историю института или в развитие радиохимии. Мы, его ученики и коллеги, понимаем весь масштаб личности В.Б. Шевченко, но, вместе с тем, хотелось бы, чтобы о нем знало наше молодое поколение. Что можно сделать для этого? Наверное, хотя бы просто собрать все, что сказано и написано об этом человеке. Ведь уходит время, уходят люди и вместе с ними уходит память... А мы не имеем права этого допустить!

Юрий Ростовцев. *О ходе работ по РТ-1 Шевченко докладывал в ЦК*

Я пришел в институт, когда он назывался НИИ Главгорстроя, чаще его называли НИИ-9 или просто «девятка». Работал в металлургическом отделе, в лаборатории, которая занималась разработкой тепловыделяющих элементов (ТВЭЛОВ), в частности для ядерных реакторов атомных подводных лодок (АПЛ).

Все мы, естественно, знали, что в институте работает немало выдающихся ученых, которых мы видели на различных партийных, профсоюзных собраниях, научных конференциях. Среди них и Виктор Борисович Шевченко, бывший директор института, к которому все относились с огромным уважением.

Вскоре мне по работе пришлось познакомиться с В.Б. и его сотрудниками. Дело в том, что по составу технического проекта ТВЭЛА разработчик (наш институт) был обязан включать раздел по переработке ТВЭЛОВ с целью извлечения из отработавшего топлива урана и плутония для их вторичного использования. Эту технологию и разрабатывала лаборатория В.Б. Шевченко.

Что касается твэлов для реактора АПЛ, то состав топлива представлял собой сложный сплав и разработка технологии переработки была сопряжена с немалыми трудностями. Мы, разработчики, передавали лаборатории № 10 всю необходимую информацию по материалам, конструкции и технологии изготовления твэлов. А поскольку планировалось построить немалое количество атомных подводных лодок, было принято решение создать завод РТ-1.

Вот тогда-то я ближе познакомился с В.Б. Шевченко и, особенно, когда я стал секретарем парткома. Работа по РТ-1 проводилась по Постановлению и, естественно, под контролем оборонного отдела ЦК КПСС. В связи с этим неоднократно В.Б. Шевченко и секретаря парткома вызывали вместе с представителями других организаций, участвующих в проекте, для очередного отчета по созданию завода РТ-1. Работа шла трудно. Зав. сектором ЦК В.Ф. Гордеев довольно остро ставил вопросы. Как правило, присутствующие на совещании «выдвигали» для отчета В.Б. Шевченко, говорили: «Ты — москвич, тебе докладывать «удобно». Надо сказать, В.Б. на совещания держался с достоинством, докладывал обстоятельно, досконально знал все вопросы, многое брал на себя, чем вызывал уважение и благодарность присутствующих. Ведь в стенах ЦК многие чувствовали себя неуютно.

Олег Старков. *«Ежедневно возникали сложности»*

На монтаже установки «Р» — это прототип будущего завода РТ-1, в основу которого положена экстракционная технология переработки облученного топлива и выделения актиноидов, в первую очередь плутония — я увидел, как вместе с нами, специалистами ФЭИ, слаженно работает «команда Шевченко» — Соловкин, Климов, Чубуков, Ревякин и др...

Это было напряженное, плодотворное время. На головном переделе отрабатывали технологию измельчения твэлов. Исходный материал — реальные образцы. Одновременно в соседних камерах монтировали экстракционные колонки. Конструкторы на месте вносили изменения в чертежи аффинажных тяжелых боксов. Внешне весь комплекс «горячих» радиохимических камер напоминал муравейник: монтажники, сварщики, электрики, технологи, химики-аналитики, химики-технологи... У каждой группы свой лексикон, каждая решала свою практическую задачу. Казалось, мы никогда не разберемся в этой сутолоке, но постепенно, поэтапно вводили один участок за другим.

Ежедневно возникали сложности: то заело транспортную межкамерную тележку, то «медузы» заполнили экстракционные колонки... При испытаниях начала выходить из строя новая гидравлическая дистанционная система регулирующих и запорных вентилей с использованием сильфонов. Только-только успели выяснить причину, как очередная проблема — рвутся сильфоны в камерах. И опять — срочные изменения в конструкции, изготовление новых штурвальчиков для операторских. Возникали и аварийные ситуации...

Сам Виктор Борисович бывал не часто, но связь между ним и его ответственными помощниками была надежная, и они оперативно согласовывали тот или иной «маневр», особенно когда настало время пуско-наладки. Сказалось, конечно, умение Шевченко организовать дело так, чтобы оно шло успешно не только непосредственно при нем.

Людмила Федотова. *Ему, наверное, трудно было*

Не совсем правы те, кто говорит, будто В.Б. плохо относился к старым, по возрасту, сотрудникам. Он недолго любил только тех, у кого были интересы, не связанные с тематикой десятой лаборатории. А еще тех, от кого толку не было, отдачи, хотя вроде бы занимались делом.

Знаю, ему наушничали. Докладывали сплетни. Но он никогда нигде не обмолвился, не использовал «информацию» в корыстных целях.

Иногда, к сожалению, игнорирование любой тематики, которая ему казалась помехой в делах, приобретало обидный характер. Ведь отказывал не по существу! Помню, собралась докладывать в Министерстве о своих исследованиях. А он: «Вы не поедете. Незачем это». Но я все-таки нарушила запрет. И в итоге мое направление оказалось полезным.

Ему, наверное, трудно было. Металлург — и в радиохимию. Но он много над собой работал. Очень...

Ученый, исследователь

Владимир Анисимов, Владислав Павлович. *Это было одно, общее дело*

Наша лаборатория, в настоящее время занимающаяся разработкой радиофармпрепаратов (РФП) для медицинских целей, возникла в «горячей» лаборатории (ГЛ) Физико-энергетического института в 1957 году на базе установки «Р», которая была создана для разработки технологии регенерации облученного ядерного топлива атомных станций.

Установка «Р» была в кратчайшие сроки спроектирована и смонтирована в пяти «горячих» камерах здания ГЛ ФЭИ, и уже в 1960 году в ней начались работы по регенерации облученного топлива Первой в мире АЭС, началась опытная переработка твэлов реактора АМ. Научным руководителем проблемы регенерации облученного ядерного горючего явился НИИ-9 (ВНИИНМ), конкретно — В.Б. Шевченко. Причем контакты персонала нашей лаборатории с Виктором Борисовичем и его сотрудниками (60-е — начало 80-х годов) были наиболее тесными и плодотворными.

Главный способ регенерации, который изучался коллективом, — экстракционный, с использованием ТБФ в легком разбавителе (синтин, додекан, РЭД-1 и т.д.). В процессе работы установки «Р» постоянно проводилась модернизация оборудования «горячих» камер, в результате чего жесткая «металлическая» схема обвязки аппаратов была заменена пилотной схемой на гибких линиях, заменены практически все аппараты, экстракторы, дозирующие устройства. Такая модернизация с переходом на эжекционно-струйные пульсирующие смесители-отстойники позволяла проводить работы с разным по составу и выгоранию топливом, исследовать различные технологические схемы регенерации, отрабатывать технологические операции на реальном облученном материале в количестве нескольких килограммов.

Это было одно, общее дело двух коллективов, где идейным вдохновителем и организатором являлся, без какого-либо преувеличения, В.Б. Шевченко. Все сотрудники, кто работал в то время и контактировал с Виктором Борисовичем, отмечают его доброе, ровное, уважительное отношение.

Мы, как говорится, платили ему тем же. Особенно ценя, что в период проведения опытов Шевченко практически всегда присутствовал на рабочих местах, в операторских и рабочих помещени-

ях, в аналитической группе, в радиометрической лаборатории. Мы, например, хорошо помним, как он в течение нескольких часов наблюдал через смотровую систему процесс увеличения количества «медуз» (межфазных образований) на границе раздела органической и водной фаз в смесителе-отстойнике. Это поведение очень характерно для В.Б.

Так же было и на заводе № 25 комбината «Маяк», когда отдельные группы сотрудников ФЭИ и ВНИИНМ разрабатывали в заводской лаборатории каждую свою осадительную технологию извлечения америция-241 из концентрата под соответствующим заводским номером.

В.Б. Шевченко всегда старался лично убедиться в том, что сделано и как это выглядит с точки зрения применимости в заводских условиях.

Совместная работа с коллективом, которым руководил Шевченко, общение лично с ним позволили постепенно наращивать квалификацию персонала, отточить технику выполнения сложных экспериментов, совершенствовать методы анализа. И нашей лаборатории стали посильны задачи по любым направлениям радиохимических проектов.

Игорь Головин. *Он смело глядел в будущее*

В 1955 году Виктор Борисович, уже будучи профессором и доктором технических наук, возглавил лабораторию № 10, приступив к решению очередной важнейшей проблемы, поставленной перед институтом и отказавшись от должности начальника отдела. Идея необходимости создания крупномасштабной промышленной переработки отработавшего реакторного топлива энергетических ядерных установок с целью возвращения в топливный цикл вторичного (оборотного) ядерного горючего и неиспользованного урана увлекла Шевченко ещё в начале 50-х годов, а теперь просто поглотила его.

В течение 25 лет руководства лабораторией В.Б. сделал исключительно много для развития одного из основных разделов ядерной энергетики. Он целиком сконцентрировался на создании первого в стране радиохимического производства переработки отработавших твэлов и регенерации ядерного топлива. Создание и пуск в стране этого завода (РТ-1) стало крупнейшим технологическим прорывом с большим будущим. Реально была подтверждена возможность замыкания ядерного топливного цикла с вовлечением в него реакторов на быстрых нейтронах.

Мы видели, знали, что Виктор Борисович предельно, просто фантастически, увлечен технологией регенерации. Он постоянно был готов обсуждать сущность и возможные пути дальнейшего совершенствования и развития процессов оптимальной переработки топлива, обращения с радиоактивными отходами, хранения, обезвреживания, захоронения, понимая, что развитие этих технологий является основой становления полномасштабной ядерной энергетики с долгосрочным топливообеспечением. К этому времени уже серьезно заявили о себе ядерные экономические и экологические аспекты решения крупных промышленных производств регенерации отработавшего топлива. Усилия В.Б. Шевченко были направлены к тому, чтобы максимально полно дать возможность использовать опыт создания и ввода в эксплуатацию завода РТ-1 с целью создания будущего совершенного радиохимического перерабатывающего завода РТ-2 и хранилища отработавшего ядерного топлива. Строительство последнего уже практически началось на комбинате в Красноярском крае.

Мои непосредственные контакты с Виктором Борисовичем начались после 1955 года, когда, возвратившись с ПО «Маяк», я начал серьезно заниматься тепловыделяющими элементами ядерных энергетических реакторов. Сначала возникали частные, а впоследствии более широкие обсуждения: выбор материалов, конструкционных и топливных (ставилась задача максимально оптимизировать процесс переработки облученного топлива), выбор типа и технологии изготовления топливного материала, возвращаемого в топливный цикл (включая МОКС-топливо, получаемое химическим соосаждением, механическим смешением), степень очистки возвращаемого продукта и др.

Виктор Борисович был слегка резковатым, настойчивым и очень не любил прерывать разговор с собеседником, не изложив полностью своих представлений, хотя и понимал, что договориться до конца сразу, без промежуточных оценок, вряд ли кому удастся. Во всяком случае, стремился высказать все как можно полнее, без каких-либо неуважительных эмоций. Это был ученый, профессионал с волевым характером и значимой настойчивостью.

Вспоминаю, как при моей защите докторской диссертации, касающейся разработки и внедрения в промышленное производство твэлов энергетических реакторов на быстрых нейтронах, Виктор Борисович засыпал меня, соискателя, градом вопросов: он хотел выяснить, учтены ли во внедренных процессах технологические, экономические и экологические требования, которые

необходимо соблюдать при переработке облученного топлива. Председателю Ученого специализированного совета А.А. Бочвару с большим трудом удалось оторвать маститого профессора от ошалевшего и уставшего отвечать соискателя, тем более, что среди вопросов были и такие, которые до сих пор не имеют достаточно ясных ответов.

Хочу непременно отметить исключительно ответственное отношение Виктора Борисовича к расстановке и воспитанию сотрудников, занятых инженерными и исследовательскими работами, к воспитанию понимания необходимости оптимального технологического обеспечения создаваемых, отрабатываемых химических процессов. Свой опыт он щедро передавал студентам МХТИ, преподавателем которого оставался до конца жизни. Немало сил потратил Шевченко, чтобы добиться более широкой публикации сведений из своей области знаний. Исключительно большую пользу принес В.Б., участвуя в создании учебников, где излагалась вся система знаний о добыче урановых руд, их подготовке, измельчении, обогащении, о процессах извлечения и очистки урана и плутония из отработавших твэлов (осадительных, сорбционных, экстракционных и др.) и требованиях при обезвреживании и захоронении радиоактивных отходов.

Иван Заславский. *"Вперед! И только вперед!"*

Определяя тему моей кандидатской диссертации, Виктор Борисович неоднократно повторял: "Надо думать, работать, делать, созидать, чтобы Родина-мать была довольна!"

Он требовал главного — добиться ощутимого технологического и экономического результата. Всячески старался расширить кругозор своего подопечного, углубить его спецзнания. Для этого оформлялись многочисленные командировки по "закрытым" и другим городам, организовывались встречи и беседы с известными и трудно достигаемыми учеными, специалистами. Шевченко предоставлял широкие возможности проверить новые технологические схемы, узлы предполагаемого агрегата для переработки спецматериалов.

После успешной защиты диссертации Ученый совет НИИ-9 под председательством академика А.А. Бочвара дал высокую оценку и научному руководителю соискателя: ведь экономический эффект от внедрения предложенной технологии мог составить более 20 миллионов рублей. И Виктор Борисович в который раз повторил: "Вперед! И только вперед!"

Отличительная черта Шевченко — огромное доверие к сотрудникам, которых он уже проверил на работе. Он поручал им самые ответственные и сложные дела. В этом я убедился и на собственном примере (участие в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк», назначение главным инженером на У-5, рекомендация-направление на завод «Медрадиопрепарат» директором и др.).

Виктор Землянухин. *Его главное дело*

Я хочу сказать, что Виктор Борисович не падал духом, если какие-то технологические схемы по той или иной причине были аннулированы. Вспомните, например, историю с 12-м отделением на радиохимическом заводе «Б» ПО «Маяк».

Этот завод пускался по осадительной ацетатно-лантан-фторидной схеме. Одновременно была запроектирована и задействована эфирная очистка концентрата плутония, образующегося после цикла ацетатных осаджений. Заметьте, при использовании экстракции диэтиловым эфиром были получены более высокие показатели по очистке плутония от макро- и микропримесей, чем по осадительной технологии.

В.Б. Шевченко и З.В. Ершова решили усовершенствовать процесс и, пригласив профессора Макса Фольмера, поставили перед ним очередную задачу — разработать цельно экстракционную схему переработки облученного урана для выделения плутония с применением диэтилового эфира. Успех исследований предопределил проектирование и строительство на заводе «Б» опытной установки, оборудованной новыми на то время центробежными экстракторами.

Но... отделение закрыли — из-за взрывоопасности диэтилового эфира.

А разве не поучительна организация исследований с трибутилфосфатом — эффективным экстрагентом для радиохимических производств? Выделение с его помощью плутония изучалось в НИИ-9 и других организациях еще до сообщений зарубежных специалистов на Международной конференции (Женева, 1955г.). Новая информация способствовала широкому развертыванию исследований в этом направлении.

В.Б. Шевченко, освободившись от больших управленческих нагрузок, направил свой организационный и технологический талант на создание экстракционной технологии (вновь задействована У-5) с применением трибутилфосфата и углеводородного раз-

бавителя — для переработки стандартных блоков и отработавшего топлива энергетических реакторов.

Хочется отметить дружное взаимодействие сотрудников комплексной бригады НИИ-9, Радиевого института, ЦЗЛ ПО «Маяк» (1956-1957 годы). На созданной в короткие сроки в «горячей» камере ЦЗЛ экстракционной установке были определены основные технологические показатели этого экстракционного процесса применительно к реальным растворам облученного урана.

В 1958-1962 годах под руководством В.Б. Шевченко прошли широкие испытания (опытно-промышленная установка Б-3) экстракционной технологии переработки стандартных урановых блоков. Из-за сложности реализации предложенной технологии потребовалось провести новый цикл исследований в «горячих» камерах ПО «Маяк».

В результате хорошо организованной совместной творческой работы специалистов ПО «Маяк», ВНИИНМ, Радиевого института, ВНИИХТ была создана (1976-1979 годы) компактная экстракционно-сорбционная схема радиохимического извлечения плутония из облученных стандартных блоков. Эту технологию сначала освоил ПО «Маяк», а затем другие радиохимические заводы.

Две разработки отмечены Государственными премиями СССР.

Конечно, главное дело В.Б. — разработка этой технологии на заводе РТ-1. И в том, и в других случаях чуть ли не главным двигателем была целеустремленность Шевченко, энергичная поддержка им научных исследований.

Он способствовал созданию духа творчества, концентрации усилий на поиске кратчайшего пути к поставленной цели. В то же время В.Б. отличался широтой взглядов, что помогало успешно решать отдельные, порой частные задачи, от которых, однако, зависело все дело.

Эти качества в сумме характеризуют личность Виктора Борисовича как незаурядную; они — основа, определившая тот большой вклад, который принадлежит лично ему в создании и развитии радиохимических производств, в доведении результатов исследований до промышленной стадии.

Этвальд Ненарокомов. *Главный принцип Виктора Борисовича*
Девятнадцатого декабря 1955 года комиссия во главе с Виктором Борисовичем приняла у меня дипломную работу, а через

10 дней я был зачислен в кадры его лаборатории. В то время Л-10 под руководством Шевченко решала главную научную задачу — разрабатывала технологию получения оружейного плутония из стандартных блоков экстракционным методом. Практически все сотрудники, и я тоже, были заняты решением отдельных вопросов этой проблемы.

Очень скоро мне пришлось познакомиться с главным принципом Виктора Борисовича по воспитанию молодых специалистов. Уже в марте 1956 года я был отправлен с самостоятельной задачей на наш основной радиохимический объект — в Челябинск-40 (ныне г. Озерск). Как показала жизнь, этот принцип быстро приводил к желаемому результату. Кто был способен, вскоре обретал самостоятельность, выбирал направление (конечно, под контролем Шевченко) своей научной деятельности и пользовался полным доверием В.Б.

Еще будучи довольно молодыми людьми (25-27 лет), мы участвовали в различных научных совещаниях, где бок о бок с маститыми корифеями отрасли решали вопросы, связанные с радиохимической технологией. Да, не все проходили благополучно такую систему воспитания, и в таком случае, даже после защиты кандидатской диссертации, Виктор Борисович вызывал к себе «неудачников» и открыто говорил им, что у них нет перспектив для роста в его лаборатории. Как правило, такие сотрудники переходили в смежные лаборатории, некоторые из них даже добивались определенных карьерных успехов, но никто из них так и не проявил себя самостоятельным ученым.

Виктор Борисович, пройдя специфическую и насыщенную событиями жизнь в Норильске и Балхаше, обладал безошибочным чутьем на людей, не забывал никогда, что «кадры решают всё». Воспитанные им научные кадры помогли В.Б. успешно справиться с первой поставленной задачей — создать производство извлечения оружейного плутония из стандартных блоков экстракционным методом.

В конце пятидесятых годов прошлого века, после пуска Обнинской АЭС возникла проблема регенерации урана и плутония из отработавших тепловыделяющих элементов ядерных энергетических реакторов и реакторов исследовательского и специального назначения. Перед лабораторией Шевченко была поставлена вторая важная задача — разработать технологию «утилизации» отработавших твэлов с целью извлечения урана, плутония и других ценных компонентов с использованием экстракционных методов.

Эти исследования проводились с учетом уже накопленного научного потенциала, но в этой технологии были свои специфические трудности как на экстракционных переделах — из-за сложного солевого состава растворов, так и, особенно, на стадиях подготовки ОЯТ к переработке и его растворения.

Сначала в лаборатории этой проблемой занималась небольшая группа сотрудников, но с приближением к пуску завода РТ-1 к актуальной проблеме подключили уже основную часть сотрудников. Решению этой проблемы В.Б. подчинил все. В частности, после ухода с поста первого заместителя министра МСМ Чурина А.И. в «верхах» рассматривали вопрос о том, чтобы назначить на этот пост Шевченко. Однако после небольшого раздумья он отказался от заманчивого предложения, отдав предпочтение задаче — дать жизнь заводу РТ-1.

В 1976-м, весной, В.Б. сформировал пусковые бригады, приказом по институту были назначены (по рекомендации Шевченко) научные руководители работ на отдельных участках. Сам он возглавил многочисленный коллектив «пускатей», обеспечивая слаженность действий всех его звеньев.

Для меня очевидно: завод РТ-1 останется вечным памятником научной деятельности В.Б. Шевченко.

При участии В.Б. в лаборатории достигнуты положительные результаты и по другим направлениям — экстракционный метод извлечения нужных компонентов из брака и отходов производства твэлов, получение промышленной партии урана-233, разработка технологии переработки ядерного топлива быстрых реакторов, создание центробежных экстракторов и многое другое. Но все же важнейшими задачами, которым В.Б. уделял особое внимание, были создание экстракционных технологий «переработки» стандартных блоков и отработавших твэлов реакторов различного назначения.

За тридцать лет, что я знал В.Б., мне пришлось контактировать с ним не только в качестве исполнителя его идей. Он был научным руководителем моей кандидатской диссертации, принимал активное участие в формировании планов докторской диссертации. В его лаборатории я сам стал научным руководителем целого направления в радиохимии.

Долгое сотрудничество с Виктором Борисовичем позволяет мне отметить его основные черты. Во-первых, он был невероятно трудолюбив, до самых последних дней много работал. Во-вторых, В.Б. отличался целеустремленностью, требовательностью и доби-

вался того же от сотрудников. Он не очень одобрял, когда кто-либо из его подчиненных отходил от основной работы, увлекаясь, например, оформлением изобретений. А если касалось диссертации, то не припомню, чтобы Шевченко кому-то позволял защищаться по докладу. Наконец, он был — и говорю это с уверенностью — очень порядочным человеком.

Уверен, научные достижения Виктора Борисовича, его твердый и справедливый характер — гарантия того, что память о нем сохранится надолго в сердцах сотрудников института и других предприятий.

Юрий Носач. *Попал под серию его вопросов*

Начав работу на ПО «Маяк» в качестве инженера-технолога, я через некоторое время перешел в ЦЗЛ и вновь встретился с Виктором Борисовичем на заседаниях Учёного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Виктор Борисович был членом этого совета на протяжении многих лет. Он активно задавал вопросы соискателям соответствующего звания, часто выступал в прениях, отличаясь достаточно жесткой, но объективной и благожелательной критикой недостатков работы. Я и сам при защите кандидатской диссертации попал под серию его вопросов, но после моих ответов он проголосовал за присуждение мне искомого звания.

Александр Очкин. *Главное — понять сущность результатов*

После окончания МХТИ я стал заниматься в основном теоретическими вопросами и проблемой экстракции аминов. В конце 70-х годов меня привлекли к тематике по экстракции с использованием ТБФ. Руководителем был А.А. Пушков, а я — ответственным исполнителем. Тогда-то мне отчасти пригодились лекции, которые читал нам В.Б. Шевченко на 4 курсе института.

Выясняя условия экстракции палладия, мы установили, что этот металл экстрагируется неперелыми углеводородами. Работу со стороны ВНИИНМ принимал В.Б. Шевченко. Сначала он воспринял наши данные с недоверием, но после того, как его сотрудники подтвердили их достоверность, отношения стали более теплыми.

Главным для него было понять сущность полученных результатов и убедиться в них. В этом он был непреклонен и последователен.

Александр Пушкив. *Он всегда держался в тени*

С сердечной теплотой и благодарностью я храню память о Викторе Борисовиче Шевченко, внешне суровом и замкнутом и вместе с тем добром и внимательном руководителе, скромном и деликатном человеке, талантливом организаторе и великом труженнике.

У него было огромное чувство нового, он оказывал мощную поддержку новым перспективным направлениям работ в радиохимической промышленности, по праву являясь одним из ее основателей.

Как представителю МАГАТЭ мне часто приходилось участвовать в международных научных конференциях и совещаниях.

Приезжая в Москву (по служебным делам или в отпуск), я встречался с Виктором Борисовичем, и он пристрасстно расспрашивал меня о последних достижениях и тенденциях в работе зарубежных радиохимиков. Иногда, встречаясь с Шевченко за рубежом, помогал ему в качестве переводчика. Он подолгу беседовал с иностранными специалистами, особенно с теми, кто работал на радиохимических предприятиях.

Помню встречу с ним в Брюсселе. Один день конференции был свободным, и я предложил В.Б. посмотреть достопримечательности — Ватерлоо, Атомиум и другие (у меня была машина), затем пообедать, пройтись по магазинам, купить подарки, сувениры. Он категорически отказался: «Всё это пустое. Лучше организуйте посещение радиохимического предприятия в Моле». Поездка состоялась, и Шевченко пробыл там целый день.

Для В.Б. всегда важнее всего было дело, а личное оставалось на втором плане. Мне довелось убедиться в этом не раз. Помню, в начале 1968 года я сообщил Виктору Борисовичу о конструкции центробежного экстрактора, которая мною разработана с учетом достоинств и недостатков зарубежных образцов, и попросил помочь в изготовлении и испытаниях аппаратов. Он незамедлительно связался с Ю.Ф. Юрченко, главным инженером НИКИМТ (Научно-исследовательский и конструкторский институт монтажной технологии.), объяснил суть дела, и тот активно поддержал нас. Уже через полтора года на стендах НИКИМТ испытывались центробежные экстракторы и каскады из них.

Однажды там появилась «экскурсия» — ответственные работники Минсредмаша, директора некоторых заводов, руководители организаций во главе с первым заместителем министра А.И. Чуриным.

Виктор Борисович, конечно, присутствовал, но когда Чурин спросил, кто будет докладывать, не обмолвился ни словом. Я понял, что надо выступать мне. Своим молчанием Шевченко как бы подчеркивал: главный исполнитель — не он, поэтому и отчитываться должен другой. Чужих заслуг он себе никогда не приписывал. Но когда замминистра задал вопрос: «Кто участвовал?», я, конечно, назвал и В.Б.

Ознакомившись с нашими делами, Чурин дал им высокую оценку, отметил перспективность и распорядился подготовить проект приказа о расширении исследований. Вскоре в НИКИМТ был создан отдел центробежных экстракторов — две лаборатории, конструкторское бюро и механический участок...

То, как повел себя Виктор Борисович перед весьма представительной делегацией, — не исключение, а правило. Он всегда держался в тени, давая возможность отличиться конкретным исполнителям. Чтобы талантливый, способный работник не затерялся, был на виду, учился не пасовать перед высоким начальством.

В 1971–1972 годах первые каскады центробежных экстракторов начали работать на Электростальском машиностроительном заводе (ЭМЗ). Учитывая успешный опыт их промышленной эксплуатации, уже упомянутый отдел НИКИМТ начал активно прокладывать дорогу новым аппаратам на других предприятиях нашей отрасли, а также в производстве редких и цветных металлов, антибиотиков и лекарственных препаратов, особо чистых веществ.

В.Б. не препятствовал такому расширению работ, но утверждал, что столбовая дорога для аппаратов — переработка отработавшего топлива с высоким выгоранием, прежде всего реакторов на быстрых нейтронах. Отсюда главное — обеспечить надежность экстракторов, создать систему их дистанционного обслуживания, создать автоматизированные системы контроля процессов и управления ими. Советы, рекомендации, указания В.Б. мы использовали в полной мере.

Считаю, центробежные экстракторы своего рода хорошим памятником В.Б. Шевченко: он ведь так много сделал для их разработки и внедрения.

А еще я хочу сказать о том, как Виктор Борисович руководил подготовкой моей диссертации. По окончании института он предложил мне продолжить учебу в аспирантуре. Согласовали, что я буду заниматься инженерным оформлением экстракцион-

ных процессов, в частности разработкой роторнодисковых экстракционных колонн.

Шевченко представил меня руководству Электростальского машиностроительного завода, начальнику опытного цеха и попросил оказать мне всемерную помощь. Вскоре были изготовлены аппараты различной производительности, диаметром от 40 до 800 мм, испытательные стенды, организован анализ проб и т.д. Завод был заинтересован в результатах исследований, и все мои пожелания выполнялись ускоренными темпами. А в испытании колонн наибольшего диаметра периодически участвовал и сам Виктор Борисович.

Меня, конечно, радовало, что удалось довести дело до промышленных образцов, а Сумской завод химического машиностроения освоил производство наиболее эффективных конструкций. И я скрупулезно, стараясь ничего не упустить — и главного, и второстепенного, изложил весь трехлетний «багаж» на 190 машинописных страницах своей диссертации.

В.Б. взял ее и убрал в сейф. Там она пролежала почти полгода, пока я (так считал мой научный руководитель) созреваю как научный работник. После того Шевченко отдал «труд», сказав, что диссертация хорошая, но надо сократить до ста страниц: дескать, воды много.

И ведь точно — убрал ровно половину. Теперь она снова попала к В.Б., и его оценка была иной: много лучше и стало возможным представить к защите.

Такая длительная «выдержка» аспирантов перед защитой — характерная тактика Виктора Борисовича в отношении и других соискателей. И она, похоже, приносила нужные результаты. Мне она так точно пошла на пользу.

Эдуард Ренард. Учился со своими специалистами

После освобождения от директорской должности В.Б. не изображал обиженного, мобилизовав свою волю, накопленные знания, в короткий срок написал и защитил докторскую диссертацию. Это был, конечно, мужественный и яркий поступок.

Став начальником лаборатории, знакомясь ближе с работой отдельных научных сотрудников, Виктор Борисович стал с большим уважением относиться и к их научному труду, и к ним лично, это было очень заметно. Такой стиль общения принес колоссальные плоды, ибо многие специалисты лаборатории стали ведущими

ми учеными и признанными лидерами-разработчиками радиохимической технологии в СССР, орденоносцами и лауреатами...

Но вот к научным публикациям, патентной деятельности сотрудников своего негативного отношения не изменил. С другой стороны, ни разу не воспользовался правом начальника приписать свою фамилию к любому виду научной продукции. А в те годы это было крайне распространено.

Конечно, прошлый руководящий опыт осложнял и ему и нам контакты с людьми в институте, на объектах и в министерстве, В.Б. сотворял себе много-много «врагов»... Что поделать, компромиссным он не был. Рубил правду-матку. Подстраиваться не умел, отрицательное мнение не прятал. И если был повод, прямо говорил: «Я считаю это ерундой». Нередко его категоричность — «Я так сказал! И все!» — означала конец научной дискуссии. Но умел отступить, если потом появлялись иные доводы оппонентов.

Его боялись(!) в институте, включая начальников и сотрудников других подразделений. Это результат и его недавнего еще директорства, и признанного авторитета как организатора-технолога.

Не терпел «наушников» (после смерти в его сейфе был обнаружен ворох бумажек-доносов, которым он, похоже, не давал ходу). И никому каких-либо послаблений! Практически ничем не злоупотреблял.

Смелый, бескомпромиссный, крутой человек с истинно государственным мышлением, не боялся брать на себя ответственность за самые рискованные решения. Когда речь зашла о переводе промышленного производства на экстракционную технологию, он сразу сказал: «Эту работу я беру на себя».

Не терпел панибратства — даже со стороны ровесников. Как и положено было в те времена.

На техсовете лаборатории очень любил «сталкивать лбами» специалистов — но только с целью скорейшего нахождения истинно верного решения.

Его отличало умение разглядеть, привлечь и поддержать молодых и талантливых специалистов (дать новую тему, свою группу, установку, да и... «пробить» квартиру). Очень любил молодежь — но только молодых парней, а к молодым «инженершам» относился открыто скептически, да и старался их на работу не привлекать. Важнейший (и нескрываемый) критерий полезности работника — умение сразу согласиться ехать в дальнюю и долгую командировку. Правда, зачастую поездка вызывалась одним доводом В.Б.:

«Надо, чтобы наш представитель просто присутствовал там на месте...».

Валерий Романовский. *Разумная и взвешенная позиция*

Мне пришлось встречаться с Виктором Борисовичем Шевченко в двух местах: на заседаниях Секций НТС Минсредмаша и в командировках на ПО «Маяк». В те времена (середина и конец 70-х) наши институты (ВНИИНМ, РИАН и ВНИИХТ) довольно жестко конкурировали по научным вопросам в борьбе за внедрение своих разработок на радиохимических заводах (комбинаты «Маяк», Красноярский горно-химический и Сибирский химический).

Эта конкуренция могла бы привести к вредным последствиям, если бы не было разумной и взвешенной позиции, которую заняли некоторые мудрые руководители наших институтов. Среди них я и хочу отметить особую роль Шевченко: несмотря на его ревностное и патриотическое отношение к своему институту, он умел по достоинству ценить предложения и достижения ученых других институтов. Более того, он был одним из инициаторов создания так называемых комплексных бригад, состоящих из сотрудников наших институтов. Комплексные бригады сыграли неоценимую роль в успешном переводе заводов на экстракционные технологии вместо осадительных.

Вот эту особую роль В.Б. в реконструкции радиохимических заводов я и хотел бы отметить в своих воспоминаниях о нем.

Михаил Скриниченко. *Надежно и легкоуправляемо*

Оформили меня на должность инженера в лабораторию № 2 НИИ-9. В апреле 1946-го мы начали заниматься технологией обогащения руд (за первыми пробами я ездил в командировку). Шевченко очень часто заходил к нам, внимательно знакомился с ходом и результатами исследований, особенно металлоносных углей Джильского месторождения.

Технологические схемы, которые под руководством В.Б. работали в обогатительной и гидрометаллургической лабораториях института, были внедрены на ряде крупных объектов — в Польской Народной Республике, Чехословакии... Они показали высокую надежность и легкоуправляемость.

Эдуард Сметанин. *Он был человеком целеустремленным*

Моё знакомство с В.Б. Шевченко, незаурядным человеком, состоялось в 1957 году, когда в Московском химико-технологиче-

ском институте им. Д.И. Менделеева он читал лекции по технологии урана — одного из предметов специальности «Технология редких рассеянных и радиоактивных элементов».

Приехав по направлению министерства в ФЭИ, значительная группа выпускников сразу попала в сферу научных интересов Виктора Борисовича Шевченко. К этому времени уже задействованы и «горячая» лаборатория, и Первая в мире АЭС. А это значит, что имелось все необходимое для работы с реальными облученными материалами, и нужна была конкретная работа по созданию промышленной технологии регенерации топлива.

В этот период во многих научных организациях страны, в том числе и в нашем институте, продумывалась концепция будущего завода. Экспериментальная техника всегда вызывала у В.Б. живейший интерес, он очень одобрительно относился к каждому новаторскому предложению. Так, вариант стеклянно-стального пульсационного экстрактора, в котором можно было визуально наблюдать образование «медуз», изменение (по цвету) распределения ценных компонентов топлива, настолько заинтересовал ученого, что у смотровой системы он просидел более суток, не отрываясь от наблюдений.

Пуск и многолетняя эксплуатация завода РТ-1 комбината «Маяк» подтвердили достоверность полученных результатов и оптимальность выбора технологической схемы. Под руководством В.Б. Шевченко и при его неустанном, деятельном участии не только активно шло совершенствование внедренных технологий, но и было начато изучение процессов регенерации топлива реакторов на быстрых нейтронах. Оно было завершено уже без Виктора Борисовича, но мы отдаем ему должное за правильность выбранного направления.

Шевченко отличала предельная целеустремленность, В.Б. не жалел личной (и не только личной) энергии для своевременного решения поставленных задач. Продуманность мероприятий, постоянный контроль за выполнением каждого, предельная оперативность, безотлагательный, если того требовали обстоятельства, выезд в командировку, высокая ответственность — именно таким стилем обеспечивалась координация деятельности научных, проектных и промышленных организаций, а тем самым успешное решение многих научных и технических вопросов. Но больше всего поражало то, что Шевченко всегда был в курсе самых актуальных научных разработок, и именно ему принадлежало последнее слово в принятии важных научно-технических решений. Примеры

тому: коренной поворот в аппаратурном оформлении технологического процесса регенерации отработавшего топлива — от схемы с использованием экстракционных колонн к смесительно-отстойному варианту, промышленное внедрение многих научных разработок.

Мы с благодарностью вспоминаем этот период деятельности. Накопленный тогда опыт позволил за короткий срок предложить около тридцати технологий производств радиоизотопной продукции для технических, медицинских и научных целей.

Лия Сохина. *Он месяцами жил в Челябинске— 40*

Лаборатория, которой руководил В.Б. Шевченко, была ориентирована на разработку экстракционных технологий регенерации урана, плутония, нептуния из облученных блоков и твэлов.

В период 1958-1962 гг. под руководством Виктора Борисовича и кандидата химических наук Владимира Сергеевича Шмидта на комбинате «Маяк» проверялось несколько вариантов с использованием аминов при аффинаже плутония на заводе «В» и в отдельных узлах ацетатной «цепочки». Было отмечено высокое качество выдаваемой продукции. Уже после первого цикла экстракции плутоний оказывался практически полностью очищенным от радионуклидов. Кроме того, появилась реальная возможность организовать непрерывный процесс, который значительно проще автоматизировать.

Однако технология с использованием аминов в качестве экстрагента не была принята на заводах комбината по ряду технических причин: на заводе «Б» при отработке на опытной установке в 1976 году произошел «хлопок», на заводе «В» — СЦР (самопроизвольная цепная реакция. — *Сост.*).

В.Б. Шевченко с сотрудниками своей лаборатории и работниками ЦЗЛ продолжали упорно искать новые экстрагенты и разбавители.

Месяцами жил Виктор Борисович в Челябинске-40, активно работал над усовершенствованием экстракционных технологий. Его «десятая» лаборатория занималась не только заменой осадительной ацетатной технологии на экстракционную при выделении «оружейного» плутония, но и «готовила» процесс регенерации урана, плутония, нептуния из отработавших энергетических твэлов АЭС и установок военно-морского флота.

На комбинате В.Б. Шевченко пользовался большим авторитетом, многим он нравился за прямолинейный, волевой характер.

Он воспитал на комбинате целую плеяду ученых. Под его руководством совершенствовались свои знания работники ЦЗЛ и радиохимического завода: В.И. Землянухин, Б.В. Никипелов, Б.С. Захаркин, В.П. Уфимцев, В.М. Стариков, Т.М. Юфа, А.Ф. Ефимов, П.П. Шевцев, В.А. Боровинский, Г.Г. Солдатов и др.

Всеволод Чубуков. *Он был жаден до знаний и работы*

В 1956 году после окончания института я был направлен на предприятие п/я 3394 (так тогда назывался ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара), в лабораторию № 10, которой руководил В.Б. Шевченко.

Вскоре Виктор Борисович поручил мне работу по экстракции урана из различных сред в противоточном режиме на лабораторной колонне с металлическими и тефлоновыми дисками. Задание дал утром, а за десять минут до окончания рабочего дня зашел ко мне в комнату с вопросом: «Где результаты?». Я стал объяснять, что со склада принес посуду, реактивы, подготовил рабочие растворы и экстрагент. Он вновь, но уже с еще большим нажимом спрашивает: «Где результаты?». Я повторил, что получил посуду, реактивы, составил растворы, привел в рабочее состояние колонну и т.д. Он в третий раз задал мне тот же вопрос и, не дожидаясь ответа, сильно через нос, втянув в себя воздух, повернулся и вышел из комнаты. Откровенно говоря, я был сражен его «непониманием» необходимости подготовительных работ перед любого рода экспериментом, тем более, если он проводится в каком-то ином аппаратном оформлении. Но это был Шевченко.

Позже понемногу все устроилось. К концу каждого рабочего дня я старался ему хоть что-то выдать, пусть даже предварительные, прикидочные результаты, а на следующий день показать некую их систему или закономерность. Больше таких ситуаций между нами не случалось.

Новых сотрудников, в том числе и меня, он старался на протяжении многих месяцев «пропустить» через «площадку» (так он называл комбинат на Урале, ныне ПО «Маяк»), чтобы мы «набили шишек и понюхали настоящего производства». Всякий раз, отправляя нас, молодых, на комбинат, он говорил: «Те, кто сидит в лаборатории — это нарывы на теле командированных».

Виктор Борисович был необычайно жаден до работы. Ему хотелось, чтобы во всех комнатах его лаборатории все вертелось, крутилось и давало результаты, пусть даже отрицательные. В этом случае путь поиска приходилось изменять. Не было дня, чтобы он

не позвонил в каждую группу и не справился о ходе экспериментов, чаще всего вызывал к себе в кабинет. Если сказать коротко, то «спокойно спать» не давал никому.

После возвращения с международных конференций или симпозиумов он в обязательном порядке собирал техсовет, приглашая всех, кому были интересны новые направления работ в радиохимии за рубежом — аналитиков, аппаратурщиков, киповцев, не говоря уже о технологах самых различных процессов. Его кабинет забивался специалистами до отказа. Он рассказывал обо всем, что удалось увидеть и услышать. А говоря о том, как избежать последствий выпивки на приемах, В.Б. неизменно приводил беспроектный рецепт: он перед заключительным банкетом покупал двести граммов сливочного масла и съедал его, запивая молоком. Гарантия — не опьянеешь. Там у иностранных ученых он многое выпрашивал, выяснял, а вот из него вряд ли кто-либо что-нибудь смог вытянуть. И это тоже был Шевченко.

Владимир Шевченко. *Мы встречались с отцом на конференциях*

Отец часто бывал в командировках, на конференциях и совещаниях в различных городах страны и за рубежом. Я многие годы работал в НИКИЭТ'е (Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники им. академика Н.А. Доллежале) и занимался разработкой и внедрением систем управления и защиты (СУЗ) ядерных реакторов. Бывали случаи, когда мы с отцом оказывались вместе на различных отраслевых совещаниях и конференциях. Это было интересно, а порой даже неожиданно.

Однажды была очередная конференция в Ленинграде. Для участников конференции организовали поездку на Ленинградскую АЭС в г. Сосновый Бор. Я в это время находился тоже на ЛАЭС. И вот работаю я в помещении блочного щита управления (БЩУ), занимаюсь наладкой разработанной нами аппаратуры и вижу, что входит делегация специалистов из министерства и среди них отец. Сначала я оторопел, а потом бросился к нему с радостным возгласом: «Батя!». Понятно, какой шумной была реакция окружающих.

Владимир Шурмель. *Внутренняя культура в нем была*

Виктор Борисович считал, что каждый человек должен найти свое место в жизни. И каждому помогал найти это место. Излюбленный прием — отправить в командировку. Если увидит кого-либо из сотрудников, первый вопрос: «А вы что тут делаете? Почему не в командировке?». С поездки в Обнинск началась и моя «служ-

ба». А накануне он, завлаб, напутствовал: «Утонешь или выплывешь... Если не утонешь, то ты наш человек». Действительно, проработав там больше месяца, я многому научился: «горячие» камеры ФЭИ — это наши университеты...

Мне приходилось наблюдать В.Б. в различных ситуациях, и подчас его поведенческие реакции выглядели противоположностью внешнему виду. Или воспринимались необычно.

Вот несколько примеров.

Монтирую сорбционную установку в камере пробоотбора. Ее размер — 1,5х1,5 метра при высоте 0,5 метра. Ползаю там согнувшись в три погибели. А он смотрит на меня через свинцовое окно. Долго смотрит... Молча...

«Горячая» камера. В.Б. наблюдает, как работают манипулятор. Входит опытный аппаратчик и предлагает: «Отойди, милейший...» И Шевченко спокойно уступил место...

Однажды на ПО «Маяке», когда вечером нас, несколько человек, В.Б. вызвал отчитаться за проделанную работу, неожиданно влетел сотрудник десятого института (НИИ-10. — *Сост.*) Виктор Денисов. И начинает отчитывать Шевченко. Да еще с матом. Мы прямо-таки остолбенели. А Виктор Борисович смолчал. Будто не его касалось. Не опустил до ругани — по крайней мере, в присутствии подчиненных. Он, к слову, вообще избегал крепких выражений. Если и сорвется что-то вроде «хрен» и тому подобное — то очень редко...

Вообще-то его знали как достаточно жесткого мужика, не особо деликатного. Казалось, при случае, не смутившись, отбреет. Ан — нет. Внутренняя культура в нем была...

В стенах «Менделеевки»

Евгений Гиткович. *Умел доходчиво изложить...*

Впервые я увидел Виктора Борисовича, учась на 3-м курсе МХТИ, где он читал спецкурс. С первого появления в аудитории он сразу завоевал нашу симпатию: высокий, подтянутый, словом — гигант. На лекциях Шевченко поражал нас своими знаниями технологии и умением доходчиво изложить основные вопросы процессов.

Евгений Дзекун. *Его «воспитательные моменты»*

С Виктором Борисовичем Шевченко судьба свела меня в 1957 году, когда я учился на 4 курсе Московского химико-технологического института. Он читал так называемую «спецтехнологию». Лекции запомнились тем, что он очень просто и доступно объяснял основные проблемы наработки оружейного плутония, технологии обращения с отслужившим ядерным топливом и, в рамках разрешенного, рассказывал о состоянии работ в Советском Союзе.

Уже тогда в своих лекциях В.Б. детально преподнес нам, одним из немногих, кто имел «допуск», труды первой Женевской конференции по атомной энергии — в части технологии обращения с ОЯТ. К тому времени перевода этих трудов не было, они появились позже, а Виктор Борисович приносил на лекции материалы конференции и прямо с листа объяснял зарубежные достижения. Конечно, до многого нам приходилось додумываться, тем более что никакого представления о советской технологии, в силу известных причин, мы не имели.

Особое впечатление на нас производили его регулярные «воспитательные моменты»: он говорил, что многие проблемы технологии не решены и решать их придется нашему поколению. Эти его слова оказались пророческими, и немало выпускников нашего потока по окончании института, работая в НИИ или на предприятиях, оказались так или иначе связанными с реконструкцией заводов по наработке оружейного плутония, созданием первого в Советском Союзе завода для регенерации ОЯТ, разработкой новой техники и технологии.

Наталья Зайцева. *Его отличала необыкновенная основательность*

С именем Виктора Борисовича Шевченко у меня связаны воспоминания о времени конца 40-х — начала 50-х годов прошедшего века, когда возникла атомная отрасль (наука, проектные дела, промышленность) и, в частности, стояла задача быстро и качественно подготовить для нее кадры. Тогда, наверное, во многих вузах корректировали планы выпуска специалистов, открывали новые факультеты... Этот процесс затронул и МХТИ, где я училась в те годы.

В феврале 1949 года группу студентов 4-го и 5-го курсов с разных факультетов института пригласили на закрытое собрание в Малый актовый зал: оказывается, создают инженерный физико-химический факультет (до этого я была студенткой топливного

факультета) и нас переводят туда. С этого момента началась усиленная учеба по дополнительным разделам высшей математики, физики, химии.

В сентябре 1949 года наш ИФХ факультет, состоящий теперь уже из студентов 5-го и 6-го курсов, занял отдельное соседнее здание. Его обустройство шло параллельно с учебными занятиями. Таким образом нам создали необходимую по тем временам автономию для соблюдения секретности изучаемых дисциплин. Все лекционные и семинарские пронумерованные тетради с записями хранились после занятий на факультете. Подготовка к экзаменам тоже проходила в аудиториях, почти коллективно. Нас разделили на группы, соответствующие специализации по технологии ядерного топлива и технологии разделения изотопов.

Меня зачислили в первую из них (нашего согласия не спрашивали, да мы и не могли сделать выбор). Технологию преподавал Виктор Борисович Шевченко. Перед нами предстал специалист из промышленности, отличающийся необыкновенной основательностью не только по внешнему виду (для нас студентов), но и по знанию дела. Он излагал нам теоретический и практический материал в чрезвычайно концентрированном виде. А отсутствие соответствующих книг, создавало впечатление, что мы слушали курс, создаваемый прямо «по ходу дела». Подкрепляемый схемами, которые тут же чертились на доске (теперь мы встречаем их в открытой литературе), он читался так, что был нам понятен.

Сейчас, через столько лет, мне вспоминаются именно основательность и простота, с какими Виктор Борисович читал нам лекции и принимал экзамены. Именно основательность была для студентов свидетельством его высокого профессионализма.

Вот какие кадры были собраны для решения проблем.

Иван Заславский. *Увлек многих из нас*

Отдельную группу МХТИ (10-12 человек) набрали из бывших студентов Ивановского химико-технологического института: последний год обучения они занимались на вновь открытом физико-химическом факультете.

Здесь царил атмосфера повышенного внимания к прикладным, промышленно значимым предметам. Нас особенно интересовали материалы, которые очень толково, доходчиво и увлекательно преподносил лектор В.Б. Шевченко. Это были новые страницы науки и производства, причем последнее доминировало в лекциях Виктора Борисовича.

Своим видением перспектив Шевченко увлек многих из нас, определил выбор будущей работы. Поэтому и учились мы с особым упорством, настойчивостью, на «отлично». И, как результат, ответная реакция лектора: из числа ивановцев, окончивших МХТИ, четверых пригласили в московский НИИ, который возглавлял Шевченко.

Мне же В.Б. предложил пойти в аспирантуру и выполнить диссертацию под его руководством. Определяющим стали не только мои экзаменационные оценки, но и, как говорил он сам, «имеющийся у меня жизненный опыт». Дело в том, что среди дипломников-ивановцев, только я воевал, причем с 1941-го. Демобилизовался в 1945-м техником-лейтенантом. Имел семью, дочку. Шевченко знал все эти обстоятельства, и они соответствовали его жизненной позиции: он всегда, и в данном случае, не признавал «мальчишества» в серьезных делах.

Не остались без внимания Виктора Борисовича и трое других ивановцев, принятых в НИИ-9.

Валентин Колтунов. *Слушать его было непросто*

Виктора Борисовича Шевченко я узнал, когда учился в МХТИ. Нам, студентам первого выпуска физико-химического факультета, он читал «Технологию извлечения и аффинажа урана, тория и других металлов из руд». Этот курс и лекции таких известных ученых, как О.Е. Звягинцев, В.В. Фомин, В.К. Марков, Н.П. Сажин, были в то время единственным источником знаний в области только нарождающейся атомной промышленности.

Понятно, с каким интересом и вниманием мы воспринимали каждое слово лектора: ведь в то время не было никаких учебников или специальной литературы по технологии урана и переработке облученного ядерного топлива.

Виктор Борисович, прежде всего, отличался, на мой взгляд, глубоким знанием практических вопросов, но слушать его было непросто. Согласитесь, далеко не каждый лектор обладает ораторскими способностями. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что найти подходящий материал для чтения лекций было трудно, и В.Б. часто ориентировался на сходные процессы в цветной металлургии.

Но эти личные впечатления не умаляют того бесспорного, мне кажется, факта, что Виктор Борисович стремился передать нам как можно больший объем нужной информации, лучше подготовить нас к исключительно сложной, во многом пионерской тематике.

Николай Крот. *Скорее, специалист-практик...*

Мне кажется, Виктор Борисович прирожденным лектором не был. Скорее, специалист-практик, организатор. Здесь он, что называется, на коне. А вот ораторскими способностями Господь его не наделил. Читал по записям, случались оговорки. Студенты иногда подшучивали над ним.

С другой стороны, почвы-то для витийства не было. В лекциях излагался не привычный, обкатанный текст, когда преподаватель может себе позволить расслабиться, а то, что рождалось в исследовательских лабораториях: вчера — на опытной установке, сегодня — в изложении перед студентами. Да и сам предмет требовал строгости, точности. К тому же учебников не было...

Борис Мясоедов. *Доброжелательный, требовательный и загадочный*

Мне посчастливилось познакомиться с В.Б. Шевченко, будучи студентом Московского химико-технологического института, в котором Виктор Борисович читал курс лекций по технологии редких металлов.

В относительно далекое от нас время — во второй половине 40-х годов теперь уже прошлого века в СССР широким фронтом проводились работы по созданию и совершенствованию атомного оружия: шел активный поиск новых урановых месторождений по всей территории огромного Советского Союза, разрабатывались новые методы обогащения изотопов урана, создавались первые промышленные ядерные реакторы для накопления весовых количеств плутония, совершенствовалась технология переработки облученного урана с целью выделения делящегося компонента... По сути дела, рождались новые области науки, принципиально новые технологии, приборы и оборудование. И всё это — в условиях глубокой тайны...

Наступившая эпоха в науке и технике требовала срочной подготовки специалистов для работы с радиоактивными веществами (в области ядерной физики, радиохимии, химии изотопов, ядерной химической технологии, радиационной химии, нового материаловедения и других). В целом ряде высших учебных заведений были организованы специальные «закрытые» факультеты для чтения лекций студентам, будущим исследователям и работникам создаваемых предприятий, были привлечены ведущие ученые, в том числе В.Б. Шевченко.

В МХТИ был создан инженерный физико-химический факультет, на который перевели лучших студентов других факультетов и других химических вузов Москвы. Я, будучи студентом, после третьего семестра продолжил учебу уже на ИФХ. Надо отметить, что учеба шла очень интенсивно, были введены новые курсы обучения. Лекции проводились обычно во второй половине дня, чтобы лекторы-ученые могли бы уделить этому свое время. Эти лекции, очень интересные и содержательные, незабываемы до сих пор.

С большой благодарностью мы вспоминаем наших первых учителей. Среди них хочется отметить В.Б. Шевченко. На старших курсах лекции читали такие ведущие ученые и педагоги, как Н.П. Сажин, Г.К. Боресков, О.Е. Звягинцев, А.П. Зефирин, Б.В. Громов, В.В. Фомин, З.В. Ершова, И.В. Петрянов и др. Многие из них уже имели самые высокие государственные награды и премии, были или вскоре стали членами-корреспондентами АН СССР. Многие из преподавателей являлись непосредственными участниками отечественного атомного проекта или ведущими специалистами в различных научных или технических областях, причастных к решению его разнообразных проблем.

Сложность момента состояла в том, что даже на «закрытом» факультете (лекции студенты записывали в особых тетрадях, которые хранились в Первом отделе) о многом говорилось иносказательно, а на кафедре № 43, где я учился и которая готовила инженеров, специальности называли по номерам. В.Б. Шевченко был доброжелательным, требовательным и загадочным для студентов преподавателем. Мы знали, что он руководил большим коллективом и отвечал за решение государственных задач.

В дальнейшем мы встречались с В.Б., когда я стал научным сотрудником, руководителем лаборатории (в ИОНХ АН СССР). Дуется, достижения бывших студентов во многом обусловлены хорошей школой, которую создавали В.Б. Шевченко и его коллеги.

Этвальд Ненарокомов. *В узком кругу подшучивали*

Впервые я увидел Виктора Борисовича (в те годы молодежь называла его «Викбор»), будучи студентом (1950-1955гг.) физико-химического факультета МХТИ. С уважением и неосознанным страхом студенты показывали на него и шепотом передавали «секретную» информацию о том, что этот громадный человек является директором сверхзакрытого, «атомного» научно-исследовательского института. Тогда я не мог и представить себе, что моя

трудовая деятельность надолго будет связана с этим «мифическим» человеком.

Но судьба определила именно так. Уже на 5-ом курсе я слушал его лекции по технологии получения урана и консультировался с ним по одному из учебных проектов. Студенты того поколения в узком кругу подшучивали над способностью Виктора Борисовича позволять некоторые вольности при написании различных химических формул, но будущее сотрудничество с ним показало, что Шевченко постоянно работал над своей научной эрудицией и обладал высочайшими профессиональными знаниями, подтверждением чему явились написанные им книги по специальности.

Юрий Носач. *Я оценил его осведомленность и смелость*

В.Б. Шевченко я слушал в 1957-1958 годах, когда учился на ИФХ факультете Московского химико-технологического института. Лекции всегда были интересны, насыщены хорошим конкретным материалом, но без привязки к месту события. Чувствовалось, что он многое знает, но в силу известной в то время обстановки не может дать конкретной информации по применению того или иного технологического процесса на практике.

Однако совсем скоро, уже в 1959-1960 годах, я был приятно удивлен глубиной и большой практической ценностью прочитанного им материала. В это время я проходил преддипломную практику на знаменитом ныне и известном во всем мире ПО «Маяк» (тогда это был п/я 21 Минсредмаша). Оказалось, что в лекциях по спецтехнологии почти в полном объеме (за исключением некоторых специфических параметров) излагалась действующая на предприятии технология извлечения урана и плутония из облученного ядерного топлива и глубокая очистка этих элементов от продуктов деления. Вот тогда я в полной мере оценил и осведомленность Виктора Борисовича, и смелость, которая, думаю, требовалась от преподавателя, знакомящего студентов с таким материалом.

Александр Пушкин. *За ним было легко записывать*

Виктор Борисович читал лекции неторопливо, негромким, глуховатым голосом. Четко излагал содержание, не допуская лишних слов. Иногда изменял интонацию — если хотел подчеркнуть то или иное важное положение. Я бы сказал, суховато, без юмора.

За ним было легко записывать, что облегчало нам подготовку к экзаменам.

По учебникам, в основе которых были лекции В.Б., училось не одно поколение студентов инженерно-физико-химического факультета «Менделеевки».

Эдуард Раков. *Задавал вопросы сверх программы*

Виктор Борисович, удивительно скромный человек, внес громадный вклад в развитие отечественной промышленности. Он не стремился «подавать себя» и, по моему убеждению, заслуживает гораздо большего почета и славы, чем то, что досталось ему при жизни. Лишь один памятник, оставленный им, находится на виду, хотя с десятилетиями утрачивает свой блеск, — это вышедшая в 1961 г. знаменитая книга «Технология урана».

Шевченко передал созданный им курс технологии урана Б.Н. Сударикову и в 1960–61 гг. читал нам, тогдашним студентам кафедры, довольно обширный и насыщенный курс технологии облученных материалов. На экзамене подготовленных заранее билетов не было, и вопросы экзаменатор диктовал устно. Студентов было много — две группы по 25 человек, и когда запас вопросов, освещенных на лекциях, исчерпывался, В.Б. спрашивал сверх программы, например по экспозиции павильона «Атомная энергия» на Выставке достижений народного хозяйства. Он полагал, что студенты кафедры, конечно же, не должны ограничиваться знаниями, полученными на лекциях.

Александра Ревина, Олег Ларионов. *Никогда не унижал студентов*

Виктор Борисович Шевченко читал нам курс технологии радиоактивных элементов на 4 и 5 курсах физико-химического факультета МХТИ. Плотный, крепко скроенный, интеллигентный мужчина, уверенный и доброжелательный, он входил на кафедру и начинал лекцию. В то время у нас не было учебников по предмету, и все основные знания мы черпали из его лекций. Они были содержательны, с большим объемом фактического материала. Хотя как лектор Шевченко не блистал, в нем чувствовался отличный профессионал-практик.

В.Б. отличало уважительное отношение к студентам. Чтобы студенты были внимательнее, он иногда во время лекции рассказывал интересные случаи из своей жизни. Но это не значит, что он заискивал перед нами.

Будучи ведущим специалистом в своей области (о чем мы сначала только догадывались), Шевченко никогда не унижал студентов и всегда стремился, чтобы мы как можно лучше овладели

предметом. Принимая экзамены, он всегда был доброжелателен и, если студент чего-то не знал или не понимал, подсказывал, как ликвидировать пробел.

Владимир Ревякин. *Он проверял нас на сообразительность*

Я познакомился с Виктором Борисовичем, будучи студентом. Он читал нам на старших курсах спецтехнологию. Так вот, в отличие от многих Шевченко, может быть, не очень хорошо владел устной речью, иногда над ним, его выражениями посмеивались. Но он, практик, прекрасно знал производство и умел рассказать о технологии весьма предметно, доходчиво, ярко объяснить будущим инженерам суть дела.

Экзаменуя, любил задавать нетрадиционные вопросы, на сообразительность. Главное для него — как ты мыслишь. Поэтому сдавать было и трудно, и легко.

«Потопить» не стремился. Предпочитал разговорить, раскрепостить студента...

Эдуард Ренард. *Как молодость жестока!*

Первый личный контакт с В.Б. — сдача экзамена (январь 1956г.). После ответа «на билет» — вдруг вопрос по моей производственной практике 1955 года на комбинате Южуралникель (г. Орск, поселок Никель): «А что Вы еще видели на конвертерах в цехе выплавки фэйнштейна?». И, довольный моим молчанием, стал объяснять, как поступают, чтобы избежать застывания расплава в случае аварийной приостановки дутья, и какими механизмами снабжен конвертер на этот случай...

Видимо, как преподаватель он не всегда чувствовал себя уютно. Бывало, запутывался в написании длинных формул, и тогда из аудитории раздавался ехидный вопрос: «А спрашивать ее на экзамене Вы будете?» — «Не буду...», — следовал вызывавший одобрение ответ.

Вспоминали рожденный предыдущими курсами стишок («учись, студент, снимая пенки, у «дуба» нашего — Шевченки...»). Как молодость жестока!

Валентина Савельева. *Мы ловили каждое слово*

Как лектор, Виктор Борисович Шевченко был сдержан и даже суров, но ореол человека, стоящего у истоков радиохимической технологии, вызывал к нему уважение. Конечно, по эмоциональности он уступал остроумному, общительному О.Е. Звягинцеву или талантливому интерпретатору Н.П. Сажину. Однако главное

не в этом, а в научно-практической насыщенности материала. И здесь В.Б. не уступал своим более красноречивым коллегам.

Мы ловили каждое слово. Никакой необходимой литературы в изучаемой области в то время еще не было, и все сведения о закрытой технологии мы получали только из лекций, которые записывали в специальные тетради. Не могло быть и речи унести их домой, разрешалось заниматься только в кафедральных аудиториях.

Надеюсь, у многих моих однокашников осталось навсегда чувство благодарности к учителям, которые делали все возможное, чтобы мы овладели необходимыми знаниями и стали нужными специалистами.

Валерий Сергиевский. *Каково же было мое удивление*

В.Б. Шевченко принадлежит к поколению ученых и производственников, которые обеспечили не только создание отечественной атомной промышленности, но и внесли весомый вклад в подготовку кадров для нее. Мне посчастливилось в 1961-1962 гг. прослушать курс лекций по технологии переработки облученного ядерного топлива, который Виктор Борисович читал на инженерном физико-химическом факультете МХТИ. Естественно, восприятие Виктора Борисовича студентами невольно преломлялось через впечатления о фильме «Девять дней одного года»: героизм работы с радиоактивными материалами, сочетающийся с романтикой освоения нового вида энергии для решения главных, как в то время представлялось, задач государственной безопасности.

На мой взгляд, студента, курс лекций Виктора Борисовича был перегружен избыточными деталями. Помню, он долго переписывал с конспекта на доску данные по коэффициентам распределения практически всех продуктов деления на отдельных стадиях Пурекс-процесса. Мне казалось очевидным, что этот материал является второстепенным, и его запоминать смысла не имеет. Каково же было мое удивление, когда этот вопрос достался мне на экзамене. Я смог дать лишь схематичный ответ и схлопотал тройку, единственную за мою студенческую жизнь.

При изложении рутинных материалов курса Виктор Борисович был погружен в себя. Много позже на собственном опыте я осознал: при значительных перегрузках, когда голова даже при чтении лекции до предела занята решением текущих проблем, без конспекта трудно обойтись. Виктор Борисович внезапно оживлялся, рассказывая о технологических инцидентах. Разумеется, по правилам игры происшествия происходили на радиохимических

производствах США. Многое из этой информации прочно осело в памяти и в той или иной мере используется в моей лекционной практике.

В глазах студентов Виктор Борисович был сродни героям поименованного выше фильма. Про его жизнь рассказывали различные легенды. Искренне жаль, что опыт людей, создающих новые наукоемкие технологии, мало востребован современной образовательной системой. Именно живое слово, «непроцеженное» через методическое сито, анализ массы деталей, которые складываются в единое на твоих глазах, способствует получению прочных знаний.

Александр Чекмарев. *Не был прирожденным педагогом*

Виктор Борисович читал нам курс лекций «Химическая технология облученного ядерного горючего». Он производил впечатление человека, знающего предмет. Однако довольно часто случались казусы. Например, пишет реакцию растворения какого-то материала в азотной кислоте. А коэффициенты в уравнении слишком уж необычные. Быстро прикинув, мы понимаем, что при столь экзотических коэффициентах реакция еще и не уравнивается.

Кто-нибудь отваживался, и с места раздавалось: «Виктор Борисович, а ведь не уравнивается...» В.Б. обычно какое-то время смотрел на доску, потом говорил: «Могу Вас отослать к докладу...» И далее следовала соответствующая ссылка на ученых. «Уравнение оттуда...».

Скорее всего, Шевченко не был прирожденным педагогом. Но это не умаляет его заслуг как преподавателя. Ведь мы учились (конец 50-х годов), когда многое еще было сыро, не отработано, читалось «с листа». Хотя нашей специальности уже исполнилось десять лет, но сами ядерные технологии постоянно развивались, обновлялись... Только позже и при участии В.Б. студенты получили учебники, которыми в значительной степени можно пользоваться и сегодня.

Но всё же он был учёным в гораздо большей степени, чем педагогом. Такое у меня сложилось мнение...

А вообще скажу вот что. Мы, физхимики, были счастливы учиться у прекрасных преподавателей. Начиная с первого курса мы встречались с людьми, многих из которых мы помним, перед иными преклоняемся, стараемся подражать. И как порой странно слышать от сегодняшних выпускников, что у них в памяти почти

не осталось имен любимых лекторов. Это не только странно, но и очень грустно...

Всеволод Чубуков. *Слово свое держал*

В аудитории № 408 тогда «секретного» серого корпуса «Менделеевки» профессор Виктор Борисович Шевченко в течение года читал нашему курсу лекции по химической технологии урана. Мы сразу отметили, что лектор был крупным технологом-практиком по получению не только урана, но и многих цветных металлов.

Рядом со мной за столом сидел Николай Крот, впоследствии блистательный ученый отечественной радиохимической науки. Он не раз задавал Виктору Борисовичу сложные вопросы по теории процессов выделения целевого металла, на которые тот «с листа» порой ответить не мог. В этом случае Шевченко, заканчивая лекцию, всегда заверял нас, что на все наши вопросы ответы мы получим в следующий раз. И слово свое держал.

А он был и таким...

Евгений Гиткович. *Мог рассказать остроумный анекдот*

Для шефа основным была работа. Тем не менее, он внимательно прислушивался к нуждам сотрудников. Его авторитет был огромен не только в лаборатории, но и в институте. Стоило ему снять трубку, позвонить по инстанциям, — и все вопросы, будь то квартирный или что-либо еще, решались положительно, ибо все знали: если звонит Шевченко, значит надо.

Виктор Борисович всегда был вместе с сотрудниками на всех общественно-полезных мероприятиях, будь то субботники, однодневные поездки в колхоз и др. Там мы видели совсем другого человека — общительного, раскованного. Обладая отличным чувством юмора, шеф мог рассказать остроумный анекдот или случай, происшедший с ним и ставший анекдотом. Однажды зимой он собрался покататься на лыжах. Сел в переполненный трамвай с лыжами, которые, естественно, помешали одной молодой даме, на что она сказала: «Дед, сидел бы ты на печке». И в ответ услышала: «На печку-то я залезу, но с собой возьму кого-нибудь помоложе».

Вообще Виктор Борисович до последних своих дней поддерживал форму. Однажды, будучи в командировке в Челябинске, я

зашел к нему в номер и обалдел — на улице где-то за 30° мороза, а у него настезь открыто окно, сам сидит в майке, ноги опущены в таз с холодной водой. «Полезно. А Вы этого не делаете? Напрасно...» — был комментарий В.Б.

Евгений Дзекун. *В неформальном общении...*

Насколько строг, сдержан, даже суров был В.Б. Шевченко в рабочей обстановке, настолько иным он представлялся в неформальном общении — дружелюбный, остроумный, душевный. А какой рассказчик! Слушать его воспоминания мы были готовы до бесконечности...

Иван Заславский. *Никогда не слышал от него пошлости*

Вне рабочей обстановки я видел В.Б. Шевченко не часто. Но отдельные моменты запомнились.

В командировке от «объекта» до гостиницы обычно шли пешком — лесом, полем. И вот тут Виктор Борисович преображался, глаза, словно загорались, и он восторженно приговаривал: «Как хорош запах листвы, хвои, травы, а уж цветы — это жизнь с улыбкой!»

Несмотря на свой довольно строго-серьезный (не мрачный!) внешний вид, В.Б. в душе, мне кажется, был лириком, даже стараясь, пока шли, декламировать какие-то лирические стихи.

Я никогда не слышал от В.Б. пошлости, непристойных выражений. Хотя некоторые сослуживцы уверяли: при определенных ситуациях «распоясывался и расходился». Ну, как знать!

Некоторые сотрудники за глаза называли его «волкодавом» и другими неуважительными словами. Но большинство с такими эпитетами не соглашались. Мне кажется, нелестные отзывы — то ли из-за какой-то зависти, то ли от обиды за что-то. Я этого категорически не воспринимал.

Виктор Борисович как-то умело мог быть одновременно добрым, мягким и строгим, требовательным. И внимательным, заботливым. Моей семье, например, он помог с жильем через 2-3 месяца после того, как меня зачислили в аспирантуру, и мы переехали в Москву.

В свободное время В.Б. любил поговорить об огороде (что и как там растет), о своей даче... В городе, как правило, ходил на работу через парк — «подышать воздухом». Да, любил рыбалку — это мы заметили во время командировок, особенно «уральских».

По-моему, Виктор Борисович был равнодушен к музыке. Помню, на юбилейном вечере для сотрудников НИИ-9, в кон-

цертном зале им. Чайковского, исполняли классическую музыку. Видно было, что В.Б. воспринимает ее очень эмоционально.

Тамара Казьмина. *К своим детям был строг, к сотрудникам — внимательным*

Как-то в сквере встретил меня с внуком: «Это твой? Ну, какая прелесть!..» И поиграл с ним в прятки — за кустами и деревьями.

Очень любил свою внучку. Однажды, заведя меня на территории института, остановил: «Посмотри, хороший у меня шарф? Это внучка мне подарила, сама связала...»

К своим детям был, по-моему, строг. Одно время старший, Владимир, работал на опытном химико-технологическом заводе, в цехе у Вячеслава Александровича, моего мужа. Так Виктор Борисович его специально предупреждал: «Забудь, что это мой сын, требуй от него больше, чем от других...»

Помню, в нашей лаборатории, у Федора Михайловича Лоскутова, специалиста по цинку, работала Нина Николаевна Марактанова, по мужу — Лаговская. Мы познакомились еще на Красноярском аффинажном заводе, а со временем сдружились.

У нее был глубокий порок сердца, и врачи запрещали ей рожать. Она очень переживала, что не будет детей, распадется семья...

Однажды вечером мы были с ней не смене, шел опыт. Нина опять расплакалась, переживая свою беду.

В это время к нам зашел Виктор Борисович: «Ты что это, землячка!» (вместе работали на аффинажном заводе — *Сост.*) И она всю разрыдалась.

Я объяснила причину, сказала, что нужна серьезная операция. Виктор Борисович расспросил, где, когда и у кого Нина консультировалась.

Узнав, что надо бы лечь в Кардиоцентр, к Чазову, он обо всем договорился, все устроил и сказал ей, куда идти и к какому врачу.

Наконец, Нину взяли на обследование, сделали ей операцию, а пока она довольно долго лечилась, ее числили в штате работающей — об этом Виктор Борисович предупредил Лоскутова. Иначе бы прервался стаж и на пенсию в 45 лет по вредности не выйти.

Когда Нина вернулась на работу, Виктор Борисович внимательно ее расспросил о здоровье, созвонился с хирургом, который

делал операцию и попросил его взять бывшую пациентку под наблюдение.

И вот Нина родила! Сначала сына (муж предложил назвать Виктором и получилось — Виктор Борисович, так же, как звали нашего директора), а несколько лет спустя — дочку.

Шевченко долго еще интересовался, как самочувствие Нины... Да, сын ее и сейчас работает в нашем институте.

Когда ученый совет института решил отметить 70-летие Виктора Борисовича, заседание перенесли с пятницы на четверг — чтобы день в день. Шевченко узнал — и не вышел на работу под благовидным предлогом. А чему удивляться: не любил он чествований, хвалебных речей...

Вечером мы, несколько технологов, начинавших (1945-1946 годы) с Виктором Борисовичем разработку новых технологий, пошли к нему домой. У дверей квартиры решили: звонить буду я, а Майоровы, Богомолов, Алхазашвили, Стырин и мой Казьмин останутся в лифте. Если что, «пострадаю» только я.

Открыла внучка: «Дедушка, это к тебе». Он вышел одетый по-домашнему, дожевывая (видимо, с кухни). Узнав, по какому поводу «делегация», распахнул дверь, пригласил всех пройти, заулыбался: «Какие вы молодцы...» Мы вручили ему адрес-приветствие с фотографиями сотрудников нашей лаборатории. «Как это вы здорово, оригинально придумали!...» И, как мне показалось, прослезился.

Извинившись, что не может хорошо принять гостей (он уже был вдовцом), принес бутылку своего любимого «Мукузани», фрукты. Задержались у него надолго. Разговаривали, вспоминали... Он расспрашивал о наших семьях, судьбе детей — оказывает, помнил все наши «проблемы»...

Валентин Колтунов. *Постоянно делал гимнастику*

Он не мог оставаться равнодушным, если у сотрудников возникали серьезные разногласия в семьях. Иногда он пытался даже помешать распаду той или иной семьи: вызывал в кабинет «виновников» и делал внушение почти в приказной форме. К сожалению, это редко приводило к успеху, но все же...

Еще одно замечание. Виктор Борисович всегда считал себя практически здоровым человеком и старался не обращаться к врачам. По крайней мере, он постоянно избегал ежегодных медицинских осмотров. Иногда, в шутку и всерьез, говорил: «Только попа-

ди к ним (к врачам) — они найдут кучу болезней, которых у меня нет...»

Никогда не жаловался на здоровье и старался поддержать его, постоянно делая гимнастику, любил пешие прогулки летом, на лыжах — зимой. Тем более странным было впервые услышать от него жалобу на плохое самочувствие.

Об этом он сказал мне днем 22 июня 1981 года, когда мы шли на заседание ученого совета института. Стояла жара... А ночью его не стало...

Борис Кондратьев. *Прогуливаемся по парку...*

Однажды в самый напряженный период пуска завода РТ-1 (работали в четыре смены и так в течение года) я заболел. Узнав об этом, Виктор Борисович позвонил мне в номер, пожелал скорейшего выздоровления, спросил, есть ли лекарства...

На первом месте у шефа всегда было дело. Все остальное он мог простить. Был такой случай. На одного из сотрудников, которого он ценил как работника, пришла «бумага» из милиции: его за что-то задержали. И вот — собрание. Особенно нападали женщины. Тогда поднялся Шевченко и сказал: в жизни все случается, сам один раз попал в «кутузку»...

Помню, были мы в командировке. И вот — субботний день, компанией прогуливаемся по парку. Навстречу — Виктор Борисович. «Почему такие кислые?» — «Да денег нет...» — «Что же не обратились?» И тут же дал займы...

У Виктора Борисовича был своеобразный юмор. Однажды на собрании обсуждали прибавку к зарплате. Одному из нас дали на 20 рублей больше. Кто-то спросил почему. «Он выпивает», — «разъяснил» завлаб. Раздался смех: мы-то знали, что накануне этот сотрудник завершил отличную работу.

Марина Корсина. *Он визировал, доверяя...*

О Шевченко мне довелось услышать намного раньше, чем познакомиться с ним. А случилось это, когда я работала секретарем начальника отдела, в состав которого входила лаборатория № 10. Моей обязанностью, в частности, было знакомить руководителей лабораторий с приказами, распоряжениями.

С Виктором Борисовичем мы работали на одном этаже, но в середине коридора была глухая дверь, разделяющая санитарные зоны, и общаться приходилось только через окошко в ней. Помню, однажды позвонила Виктору Борисовичу и попросила его подойти к «амбразуре» — прочесть очередной документ.

Позже я поняла, что поступить следовало иначе: найти возможность прийти к нему в кабинет. Но тогда я не сообразила — сказала моя неопытность — и выбрала явно не лучший вариант.

Но Виктор Борисович ни словом не обмолвился, не указал мне на ошибку, а сделал так, как я попросила. Подошел к окошку, ознакомился, расписался. Не возмущаясь, не упрекая меня.

Через несколько лет я перешла к нему в лабораторию. На мне лежала ответственность за учет и хранение драгметаллов. Все документы, которые я приносила ему на подпись, он визировал, доверяя. Только, бывало, спросит: «Здесь все нормально?»

В.Б. никогда не демонстрировал, что он начальник. Говорил ровно, спокойно. Откровенно говоря, я побаивалась его, но он никогда не был ни высокомерен, ни груб.

Этвальд Ненарокомов. *У него был сильный характер*

В.Б. Шевченко, безусловно, был неординарным человеком с сильным и целеустремленным характером. Но в то же время — не идол, а обычный человек со своими слабостями, особенностями, страстями. Многие знали о его большой привязанности к своей внучке. Как часто бывает, на работе имел своих «любимчиков», обожал украинские песни... Если представлялась возможность, в командировке не отказывался побаловать себя крепким чаем с вишневым вареньем (знал, что мама мне всегда давала с собой баночку)... Избегал разговоров о политике. Относился с пониманием к некоторым слабостям (склонность к выпивке) отдельных сотрудников.

Мне, как партгруппоргу (кстати, одну из рекомендаций в партию мне давал В.Б.), приходилось с ним, начальником, обсуждать различные аспекты жизни сотрудников. Но не помню случая, когда его личное отношение к человеку мешало давать объективную оценку событиям. Большая редкость. Суров был руководитель В.Б. Шевченко, но справедлив.

Уже будучи в возрасте, чтобы не терять трудоспособность, В.Б. тщательно следил за своим физическим состоянием: живя в районе метро «Сокол», ходил ежедневно, в любую погоду пешком на работу от ресторана «Загородный». Зимой по воскресным дням совершал длительные прогулки в районе Нахабино — Архангельское, купался в озере во время многочисленных летних командировок в Челябинск-40 (г. Озерск)...

Виктор Борисович производил впечатление серьёзного и достаточно замкнутого, не очень разговорчивого человека. Но в узком кругу он становился более оживленным собеседником и интересным рассказчиком.

Однажды он вспомнил о своей работе в Норильске во время войны и рассказал, как там использовались знания политических ссыльных и заключенных (ученых и инженеров) для решения возникающих бытовых и производственных проблем.

Мне запомнились два примера. Один — изготовление хвойного противоязвенного настоя, стакан которого работник должен был обязательно выпить перед обедом — иначе обеда не получит. Таким путем удалось избежать массовой гибели людей. А второй пример — это производство бензина из наличного запаса мазута: сделали оригинальную установку и обеспечили транспорт топливом...

У меня лично остались очень хорошие воспоминания о Шевченко как о человеке и учёном, прошедшем большой жизненный путь и сделавшем большой личный вклад в развитие науки и нашей атомной промышленности.

Лидия Орлова. *"Давайте-ка свою шинель..."*

Срочных заданий у нас было много. Иногда приходилось задерживаться допоздна.

Однажды случилось так, что, выполняя задание, я осталась на работе: и время — чуть ли не ночь на дворе, и Кноблок, зав. лабораторией, попросил, раз уж я не пойду домой, подежурить у телефона в его кабинете. Сделав, что намечено, я прикорнула в тут же стоявшем кресле.

А утром Кноблок мне вроде как с обидой:

— Выговор из-за вас получил...

— За что? Все же сделала!

— Да в другом причина...

И Владимир Георгиевич рассказал, что вечером В.Б. интересовался ходом работ, а когда он, Кноблок, заверил Шевченко: «Всё в порядке, мой человек на месте, занят анализами», Виктор Борисович предложил посмотреть, как идет дело.

— Заходим, — продолжает Кноблок, — а вы спите. Тут мне и досталось: «Как же так: холодно ей и нечем укрыться. Давайте-ка свою шинель...»

Я, конечно, этого разговора не слышала. Только почувствовала, как на меня легло что-то плотное. И стало теплее...

А еще было такое. Мне приходилось ходить за образцами обогащенных рудных проб на установку, которая была довольно далеко от института. Какая-то из очередных «командировок» пришла на раннюю весну. Еще грязно, сыро...

Иду, обхожу лужи. И вдруг рядом останавливается легковая машина. Открывается дверка... Вижу — это Виктор Борисович.

— Вы куда? — поинтересовался Шевченко.

— К Богомолу...

— Садитесь, подвезу.

По дороге разговорились, он расспрашивал о работе, интересовался, помогает ли Кноблук. А когда подъехали, спросил:

— Долго ли здесь пробудете?

— Нет. Возьму только образцы и назад. Надо их сразу же исследовать.

— Перед тем как возвращаться, позвоните Богомолу. Я буду у него и, если уже освобожусь, прихвачу Вас в институт.

Так и случилось. Не потому, что мне повезло — просто Виктор Борисович вообще очень благожелательно относился к людям. Мне он запомнился именно таким.

А еще он хвалил, когда действуешь напористо, инициативно.

Помню, у меня были сложности с устройством в гостиницу во время поездки в Силламяэ. Это в Эстонии. Места не нашлось, и администратор настойчиво отправляла меня в общежитие ФЗУ.

Я наотрез отказалась. Пригрозив, что уеду назад, если не устроят в гостинице. Меня поддержал В.А. Малиновский, руководитель обогащательной лаборатории. Потребовал срочно найти место: «Она с приборами, специально приехала, а вы...»

В общем, вопрос решился: выручила знакомая сотрудница, жившая в двухместке.

Когда Шевченко узнал о происшествии, поддержал: «Молодец! Свой порядок навели...»

Николай Попов. Пришлось выигрывать...

Помню, в Курчатовском институте (тогда он еще назывался Лабораторией измерительных приборов Академии наук — ЛИПАН) организовали сеанс одновременной игры в шахматы с гроссмейстером Александром Котовым. Я тогда играл в силу 1-2 категории и должен был «сражаться» на первой доске.

А тут вдруг назначили профсоюзное собрание. Надо отпрашиваться. Подаю записку в президиум: так, мол, и так, отпустите. Председатель профкома Дмитрий Андреевич Костюнин решил сначала заручиться мнением Шевченко.

Виктор Борисович отреагировал довольно решительно: «Отпустим. Но только под выигрыш».

Пришлось выигрывать...

Мне кажется, Шевченко вообще любил шахматы. Когда в 1951 году игрался матч на первенство мира между Ботвинником и Бронштейном (Михаила Моисеевича тогда спас ничейный счет), ходили болеть всем парткомом, включая В.Б.

По дороге на работу я часто встречал В.Б., который имел привычку утром идти от Сокола парком. Если дело было зимой, нередко слышал от него: «Пару часиков на лыжах походил, до службы...»

Это, значит, вставал где-то в четыре утра. Высыпался ли? Стоило так себя напрягать? Может, плохо спал?..

Владимир Ревякин. *За что любили его мы*

Сколько я знал Виктора Борисовича, он являл собой образец собранности, подтянутости, был полон энергии. И очень любил подчёркивать своё физическое здоровье. Это проявлялось и в том, что, например, будучи в командировках в Челябинске, он чуть ли не насильно «приглашал» нас погулять на свежем воздухе. А в институте принципиально не пользовался лифтом (по крайней мере, у нас в корпусе). И, не дай бог, если он застукивал кого-то из своих «ребят» (мальчишек для него), поднимавшихся на свой 3-й этаж на лифте. Тут же насмешливый укор: «Позор, в вашем возрасте...», и тому подобное. Рядом с ним было как-то неприлично жаловаться на свои хвори, недомогания...

Некоторым он казался сухарем, ничего не знающим и не ничего не любящим, кроме своей работы. Многие считали его «закрытым» и недоступным. Нет ничего дальше от истины! Когда Виктор Борисович находился среди своих людей — а такими для него были сотрудники лаборатории — он абсолютно преображался. Перед нами предстал раскованный человек, прекрасный собеседник, незаурядный рассказчик.

Шевченко очень много читал, прекрасно знал художественную литературу и даже любил поспорить о ней. Конечно, такие разговоры — к случаю, что называется, к месту.

Помню, однажды я пришел на работу с томиком Голсуорси — роман «Конец главы». Так он, увидев, насел: «Дайте мне, вы еще успеете прочесть...»

Или зайдет в лабораторию, и первый вопрос: «А вы читали?..» И упомянет новинку.

А то и спектакль театральный назовет. Поинтересуется: видели или нет...

Мало кто знал, что в пору комсомольской юности ему пришлось заниматься, помимо всего прочего, и антирелигиозной пропагандой. В связи с этим он хорошо знал историю религии и очень интересно о ней говорил, цитируя порой целые страницы из Библии.

Любил спорт, мог, например, вмешаться в спор о футболе...

Виктор Борисович прекрасно относился к работавшим с ним людям, оберегал их, помогал. Очень многие своим квартирным благополучием обязаны именно активной поддержке шефа. Он мог быть живым, остроумным, нормально реагировал на шутки, в том числе и на подначки в свой адрес. И, главное, он учил нас любить, именно любить своё дело. И до последнего дня всё это оставалось при нём, он был настолько деятельным, полным планов на будущее, что представлялся нам чуть ли не вечным...

В делах житейских он зачастую был беззащитен. К чести нашей 10-й многие сотрудники это поняли и старались тактично его опекать. Виктор Борисович ценил эту искренность до последних дней жизни и, по-моему, с чувством теплой благодарности, ничем не высказывая ее явно.

И, наконец. Меньше всего хотелось, чтобы меня поняли будто Шевченко — этаким ангел с крылышками. Он был в чем-то даже противоречивым человеком. Недостатки, негативные моменты, и немалые, тоже можно было найти. В конкретных случаях кое-кому бывало отчасти и больно. Но это — все же второстепенное, не определяющее...

Эдуард Ренард. *Не имел любимчиков*

В моей памяти В.Б. остался суховатым, молчаливым, казалось, без чувства юмора. Впрочем, насчет юмора я, возможно, не совсем прав. Однажды В.Б. пришел с чьей-то защиты диссертации по ситаллам и в коридоре бросил на пол принесённый образец ситаллового поддона со словами: «Вот Вам прочный материал, устойчивый к соляной кислоте» — тогда это была проблема материала для одной из разрабатываемых технологий. Но поддон тут же

разбился, после чего В.Б. в шутовой форме заметил: «Сейчас вернусь на Ученый совет и заберу свой голос «за» обратно...».

В.Б. не имел любимчиков, никому не выказывал видимых предпочтений. Не допускал никакой распушенности на службе (выпивка, «романы»). Был суров даже с женщинами, которые его почти все... обожали: видный, высокий, за 180, твердый, хороший семьянин... О нем никогда не сплетничали. Наблюдательные дамы подметили: симпатизирует всем Татьянам (так звали его ушедшую из жизни супругу).

Оставшись практически один в 70 с лишним лет, В.Б. сохранил опрятный вид, отличную фигуру и осанку. «Я встаю, — говорил он, — в 5 утра, чищу картошку, делаю пробежку по улице, ставлю вариться картошку и принимаю душ. И так каждый день». В тяжелые времена построения развитого социализма (в магазинах — ничего) сотрудницы приносили ему кое-какие продукты, покупая их в длинных очередях. «Мне, как старому большевику, предложили ходить в какой-то закрытый магазин, но я возмутился и выбросил пропуск...», — как-то сказал В.Б.

У него была дача под Истрой, недалеко от Москвы. Участок очень большой, с лесом: «Я поутру пройду, соберу маслят... Мне всегда хватает на одну жарку — под коньячок...»

Любил возиться в саду и знал в этом толк. Помню, окапываем деревья в парке около Института Курчатова... «Не так надо окапывать — не поперек, а вдоль радиальных корней!.. У меня большой опыт садовода».

Очень следил за своим здоровьем. Ежегодно ездил в отпуск. И только в Евпаторию — по путевке, а чаще «дикарем». Моя тетя работала врачом санатория и рассказывала: В.Б. отлично плавал, по 30-40 минут. Ему нравилось, когда медперсонал называл его «профессором».

Кажется, обожал яблоки. По крайней мере, после того, как закрылась спецстоловая для директората НИИ-9, В.Б. вместо обеда уплетал пяток яблок. Что советовал делать всем...

Он все время оставался убежденным коммунистом, хотя порой не мог скрывать своего удивления разрухой в государстве спустя 30 лет после войны. Никогда не вступал в «политические» споры и не поддерживал разговоры на эти темы.

Федор Решетников. *Мог показаться замкнутым*

В жизни Виктор Борисович мог показаться замкнутым, несколько суховатым. Однако это было только первое и, как вскоре

оказалось, обманчивое впечатление. В действительности он был всесторонне развитый и интересный человек, интересовавшийся не только наукой, но и литературой, театром. Общаться с ним было приятно и интересно.

Я с ним бывал и за рубежом, где иногда вскрываются новые черты характера людей, не проявляющиеся при обычном общении в институте. В 1967г. мы с Виктором Борисовичем и еще с двумя сотрудниками института принимали участие в конференции «Плутоний-67», проходившей в Брюсселе. Там в это время демонстрировался двухсерийный кинофильм «Доктор Живаго» по нашумевшему одноименному роману Б. Пастернака. Мне захотелось его посмотреть, и я пригласил своих коллег. Виктор Борисович, не колеблясь, сразу согласился. Мне и В.Б. понравился этот замечательный фильм с прекрасной музыкой...

Запомнилось, что со дня посещения кинотеатра мы с Виктором Борисовичем каждый вечер при возвращении в гостиницу заходили в бар и выпивали по кружке пива, хотя я и не отношу себя к любителям пива.

Юрий Ростовцев. *Все-таки В.Б. немного рассказывал о себе*

С В.Б. Шевченко мы многие годы работали в составе Парткома и Ученого совета института, я часто присутствовал на партийных собраниях лаборатории № 10 и видел, каким авторитетом и уважением В.Б. пользовался у сотрудников. Его слово было весомым, а участие в решении вопросов всегда полезным.

Однажды после заседания Ученого совета мы с В.Б. вместе вышли из института, и я, как обычно, направился к автобусу, а В.Б. сказал, что пойдет домой пешком, и пригласил меня пройти. Выяснилось, что мы живем в соседних домах у Сокола, о чем я раньше не знал. Позднее мы иногда ходили вместе домой пешком. Конечно, о чем-то разговаривали, но о своих личных делах В.Б. почти не говорил, правда, что-то рассказывал о семье. Но одну деталь я помню. Когда подходили к его дому, он рассказал, что квартиру в этом доме ему выделил лично Берия. Потом я узнал, что этот дом жители называли «бериевский». Рассказывал также о некоторых встречах с руководителями промышленности, с которыми много общался. Например, дома у него бывал А.П. Завенягин.

Очень сожалею, что стеснялся его расспрашивать, ведь он столько знал об истории промышленности, людях, делах и, конечно, о создании института.

В.Б. Шевченко всегда выглядел бодрым, энергичным, поэтому его уход из жизни для всех нас был крайне неожиданным. На заседании Ученого совета 22 июня 1981 г. он себя плохо почувствовал, но не все это заметили. Я присутствовал на этом заседании и видел только, что В.Б. вышел из конференц-зала несколько раньше.

Мы вспоминаем Виктора Борисовича как настоящего человека, серьезного, делового, умного. Мне неоднократно приходилось обсуждать с ним некоторые общественные вопросы, советоваться. Мне нравился его деловой подход, его полезные советы.

Всеволод Чубуков. *Строг, но справедлив*

Шевченко был строгим, но справедливым и мудрым руководителем. Вспоминаю один случай: наш лаборант за хулиганство попал в милицию. В.Б. рассудил просто: если провинившемуся грозят 15 суток ареста, то пусть посидит, а если 3 года, то надо спасать. Срочно поручил узнать, какова ситуация и, если потребуется, принять соответствующие меры.

Ежегодно осенью сотрудники лаборатории выезжали на уборку урожая. Шевченко не отказывался ездить даже с ночевкой. Там в поле, на лоне природы он раскрывался как человек огромнейшего жизненного и производственного опыта. Он поведал многое о Казахстане, Норильске...

Не любил формальных ритуалов. В свой день рождения под благовидным предлогом на работу не приходил, а 8 марта, к примеру, когда еще этот день не был выходным, уединялся в своем кабинете: никому не звонил и никого к себе не вызывал. И не раздавал никаких подарков.

А вот перед Новым годом хочешь, не хочешь — надо поздравить. Да и то — как: парторг и профорг лаборатории, заместитель Виктора Борисовича буквально вытащат его. Но, обходя комнаты, недовольство прятал, говорил женщинам теплые слова, жал руку...

У Виктора Борисовича в домашнем расписании были привычки. Он всегда, например, ложился спать в девять вечера. Если к нему зашли на огонек, побеседовать, он минут за десять до «срока» вежливо попрощается — и к себе, оставив гостей на попечении жены, Татьяны Николаевны. Однажды на его: «Извините, я пошел спать» сын не без иронии заметил: «Отец, ты у нас один такой ископаемый».

Виктор Борисович всегда был в хорошей физической форме: вместе с сыновьями ходил в бассейн «Октябрь», зимой каждое

воскресенье с рюкзаком за плечами совершал лыжные переходы, как правило, с Ленинградской железной дороги на Рижскую. Говорят у него был его любимый пенек. Здесь В.Б. останавливался передохнуть. Открывал рюкзак, вынимал термос с крепким чаем и лимоном, бутерброды. Отдыхал некоторое время, в зависимости от погоды, а затем в путь — до Нахабина.

Летом он вставал в четыре утра, правда, зимой чуть позже, и бегал в течение часа.

Валерий Шевченко. *Не терпел грубости*

Отец не терпел ругани и грубых выражений, сам не допускал этого. Я на всю жизнь запомнил серьезную взбучку от него, когда нагрубил матери.

Вспоминаю и такой случай. Мы ехали на дачу с мамой, отец был за рулем. В Истре нас остановил инспектор ГАИ за какое-то мелкое нарушение, начал ругаться, допуская при этом нецензурные выражения. Разъяренный отец схватил его за руку и отвел в дежурную часть милиции, рассказав о недопустимости такого поведения, тем более в присутствии женщины.

Владимир Шевченко. *Не любил собственных юбилеев*

Когда наступали юбилейные дни, отец под разными предлогами старался не появляться на работе и даже исчезал из дома.

Тем не менее многочисленные делегации и «представители» приходили в эти дни к нам домой и, естественно, с какими-то подарками. После юбилея в доме появлялась немалая коллекция разнообразных коньяков. Отец, конечно, любил армянские. Но особо, что не удивительно, выделял элитные грузинские («Енисели», «1000 лет Тбилиси»). И, по-моему, он знал в них толк. У меня был несколько иной вкус, но мы потом долго «дегустировали» подарки.

Владимир и Валерий Шевченко. *Отец мечтал о хорошем саде...*

Так сложилось, что безоговорочным авторитетом в семье был он. Не только, к примеру, потому, что в конечном счете определял маршруты коллективных походов на лыжах, но и в гораздо более серьезном: мы, дети, поступали в те вузы, которые рекомендовал отец: дочь Галина — в МГУ, на химфак, Владимир — в МИФИ, а Валерий — в Менделеевский.

В домашней рабочей комнате отца — сплошные стеллажи с книгами. Но не только техническими. Много и классической литературы. Перечитывал Л.Н. Толстого, Джека Лондона, Кнута

Гамсуна. Из поэтов — Пушкина, Лермонтова и Тараса Шевченко. Последнего часто читал вслух, цитировал — видимо, ему нравилась певучая украинская речь.

И любил петь. Это увлечение детства у него сохранилось. Помню, он часто напевал: «Дывлюсь я на нэбо, та й думку гадаю...»

Всегда внимательно следил за своим здоровьем и «железно» соблюдал режим. И дома, и на даче — ежедневная утренняя зарядка, иногда с гантелями, водные процедуры. На даче бегал трусцой по окрестностям. На работу ходил, как правило, пешком, через парк. Следил за питанием...

Отец практически никогда серьезно не болел, за свою жизнь ни разу не ложился в больницу.

Мы всей семьей нередко выезжали поплавать на Истринское водохранилище или подальше, на Озерну, где к купанию добавлялась рыбалка — ловили, в основном, окуней. В грибное время у нас были семейные вылазки. Но заготовок не делали. Все «трофеи» — в суп или на сковородку.

Зимой, по воскресеньям — почти ритуальные лыжные походы, сначала вместе с сыновьями. Подмосковные леса, 15-20 километров, с привалом и перекусом. Со временем, когда мы, дети, стали отцами, к этим походам присоединились наши жены, а потом и дедовы внуки. Бывало, на лыжне — целая разношерстная команда во главе с В.Б.

Отец любил и коньки.

Как-то в Москве выдалась ранняя бесснежная зима, но с устойчивыми морозами. Москва-река покрылась толстым и достаточно надежным льдом. Мы с отцом решили прокатиться на коньках от поселка Архангельское до Щукина в Москве.

Высадились из машины прямо на коньках на лед Москвы-реки около Архангельского. Лед был гладким и прозрачным и, наслаждаясь необычной красотой и простором, мы покатили к Москве.

Город Красногорск встретил нас неприятной неожиданностью — наш путь преградила плотина на Москве-реке. Пришлось обходить плотину, преодолевая значительное расстояние вдоль берега реки, шагая на коньках по земле, камням. И только потом продолжили путешествие на коньках. Наконец, финишировали в Щукине, благополучно добившись своей цели. Путешествие, естественно, запомнилось на всю жизнь.

В 1952 году у отца появилась дача в кооперативе, который занимал территорию на высоком правом берегу реки Малая Истра.

Участок — рядом с крутым обрывом к реке, и к нему частично относился спуск к оврагу. Зброшенный, дикий, сплошь заросший лесом. И грибноу. Белых, в частности, было столько, что однажды за раз собрали около сотни.

Отец давно мечтал о хорошем саде. А для этого пришлось здорово потрудиться. Значительную часть участка очистили от леса, завезли несколько автомашин навоза, торфа и удобрили землю.

Для планировки и непосредственного руководства закладкой сада отец пригласил высококвалифицированного специалиста.

Основу сада составили яблони, покупали их в питомниках. Белый налив, грушовка, пепин шафранный, коричное, антоновка, штрейфлинг... В междурядьях высадили вишню (ее отец любил особенно), кустарниковые — смородину, крыжовник разных сортов. Были грядки с клубникой, кусты садовой малины...

Рядом с домом — обширный цветник: гладиолусы, астры, красный мак... По вечерам семья часто собиралась у самовара...

Отец увлекся садоводством, пристрастно следил за посадками, кое-какие работы выполнял сам. Мы, особенно младший, Валерий, помогали ему. Когда ягод было много, глава семьи с увлечением пробовал себя в качестве винодела. Колдовал... Бутылки с вином привозил даже в московскую квартиру.

Некоторые яблони разрослись до высоты двухэтажного дома и продолжают плодоносить...

Летом отец проводил на даче бо́льшую часть свободного времени. Он ее очень любил, и его прах, в соответствии с заветом, похоронен на небольшом тихом кладбище в ее окрестностях.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

22 июня 1981 года было жарко и душно.

В этот день состоялось заседание Ученого совета. Перед тем сотрудники обратили внимание, что Виктор Борисович неважно выглядит. Спросили, не случилось ли что, как себя чувствует. В ответ: «Ничего мне не надо, никаких лекарств, все обойдется».

Во время заседания Ученого совета ему снова предложили помощь врача, но В.Б., категорически отказавшись, все же вышел из конференц-зала и вскоре попрощался: «Я домой...». Не пешком, как обычно (жил он на Волоколамском шоссе, у Сокола, напротив МАИ), а на трамвае...

Валерий Шевченко.

К вечеру 22 июня отец, вернувшись домой, пожаловался на недомогание, головную боль и общую слабость. Сел в свое любимое большое кресло.

Я предложил вызвать неотложку, но он понадеялся: все само собой пройдет. Возвратилась домой моя жена, Татьяна. Отец сидел побледневший, в отрешенном состоянии. Мы все-таки решили позвонить в «скорую» и сообщили об этом брату Владимиру.

Прибывшие врачи констатировали обширный глубокий инсульт. Госпитализировать отказались — «больной нетранспортабелен» — и уехали. Мы опять вызвали «скорую», надеясь, что его увезут в больницу. Но все повторилось. Врачи сказали — отец умирает. В это время приехал Владимир.

Владимир Шевченко.

...Отец лежал на кровати без сознания. Я присел и взял его за руку. Возможно, почувствовав мое присутствие, он пытался что-то сказать, но донеслись лишь бессвязные звуки. Некоторое время я продолжал сидеть возле отца... Внезапно почувствовал, что его рука нечувствительна, и сам он затих. Мы поняли: отца не стало, ушел навсегда...

Вот и подошел к концу рассказ о судьбе Виктора Борисовича Шевченко, судьбе не простой, насыщенной, сопричастной крупным и эпохальным событиям в жизни нашей страны.

Подытоживая, понимаешь, каким был В.Б. Шевченко, инженер, металлург, ученый, один из творцов советского атомного проекта, какой огромный труд вложил этот Человек в Дело, которому преданно служил до последнего своего часа, — когда строил и пускал медные и никелевые комбинаты и, главное, участвовал в создании атомной промышленности.

В памяти людей Шевченко остался разным. Тем, кто недостаточно хорошо знал Виктора Борисовича, он казался закрытым, сухим, даже жестким человеком. Те же, кто работал с ним, видели его другим — устремленным, настойчивым, самоотверженным, неимоверно трудолюбивым, способным к яркому научному творчеству. А в нерабочей обстановке — веселым, общительным, остроумным, умелым рассказчиком, заботливым, внимательным человеком, особенно в семье.

Его талант руководителя, организатора, а затем и ученого полностью раскрылся в бытность первым директором первого в атомной отрасли института, ставшего потом одним из ведущих. Сформировать такой многоопытный авторитетный научный коллектив и в кратчайшие сроки решить важнейшие задачи, связанные с созданием оружия, противодействующего угрозе ядерного удара со стороны, — это поистине подвиг.

Мы можем с полным правом причислить Виктора Борисовича Шевченко к тем, кто реально защитил Родину от атомной угрозы и спас жизнь миллионам людей. Это факт, который трудно оспорить.

К 1952 году, когда институт возглавил академик Андрей Анатольевич Бочвар, НИИ-9 представлял собой уже мощный научно-технический центр.

Виктор Борисович всегда был в коллективе и с коллективом. Он исполнил свою жизненную роль, что называется, не жалея сил, на одном дыхании, с полной отдачей. Ошибаясь и побеждая. Не думая о наградах и почестях.

Справочно-информационные материалы

О В.Б. Шевченко вспоминали...*

Шевченко Владимир Викторович, начальник лаборатории Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники, кандидат технических наук.

Шевченко Валерий Викторович, начальник отдела Завода медицинских радиоактивных препаратов.

Анисимов Владимир Иванович, старший научный сотрудник Физико-энергетического института им. академика А.И. Лейпунского.

Борисов Леонид Михайлович, начальник лаборатории ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, кандидат химических наук.

Вашман Андрей Александрович, главный научный сотрудник ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, доктор химических наук, профессор.

Владимирова Майя Викторовна, главный научный сотрудник ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, доктор химических наук.

Гиткович Евгений Степанович, научный сотрудник ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара.

Головнин Игорь Стефанович, главный научный сотрудник ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, доктор технических наук, профессор.

Дзекун Евгений Григорьевич, заместитель технического директора ПО «Маяк» по радиохимическому и изотопному производству, кандидат технических наук.

Ершова Зинаида Васильевна, начальник отдела ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, доктор технических наук, профессор.

Зайцева Наталья Гавриловна, старший научный сотрудник Лаборатории ядерных реакций им. академика Г.Н. Флерова (Объединенный институт ядерных исследований, Дубна), кандидат химических наук.

Заславский Иван Иванович, главный инженер установки № 5 ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, директор Завода медицинских радиоактивных препаратов, кандидат технических наук.

Землянухин Виктор Иванович, старший научный сотрудник ВНИИ химической технологии, кандидат химических наук.

* Воспоминания предоставлены лично, заимствованы из опубликованных источников или записаны автором-составителем

Зильберман Борис Яковлевич, начальник лаборатории Радиового института им. В.Г. Хлопина, доктор технических наук, профессор.

Казьмина Тамара Ионовна, младший научный сотрудник ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара.

Колтунов Валентин Сергеевич, начальник лаборатории ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, доктор химических наук, профессор.

Кондратьев Борис Александрович, научный сотрудник ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара.

Корсина Марина Викторовна, секретарь отдела ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, техник.

Крот Николай Николаевич, главный научный сотрудник Института физической химии РАН, доктор химических наук, профессор.

Кукишева Таисия Николаевна, начальник группы ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, кандидат химических наук.

Ларионов Олег Георгиевич, заместитель заведующего лабораторией Института физической химии РАН, доктор химических наук, профессор.

Мясоедов Борис Федорович, академик РАН.

Нахутин Илья Евсеевич, начальник лаборатории ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, доктор технических наук, профессор.

Ненарокомов Этвальд Алексеевич, главный научный сотрудник, ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, доктор технических наук.

Носач Юрий Федорович, директор завода ПО «Маяк», кандидат технических наук.

Орлова Лидия Амосовна, заместитель начальника лаборатории ВНИИ химической технологии.

Очкин Александр Васильевич, доктор химических наук, профессор Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева.

Павлович Владислав Борисович, старший научный сотрудник Физико-энергетического института им. академика А.И. Лейпунского.

Попов Николай Николаевич, старший научный сотрудник ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара.

Прибытков Петр Васильевич, начальник лаборатории ВНИИ химической технологии, кандидат геолого-минералогических наук.

Пушков Александр Арсеньевич, доцент Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, кандидат технических наук.

Раков Эдуард Григорьевич, заведующий лабораторией Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, доктор химических наук, профессор.

Ревина Александра Анатольевна, ведущий научный сотрудник Института физической химии РАН, доктор химических наук, профессор.

Ревякин Владимир Вячеславович, ведущий научный сотрудник ВНИИМ им. академика А.А. Бочвара, кандидат технических наук.

Ренард Эдуард Владимирович, ведущий научный сотрудник ВНИИМ им. академика А.А. Бочвара, кандидат химических наук.

Решетников Федор Григорьевич, академик РАН.

Розен Адриан Михайлович, заместитель начальника лаборатории ВНИИМ им. академика А.А. Бочвара, доктор химических наук.

Романовский Валерий Николаевич, заместитель генерального директора Радиового института им. В.Г. Хлопина, доктор технических наук.

Ростовцев Юрий Владимирович, ведущий научный сотрудник ВНИИМ им. академика А.А. Бочвара, кандидат технических наук.

Рябчиков Евгений Иванович, писатель, журналист.

Савельева Валентина Ивановна, доцент Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, кандидат химических наук.

Сенин Михаил Дмитриевич, ведущий научный сотрудник ВНИИМ им. академика А.А. Бочвара, доктор химических наук.

Сергиевский Валерий Владимирович, заведующий кафедрой Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, доктор химических наук, профессор.

Скриниченко Михаил Лаврентьевич, доктор технических наук, профессор, бывший начальник отдела ВНИИ химической технологии.

Сметанин Эдуард Яковлевич, главный специалист по радиохимии Физико-энергетического института им. академика А.И. Лейпунского.

Снегов Сергей Александрович, писатель.

Сохина Лия Павловна, начальник ЦЗЛ ПО «Маяк», доктор технических наук.

Старков Олег Викторович, главный научный сотрудник Физико-энергетического института им. академика А.И. Лейпунского, доктор технических наук, профессор.

Федотова Людмила Николаевна, начальник группы
ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара.

Цветков Юрий Владимирович, член-корреспондент РАН.

Чекмарев Александр Михайлович, член-корреспондент РАН.

Чубуков Всеволод Васильевич, старший научный сотрудник
ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара.

Шурмель Владимир Андреевич, старший научный сотрудник
ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара, кандидат технических наук.

Источники и литература

Использованы архивные документы и материалы, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации (фонды Р-8361, Р-9414), представленные архивным отделом администрации г. Норильска (ф. Р-11), ПО «Балхашцветмет», ОАО «Красцветмет», Государственным учреждением «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ф. Р-364), Карагандинским областным архивом Республики Казахстан, отраслевым отделом фондов ЦНИИАтоминформ, Государственным университетом цветных металлов и золота, а также содержащиеся в отдельных изданиях — «Атомный проект СССР» (том I, II), «Медный гигант на Балхаше», т. I (Алма-Ата, 1976), «Карабаш. Страницы истории» (автор и составитель В.Н. Новоселов, отв. составитель Л.П. Корженец; Челябинск, 2005), «К истории мирного использования атомной энергии в СССР. 1944-1951» (Составители Л.И. Кудинова, А.В. Щегельский; Обнинск, 1994).

Важным источником информации стали такие крупные отраслевые, специализированные издания, как «Ядерная индустрия России» (М., 1999), «Создание первой советской ядерной бомбы» (М., 1995), «И встал завод над Енисеем» (Красноярск, 1998), «Джезказган — город меди» (Алма-Ата, 1966), «Как искали и добывали уран» (М., 2002), «ВНИИХТ-50 лет» (М., 2001), «Атомный век: события, люди, дела» (М., 2005), «Золото России» (М., 2002).

Отдельный массив изученных материалов составили издания ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара: «ВНИИНМ-50 лет». В 3-х т. (М., 1999), «ВНИИНМ-50 лет». В 2-х т. (М., 1995), «Страницы истории ВНИИНМ. Воспоминания сотрудников». В 2-х т. (М., 1994), «Решение плутониевой проблемы. ВНИИНМ 1945-1949 гг.» (М., 2000).

Изучен большой массив публикаций (статьи, книги, брошюры, сборники статей и т.д.), авторами которых являются Л.Н. Ахмин, З.П. Балашова, Л.М. Борисов, А.А. Вашман, М.В. Владимирова, Т.Я. Гармаш, И.С. Головин, О.Б. Громов, З.В. Ершова, Н.Х. Загиров, Н.И. Иванов, В.Д. Ильяшевич, С.М. Карпачева, Д.В. Ким, С.Н. Кириллов, П.В. Ковтуненко, В.Н. Коровушкин, А.К. Круглов, Д.С. Кунаев, В.И. Кутайцев, С.П. Кучин, Д.П. Лобанов, П.Ф. Ломако, А.Г. Макаров, А.Ф. Максимова, В.Ф. Мала-

хов, В.Н. Мартынова, И.Е. Нахутин, Ю.В. Нежелский, В.Н. Новоселов, Д.К. Омарова, А.П. Пашкова, Л.А. Пинегина, И.Н. Плаксин, С.И. Полькин, П.В. Прибытков, Ю.В. Прибытков, Е.П. Прокопович, Э.Г. Раков, В.В. Ревякин, Ф.Г. Решетников, В.М. Родин, А.М. Розен, Е.И. Рябчиков, В.И. Савельева, В.М. Сандлирский, А.Н. Свечников, Н.А. Секретов, Ю.А. Сидоренко, Л.Г. Сизов, С.А. Снегов, Л.П. Сохина, В.С. Толстиков, М.И. Фадеев, Б.А. Фаин, С.А. Федюкин, В.Я. Фирсов, Б.П. Ходюков, А.М. Чекмарев, В.В. Чубуков, Д.Р. Шульгин.

Серьезным подспорьем в работе над темой явились справочные энциклопедические издания: «Челябинская область. Энциклопедия» (Челябинск, 2003); «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия» (Екатеринбург, 2001); «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960» (М., 1998); «История сталинского Гулага» (М., 2004–2005).

К числу дополнительных справочно-информационных изданий относятся: «Годы и люди. 60 лет балхашской меди» (Балхаш, 1998); «Очерки истории инженерного физико-химического факультета РХТУ им. Д.И. Менделеева» (М., 1999), «МИЦМиЗ. Юбилейный сборник научных трудов. 1930–1940». Вып.9 (М.–Л., 1940), «Московский государственный институт стали и сплавов. 75 лет. Годы, события, люди» (М., 2005), «Органы управления отраслью «Геология и разведка недр». От Геолкома до Министерства геологии СССР. 1882–1985» (Автор-составитель П.С. Петров; Л., 1990).

Ряд сведений заимствованы из периодической печати («Российская газета», «Литературная газета», «Атомпресса», «Наука-9»).

В книге использованы фотоматериалы из семейного архива В.Б. Шевченко, а также предоставленные В.В. Ревякиным, В.В. Чубуковым и опубликованные в газете «Наука-9».

В некоторых случаях при цитировании ранее опубликованных воспоминаний автор-составитель вынужден был частично редактировать текст для устранения повторов, нестыковок и т.п. Надеюсь, правка вполне соответствует смыслу первоисточника.

Прошу извинения перед теми, у кого не успел получить право использовать выдержки из их публикаций прежних лет.

Большую помощь в подготовке и организации издания книги, поиске материалов, ветеранов, проверке разнообразной информации оказали работники ВНИИНМ им. академика А.А. Бочвара – В.И. Волк, А.В. Ватулин, Ю.В. Ростовцев, К.Г. Ткач, И.С. Головин, В.В. Ревякин, М.В. Владимирова, А.А. Вашман, И.И. Коновалов, Н.Н. Попов, а также других организаций, ведомств, предприятий – В.С. Кухарчук, В.В. Пичугин, Л.П. Бомбакова, Н.Г. Буторова, В.Г. Рыбаков, Э.Ф. Исаева, Л.А. Киселева, Н.Х. Загиров, Е.В. Быховская, А.В. Осина, И.В. Карнаухов, Г.Н. Кибиткина, Е.П. Турова, Е.И. Комарова, Л.О. Петрова, Л.Г. Рагозникова, В.А. Староверов, А.А. Кузнецов, П.В. Прибытков, Л.Г. Печерская, О.А. Дюжиков, С.Ф. Служеникин. Благодарен им за бескорыстное содействие и доброжелательность.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОДЫ МОЛОДЫЕ	7
ПРИТЯЖЕНИЕ МЕТАЛЛА	17
Уроки Карабаша	17
Страсти у Балхаша	25
Испытание Большим Джеккаганом	36
За полярным кругом	57
На «платиновом» заводе	94
НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ. АТОМНЫЙ ПРОЕКТ	104
Особо важное задание	104
Задачи высшей сложности	117
Плутония ради	123
Смена директора	129
Научная «гавань»	135
Его главная тема	140
ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА БОРИСОВИЧА (1945-1981)	146
Первый директор	146
Начальник лаборатории	160
Ученый, исследователь	179
В стенах «Менделеевки»	197
А он был и таким...	208
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ	224
Справочно-информационные материалы	226
О В.Б. Шевченко вспоминали...	226
Источники и литература	229

Виктор Шевченко — металлург и атомщик

Автор-составитель — Важнов М.Я.

Отв. редактор Ростовцев Ю.В.

Компьютерная верстка А.Л. Цветков

Корректор Г.В. Чернышова

Подписано в печать 20.12.2006. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз.
Заказ № 416

Издательство по Атомной технике (ИздАТ)
123182, Москва, ул. Живописная, д. 46, тел. 8-499-190-92-70

Отпечатано в соответствии с качеством представленных оригиналов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Г-49, Шубинский пер. 6

Виктор — "Карловский забияка", 1916 г.

Комсомольский штаб, г. Зеньков, 1924 г.
(Виктор стоит в центре)

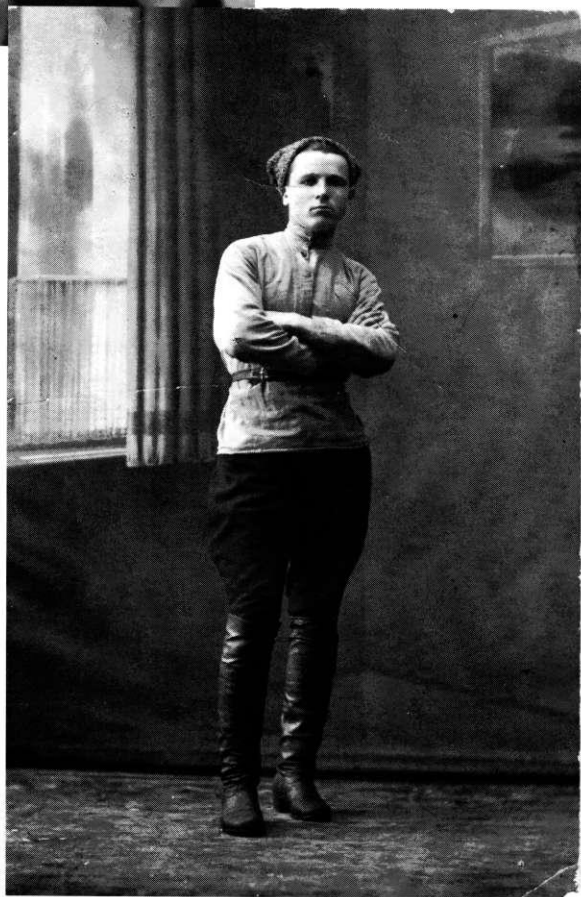

С друзьями-комсомольцами, г. Карловка, 1922 г.
(Виктор в центре)

Виктор Шевченко на учебе комсомольского актива, Полтавщина, 1924 г.
(в первом ряду слева)

Татьяна Николаевна,
г. Батуми, 1927 г.

Виктор Борисович
в Кавказской армии
г. Батуми, 1927 г.

Полковник-инженер В.Б. Шевченко, 1944 г.

Виктор Борисович с сыном Валерием,
Красноярск, 1944 г.

Татьяна Николаевна и Виктор Борисович с сыном Валерием,
Евпатория, 1950 г.

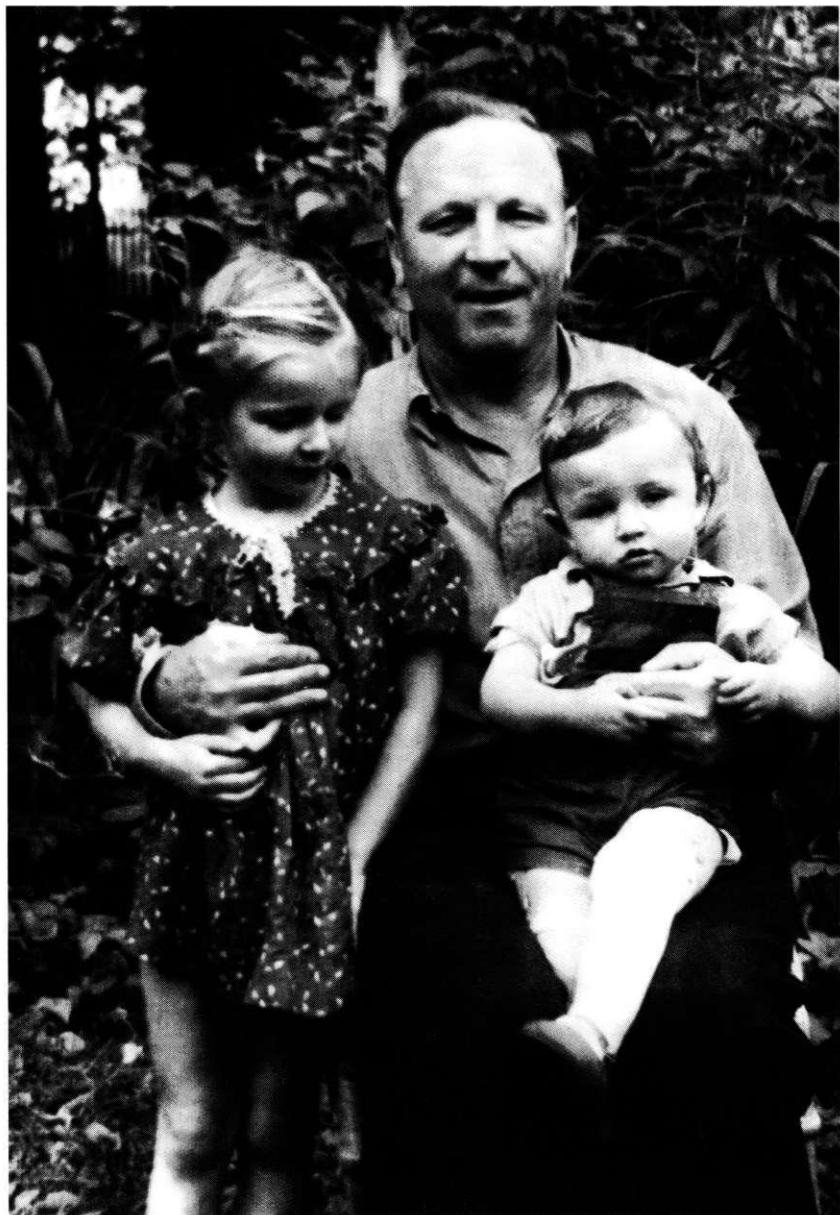
Виктор Борисович на отдыхе, Евпатория, 1966 г.

Татьяна Николаевна с внучкой Оксаной на даче,
Истра, 1956 г.

Татьяна Николаевна с сыном Владимиром
и его женой Наташей на даче, Истра, 1956 г.

Виктор Борисович с внуками Оксаной и Андреем,
дача, Истра, 1958 г.

Готовимся к рыбалке, на даче с сыном Валерием,
Истра, 1950 г.。

После лыжной прогулки на даче,
Истра, 1974 г.

На субботнике, апрель 1975 г. (с Н.А. Кораблевой)

На банкете по случаю юбилея лаборатории № 10
(с К.П. Луничкиной)

В.Б. Шевченко, 1976 г.

Лабораторный корпус "А" ВНИИНМ

Лабораторный корпус "Б" ВНИИНМ

Памятная доска у корпуса "Б",
где работал В.Б. Шевченко
и находилась лаборатория № 10